ПОЭТИЧЕСКІЯ

ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА

ПРИРОДУ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПОЭТИЧЕСКІЯ

ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА

ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИѲИЧЕСКИМИ СКАЗАНІЯМИ ДРУГИХЪ РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АѲАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—

1869.

Библиотека "Руниверс"

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XXII. Нечистая сила: демоническій типъ громовника стр.—1, молнія=хромая нога—2, нечистые духи, какъ представители бурныхъ и грозовыхъ явленій—9, чортова мать—14, адское царство (пекло)=нѣдра грозовыхъ тучъ—15, огненная рѣка—22, адъ=туманное, облачное небо зимнихъ мѣсяцевъ—25, адскія мýки—29, Морана, богиня ночнаго мрака, зимы и смерти—33, Смерть и Сонъ—братья—36, вѣра въ сновидѣнія—39, олицетворенія Сна и Смерти—42, борьба Живота и Смерти—44, Смерть въ оковахъ—50, ангелы смерти—53, Смерть-невѣста—57, болѣзни—послы смерти и кàра боговъ—58, представленіе болѣзней демонами—58, связь ихъ съ стихійными духами, эльфами—69; лихорадки—81, заклятія противъ нихъ—85, врачебные обряды—98, Моровая дѣва (чума)—103, гоминъ—111, холера и коровья смерть—114.

XXIII. Облачныя жены и дѣвы: облака=женскія груди—117, представленіе дождевыхъ облаковъ нимфами, водными женами—119, русалки—121, облака=небесная пряжа и ткани—128, паутина=ткань эльфовъ—133, кикиморы и полудницы—136, русальи—140, вилы—152, самовилы и самодивы—182, лебединыя дѣвы—186.

XXIV. Души усопшихъ—195, душа=огонь—197, звѣзда—206, дымъ, паръ—209, воздухъ и вѣтръ—210, тѣни усопшихъ—212, душа=бабочка и вообще насѣкомое, образующееся изъ личинки: жукъ, пчела, муха, комаръ—214 и 292, душа=птица—218, крещеніе кукушекъ—226, души=эльфы—230, навы

Библиотека "Руниверс"

—235, вилы и русалки, какъ духи усопшихъ—239, мавки—241, участіе усопшихъ въ полетѣ неистоваго воинства—244, ночь—время появленія мертвецовъ, мѣсяцъ—свѣтило загробнаго міра—248; царство душъ, вселеніе души въ тѣло новорожденнаго младенца и удаленіе ея по смерти въ небесную отчизну—252; востокъ—царство блаженныхъ—277, странствованіе души въ небесныя селенія—279, млечный путь и радуга—282, вліяніе временъ года на посмертное состояніе душъ—287, душа=змѣя, мышь и вообще оборотень—299, похищеніе и подмѣнъ дѣтей эльфами и сродными съ ними духами—305.

XXV. Дѣвы судьбы: Родъ и рожаницы—318, вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка—321, добрые и злые часы—324, Зирка—327, Верпея—328, лаумы—331, рожаницы и судицы—333, вилы—339, орисницы—343, мойры и парки—344, феи—347, норны—349, счастливая сорочка и духи-хранители—359, валькиріи—363, вѣра въ предопредѣленіе—368, рожденіе, бракъ и смерть, какъ три жизненные термина, установляемые Судьбою—369, боги, какъ представители рока—376, жребій и гаданія—382, Родъ=Судьба—386, связь идеи судьбы съ солнцемъ—389, Судьба, Доля и Недоля—391, злыдни—404, Усуд и Срећа—409, колесо Фортуны—413, бѣдовики и счастливцы—415, жертвоприношенія Роду и рожаницамъ—416.

XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни: названія, присвоеныя вѣщимъ мужамъ и женамъ—422; въ чемъ проявляется вѣщая сила вѣдуновъ и вѣдьмъ?—427, наузы—429, стихійно-демоническій характеръ вѣдуновъ и вѣдьмъ: они насылаютъ грозовыя тучи, бури и градъ—441, похищаютъ дождь и росу—449, скрадываютъ свѣтила—453; гады-производители дождя—450; полеты вѣдьмъ, грозовая туча=затопленная печь, молнія=кочерга—456, гроза=варка небеснаго пива—459, воздушные поѣзды колдуновъ и вѣдьмъ на змѣяхъ, волкахъ и другихъ животныхъ—462, вѣдьмы—небесныя пряхи и прачки 467, лысая гора, вѣдовскія сборища и любодѣйная связь вѣдьмъ съ чертями—469, сближеніе преданій о вѣдовскихъ сборищахъ съ дѣйствительными религіозными празднествами—482, доеніе коровъ—485, гроза=пахтанье масла—489, обряды при весеннемъ выгонѣ стадъ въ поле—490, средства, охраняющія отъ колдуновъ и вѣдьмъ—496, вѣдьмы—производительницы засухъ, неурожаевъ и мора—500, мыши, какъ порожденіе колдовства—505, избіеніе вѣдьмъ—507, казни ихъ чрезъ сожженіе, потопленіе и зарытіе въ землю—509 и 523, чары на безплодіе

Библиотека "Руниверс"

женъ—513, порча и недуги, насылаемые вѣдьмами—518, оборотни—525, вовкулаки—527, превращенія въ звѣрей, птицъ и гадовъ—532, средства, силою которыхъ колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей въ животныхъ—551, упыри—557, связь вѣдуновъ, вѣдьмъ и оборотней съ эльфами, упыри=души усопшихъ—566, съѣданіе вѣдьмами сердца—569, вампиры производятъ засуху, неурожаи и смертность—572, пожираніе упырями и вѣдьмами человѣческаго мяса—582, похищеніе и поѣданіе ими младенцевъ—585, баба-яга—587.

XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ: враждебныя отношенія волхвовъ къ христіанству—596, двоевѣріе—600, протесты духовенства противъ волхованія—601, отреченныя книги—605, сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ—610, вѣра въ колдовство и вызванные ею процессы въ XV—XVII столѣтіяхъ—614, ихота и клишуество—634, чары во время царскихъ свадебъ—638, дѣла о волшебствѣ, возникавшія при царскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи—641, вліяніе Петровской реформы—653.

XXVIII. Народные праздники: времена года—659, имена мѣсяцевъ—663, народный дневникъ—670, олицетвореніе четырехъ временъ года и двѣнадцати мѣсяцевъ—675, знаменія весны—683, Жива—686, обрядовый призывъ весны—689, борьба Зимы и Лѣта—691, масляница—696, праздникъ весны=воскресающей природы—698, Остара—700, Троицкая недѣля и майскій праздникъ—704, лѣтній поворотъ солнца (Ивановъ день)—710, Купало—712, Кострома—725, Ярило—726, признаки приближающейся зимы—728, зимній поворотъ солнца=Коляда—729, баданъ—733, Овсень—747, святочныя пѣсни—752, Корочунъ и Ситиверъ—760, земледѣльческія празднества—761, житные духи—771.

Дополненія и поправки . . . . . 776.

Указатель именъ и предметовъ . . . . . 817.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны— есть богъ лукавый, злобный, пріемлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подъ вліяніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молніями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усвоиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями – становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственныя имъ прозванія, которыя впослѣдствіи перешли въ имена собственныя, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подъ землею — Ζεὺς καταχθόνιος, Jupiter niger =

Библиотека "Руниверс"

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ [1]); возлѣ благаго, плодородящаго Тора—лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій миѳъ разсказываетъ, что раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что вслѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами [2]); низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundr'омъ [3]). Быстрота молній заставила сближать ихъ не только съ летучими, окрыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзваго бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весенних грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты сребро-и злато-ногихъ, почему на конецъ подвижная избушка вѣдьмы (=ходячее облако) сто-

---

[1]) Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno infernа—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — [2]) Я. Гриммъ допускаетъ тождественость между богомъ Loki и великаномъ Logi (naturkraft des feuers, отъ liuhan=lucere), сыномъ Форніотра (forn-iotr, der alte iotr, iötunn). — [3]) D. Myth., 220-1 („Zumal vorstechend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstellt"), 351; Симрокъ. 113-5.

Библиотека "Руниверс"

нтъ и повертывается на курьихъ ножкахъ, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), имя котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачнымъ скаламъ, высѣкали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ изломанной, искривленной линіей [1]), то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромоногаго человѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе пятъ или поврежденіе ноги у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адовы (см. II, стр. 686); подъ дверью здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палица. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ отворяетъ въ небесномъ чертогѣ дверь или окно, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня [2]). Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были подрѣзаны на ногахъ жилы; по свидѣтельству индѣйскаго миоа, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ подошву, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой пяткѣ; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ отрѣзавъ свои икры и скормивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣчье испытываютъ и миѳическія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козелъ Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость задней ноги I, 685); а конь Бальдура вывихнулъ ногу

[1]) Римляне чтили Марса подъ образомъ кривого меча — hasta curva. — [2]) Пов. и пред., 153-5; Громанн., 36-37.

Библиотека "Руниверс"

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одину въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкучія горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержецъ или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палецъ, фаллюсъ, перо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяцъ и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ дикаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ [1]) и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взирая на извивъ молніи, какъ на тотъ непрямой путь, которымъ шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ посредство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; доснхъ поръ обойдти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукавой — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ—согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; лукать—бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгибъ морскаго

[1]) Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

Библиотека "Руниверс"

берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всѣхъ кельтскихъ нарѣчіяхъ kam—кривой, въ кимр.—худой, злой, а въ ирланд.—сильный, могучій, кимр. kamu, армор. kamma—натягивать лукъ [1]). Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямотѣ душевной; прямить — говорить правду (напрямки, впрямь), прямой человѣкъ—честный, неподкупный, идущій прямымъ путемъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понятіемъ, неразлучнымъ со всѣми представленіями стихійныхъ духовъ: владим. достремиться (стремный, стремый—скорый, проворный)—догадаться, достремливый—тоже, что дошлый: смышленый, догадливый, буквально: добѣгающій, достающій до цѣли; перм. угонка—смѣтливость, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово даметъ («не въ даметъ»=не въ домёкъ, отъ до-метнуть). Серб. хитар, тождественное съ нашимъ хитрый, значитъ: быстрый, хорут. hiteti—спѣшить, старослав. хы(и)тити—схватить, поймать; сравни чеш. chwatati, новгор. и твер. хвататься—торопиться, серб. дофатити (=дохитити)—достигнуть и рус. хватъ—молодецъ; хапать—схватывать и олон. хапистый—молодцоватый. Слѣдовательно хитрый первоначально могло означать тоже, что и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловитъ, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами мущины, ручательствомъ за его умъ [2]). Наряду съ словомъ лукавый, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, un-

[1]) Галлы, соч. Георгіевскаго, 126. — [2]) Потебн., 62-66.

Библиотека "Руниверс"

holde, у отцовъ церкви: antiquus hostis [1]), хитникъ также служитъ для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ тоже время похитителя небеснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а впослѣдствіи — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донынѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ эпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux [2]), хромой бѣсъ, хромой чортъ [3]); въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпятая» [4]); чехи поминаютъ kulhavèho čerta и kulhavè hromu [5]). Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣмъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черный видъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударяя кузнечнымъ мо́лотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа [6]). Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světlonosi = эльфы [7]) въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми нѣкогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней [8]). Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

---

[1]) D. Myth., 940-2. — [2]) Ibid., 352, 945. — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152—народная поговорка: „чортъ хромъ, да съ рожками"; Н. Р. Лег., 20. — [4]) Ворон. Г. В. 1850, 29. — [5]) Ганушъ о Дѣдѣ-Всевѣдѣ, 28, 37.— [6]) Beiträge zur D. Myth., II, 313. — [7]) Громанны, 20 : světlonosi собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно накликать ихъ свистомъ. — [8]) Люциферъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымъ духомъ — D. Myth., 937.

Библиотека "Руниверс"

къ корню lukan (claudere — запирать, claudus — хромой); скан. lok-finis, consummatio, loka — запоръ, засовъ у дверей: свидѣтельство языка — въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо» = небо, непосылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожаи. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ засѣваетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландѣ вредная для скота трава называется Lokkens havre — подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «nu saaer Lokken sin havre» (теперь Локи сѣетъ свою траву). Въ средніе вѣка чорта представляли подъ символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Torkar'ѣ чортъ, похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ troll-tram отъ скан. trami, tremill, др.-в.-нѣм. dremil — засовъ у дверей [1]). Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (dies Saturni), у германскихъ племенъ называется: Soeteresdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag; англос. soetere — insidiator, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. sâzari, ср.-в.-нѣм. sâze — insidiae = lâga, lâge). Такое названіе субботняго дня приводитъ на мысль скан. laugardagr, швед. löger-dag, дат. löverdag, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: Lokadagr, Logadagr — день, посвященный Локи. Итакъ Локи соотвѣтствуетъ Сатурну, жестокому богу преисподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

[1]) Ibid., 222-3, 951-2.

Библиотека "Руниверс"

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. Locki— verführer, verlocker, nachsteller, дат. Loke löjemand (lovmand) намекаетъ на lyve — лгать, обманывать (prät. löi); Гриммъ подозрѣваетъ сродство между словами lüge — ложь, обманъ и logi — огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово wind употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, windbeutel — лжецъ; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустыя рѣчи, враки, вѣтренный человѣкъ— безпутный; у датчанъ есть пословица: lögn er et skadeligt uveir (ложь—опасная буря). Der lügner — не только лжецъ, но и насмѣшникъ, шутникъ, какимъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шу́тика [1]). Старинныя хроники свидѣтельствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ вдолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершихъ; подъ правою его ногою были видны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли во́роны и другія хищныя птицы. Видукиндъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя глоссамъ Вацерада, было Ситиврат ъ (см. гл. XXVIII). Словаки мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ пропасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

[1]) Ibid., 226-7, 568, 968; Громанинъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

Библиотека "Руниверс"

врата), и злаго духа называютъ пропастникомъ, препадникомъ [1]).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и повѣрья о нечистыхъ духахъ изображаютъ въ нихъ—демоновъ грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ ихъ адскомъ жилищѣ- мрачные гертепы облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвященныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшимъ и другимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшиваются черти. Вритра, Аги, Çushna и другіе демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловѣченныя явленія природы, ибо дѣятельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; обитая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похищаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи [2]). Въ шумѣ весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ молотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ повѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить на чорта оковы [3]). Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по этому предмету выше (I, 261 — 6), мы добавимъ свидѣтельство старинаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по содержанію съ русскимъ стихомъ о голубиной книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ претворяется въ тьму, а Господь—въ свѣтъ: первый принимаетъ образъ исполинскаго змѣя, а послѣдній—копья. Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождемъ, сатана признаетъ себя по-

[1]) Мануш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, Ш, ст. Срезнев., 45; Nar. zpiewanky, I, 429; Срезнев, 17. — [2]) Germ. Mythen, 167—8. [3]) Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

Библиотека "Руниверс"

бѣжденнымъ, и Господь налагаетъ на него желѣзныя цѣпи [1]). Подъ другимъ поэтическимъ возрѣніемъ гроза и крутящіеся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что зимнія вьюги и мятели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурею и трескомъ ломающихся деревьевъ. Маніхеи и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота [2]). Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ заклятія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четиримъ патріархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отець, иже въ Никеи, да не имаши власти на троудѣхъ христіаньскыхъ (т. е. надъ нивами) одьждити (одождити) бурею и злымъ градомь» [3]). По мнѣнію чеховъ, вмѣстѣ съ вихрями, подымающими пыль столбомъ, движутся злые духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаютъ ее слѣдующей заповѣдной формулой: «zaklinam vás, andĕle pekelni kteri posiláte krupobiti na tento svĕt, neškod'te ourodám božim, ani zemi, ani chmelnicim, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvořeni božimu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коровахъ!» [4]) Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ которыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

[1]) Опытъ истор. обозр. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — [2]) Кіевл. 1865, 57; D. Myth., 952. — [3]) Оп. Румян. Муз., 605—6. — [4]) Громанъ, 33—35.

Библиотека "Руниверс"

стыхъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ разсказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрѣ. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!» [1]) Въ народныхъ клятвахъ донынѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «fahr hin zum teufel!» «le diable t'emporte!» «куда тебя чортъ занёсъ! (или: завелъ)» «чтобъ тебя чортъ бралъ!» Сличи съ заклятіями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der hagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебя занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Paroma!» «kde si bol u Paroma?» Клятва: zum teufel! (къ чорту!) равносильна выраженіямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословеніемъ: gott walts! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названія teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ неистоваго воинства; подобно эльфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

[1]) Иричекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

Библиотека "Руниверс"

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои приносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чертомъ и бо́льшею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня [1]). Извѣстна легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свезлъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ [2]) Другія саги допускаютъ замѣну нечистаго духа ангеломъ, указующимъ на быстроногаго коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (=вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ [3]). Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во всѣ тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій миѳъ олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими, а вѣтровъ буйными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчіи шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола [4]). По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконогому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожираютъ (=помрачаютъ) небесныя свѣтила,— волку и свиньѣ. Всѣ эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдьмами, можетъ превращаться въ бо́рзаго коня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

---

[1]) D. Myth., 951, 964, 6, 980; Nar. zpiewanky, I, 407. — [2]) Н. Р. Лег., 19, 20, с и стр. 165-8; Семеньск., 52 53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святителѣ о Иваннѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимѣ-градѣ и паки возвратися.“ — [3]) D. Myth, 980. — [4]) Обл. Сл., 263.

Библиотека "Руниверс"

Донару, выѣзжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черные кони; Локи превращался въ кобылу и породилъ осьминогаго Слейпнира отъ великанова жеребца Svadhilfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и совсѣмъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спрятанныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ—этой поэтической картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу миѳическаго сродства мертвецовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, будто онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др.-верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особенно-близкія отношенія къ Тору. На праздничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чернаго козла, которому онѣ воздаютъ божескія почести; въ заплатіяхъ козелъ служитъ замѣной древняго бога. Въ Швейцаріи народъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкновеніе объясняется изъ мива о козлахъ Тора, мясомъ которыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей снова воскрешалъ убитыхъ и съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на козлѣ и щелкаетъ бичомъ, или правою рукою махаетъ серебренымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О превращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (I,715,732,740,781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

Библиотека "Руниверс"

вѡрона, коршуна и сову (I, 529); нѣмцы называютъ его hellerabe, и не только ради хищности и чернаго цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одину, шествующему въ грозѣ и бурях[1]). Животненныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ внѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатирами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также косматъ, какъ skraten и pilosen; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ черны, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо»[2]). Сходно съ эльфами, цвергами и никсами, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4[3]). На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами[4]). У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери![5]) Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ бѡльшей части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ—см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мнѣнію малоруссовъ, если «дощъ йде кризь сонце (т. е. при солнѣчномъ сіяніи), то чортъ жинку бье» или «дочку замижъ виддае»; чехи говорятъ: čert běli svou babu, či svou matku neb chot'

[1]) D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — [2]) П. С. Р. Л., II, 273. — [3]) Ibid., I, 83. — [4]) D. Myth., 958—9. — [5]) Номис., 109: „дочекався чортовой мами!“

(любовницу); французы: le diable bat sa femme». Въ Германіи о быстро-смѣняющейся погодѣ—то ясной, то дождливой и пасмурной выражаются поговоркою: der teufel bleicht seine grossmutter, въ Швейцаріи: der teufel schlägt seine mutter; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, нѣмцы говорятъ: «der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.» Польско-русинское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла=дождя (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ нѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, литов. Percuna tete. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозоваго демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллюсомъ [1]).

Вмѣстѣ съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ тоже время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ Смерть родилась съ нечистою силою [2]), а тѣни усопшихъ съ грозовыми геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ неистоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и вмѣстѣ съ нимъ скрыва-

---

[1]) D. Myth., 157, 960; Нокис., 282; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народныя поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою", „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу". — [2]) Напомнимъ, что суббота (dies Saturni) есть по преимуществу день поминокъ.

Библиотека "Руниверс"

лись въ облачныя горы и дождевые источники. Тѣже самые образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь чрезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучами, а пламя—на горящія въ нихъ молніи. Таково было возрѣніе арійскихъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Naraka, въ которомъ царствуетъ богиня Nirṛiti [1]); по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и мглистый адъ (ἀΐδης, ᾅδης), гдѣ властвуетъ богъ Аидесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи [2]). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини—точно также, какъ греч. Ἀΐδης и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфила переводитъ ᾅδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, a gehenna—черезъ helafiur и hellawîzi. Геллу, сверхъ того, чтили язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

---

[1]) Die Götterwelt, 53. — [2]) Der Ursprung der Myth., 171.

Библиотека "Руниверс"

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее с у м р а ч ною и ч е р н о ю. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подъ корнемъ міровой ясени Иггдразилля и носитъ имя Niflheimr или Niflhel=nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Hûngr (голодъ), ножъ—Sultr (съ тѣмъ же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о б е з д н ѣ, д в е р я х ъ и ч е л ю с т я х ъ адскихъ. Идея зіяющей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ запоровъ такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и лубочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя [1]). Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («fara til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ не только h i m m e l w a g e n, но и h e l l e w a g e n; имена, даваемыя млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и б л а ж е н н ы е о с т р о в а. Рядомъ съ подземной страною Naraka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (acvattha

[1]) У пророка Исаіи, V, 14: „и разшири адъ душу свою, и разверзе уста своя". На стѣнной живописи вологодскаго Софійскаго собора подъ стопами Спасителя, изводящаго изъ ада души праотцевъ, изображены сокрушенныя врата, вереи и заклепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

Библиотека "Руниверс"

=Иггдразиль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яма и всѣ блаженные—Pitṛis, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій миѳъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одинъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящіе мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (einherien) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пировали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яства и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казняхъ и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣтельствуютъ примѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачные вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ миѳическихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

Библиотека "Руниверс"

ли развиться представленія о различной участи, ожидающей по смерти добрыхъ и злыхъ. Слабые зачатки такихъ представленій встрѣчаемъ уже въ мірѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Нараки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ перенесеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противополагаться миѳу о небесныхъ (райскихъ) обителяхъ боговъ и ихъ любимцевъ [1]). Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже ᾅδης'а—въ безднѣ, гдѣ томились заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осуждены терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ безпечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (Allvater) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгніетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается къ Одину на небо (Gimill, Vingôlf), а душа злаго идетъ въ Niflheimr. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства мукъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя [2]). Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

[1]) Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — Midhgardh (media domus) — D. Myth., 526; О вл. христ. на сл. яз., 188 — [2]) D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

Библиотека "Руниверс"

блается въ смыслѣ ада—bĕch (pĕch—pix, смола); новые греки называютъ преисподнюю πίσσα. Этотъ смоляной адъ извѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пе́кла (пол. piekło, серб. пакао, слов. pekel, илл. pakal, лит. peklà, др.-прус. pickullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку и равно означаетъ и смолу, которая гонится чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя [1]). Венгерское pokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варомъ, а слово дёготь имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть [2]). Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ снѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія громовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипучею влагою живой воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозою: «нинѣ грозѣ предаются» [3]). У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela=смола. Литовскій Pokole (Poklus, др.-прус. Pikolos, Pekolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—pyculas (др.-прус. pickuls). По народнымъ повѣрьямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

---

[1]) Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пькъло — смола; отд. II, вып. II, 239: пекла моуки — inferni poenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоли же ковчегъ пекломъ»; пеколъ, пекълъ, пьколъ — смола или асфальтъ. — [2]) Г Микуцкій сближаетъ dah съ славянскимъ жег; д измѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — оружіе, кудель — кужель (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — [3]) Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

Библиотека "Руниверс"

ховъ всегда сопровождается громовымъ трескомъ и удушливыми парами, распространяющими сѣрный или смолистый запахъ [1]). Малороссійская поговорка: «якъ дидько по пеклу шибаетця» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или подземнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда=Перуна перешло въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣмцевъ alt есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того означаетъ и чорта, и великана; сравни наше: «старый чортъ» [2]). Славяне полагаютъ пекло подъ землею, куда надо спускаться чрезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдины русскіе убѣждены, что душа во время «обмиранья» (летаргіи), руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (in meliores inferni sedes [3]). Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами [4]); а славацкій pikuljk принадлежитъ къ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтились духи усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отправляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда чрезъ глубокую яму. Словаки разсказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по указанію бабы-яги, ѣздилъ въ адъ и спускался для того въ пропасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хватило запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсегда хромъ [5]). Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

---

[1]) D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Дюсенбахъ, I, 336-7; Гануш о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громанн, 27; Кіевл. 1865, 57.— [2]) D. Myth., 957. — [3]) Ж. М. Н П. 1847, II, ст. Срезнев., 188. — [4]) Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — [5]) Пов. и пред., 153—5; Nar. zpiewanky, I, 12.

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкихъ и норвежскихъ сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣя заступаетъ громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—во тьму кромешную» [1]). Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нимъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυριφλεγέθον (огненный потокъ [2]). Миѳъ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одряхлѣвшей зимы природы, свидѣтельствуетъ, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристово, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемъ, говоритъ «Кириллъ Туровскій, огнь неугасимый потечеть отъ «въстока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и «море изсушая; твердь же яко береско свертится (вар. небе«са совіются), и вся видимая сущія вещи, развѣе человѣкъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся «земля. И сквозь той огнь подобаетъ всему человѣческому «роду пройти... Въ нихъ же суть нѣціи, мало имуще «съгрѣшенія и неисправленія, яко человѣци, понеже есть Богъ «единъ безъ грѣха, да сими огнемъ искушени будутъ, очис«тятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели «ихъ: праведнымъ даетъ свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

---

[1]) Сахаров, I, 30—31. — [2]) Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλεγω — пожигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьютъ въ скалу, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молніеносная птица) и точитъ свой клювъ.

Библиотека "Руниверс"

«ченіе (см. I, 219). Прешедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огньная си рѣка, по божію повелѣнью, послужившe и отшед- «ши къ западу, учинится во озеро огненное на муче- «ніе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и ровна, яко- «же бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣніемъ бо- «жіимъ премѣнится и будетъ яко злато; изидетъ изъ нея «трава и цвѣтіи много различніи и неувядающи ни- «когда-же... и възрастутъ древа не яко видимая си су- «ще, по высотою, лѣпотою, величествомъ невозможно есть из- «глаголати усты человѣческыми» [1]). Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запылаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,
И снесутъ они орудія огненныя
И погонятъ грѣшныхъ въ рѣку огненну.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣ- ховную землю [2]). На картинахъ страшнаго суда изображает- ся и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описаніи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданіе: «и тою подолью, сказываютъ, хочетъ течи рѣка огненная въ день страшнаго суда» [3]). Въ народномъ стихѣ Михаилъ-архан- гелъ представляется въ роли Харона [4]): какъ на послѣдняго

[1]) Памят. XII в., 100-1; Рукоп. графа Уварова, II, вып. I, 118 —9. Въ стихирахъ недѣли мясопустной, по рукописи XV столѣ- тія, читаемъ: „рѣка же огньная предъ сущимъ течетъ, оужасая вьсѣхъ... плачю и рыдаю, егда во оумѣ пріимоу огнь неоугаси- мый, тмоу кромѣшноую и пропасть глоубокоую, лютаго червия неоусыпающаго и скрежетъ зоубный“ — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — [2]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, Кирѣевск., 196 —205. — [3]) Сахаров., II, 146. — [4]) Имя, указывающее на грозовое божество (χάροψ, χαροπός) — Der Ursprung der Myth., 273.

Библиотека "Руниверс"

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ черезъ адскіе потоки, такъ этотъ перевозитъ души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось — тотчасъ-же все объемлется пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился арійцами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночнаго мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческимъ племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небеснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходятъ подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтило, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой ᾅδης. Весенняя, пожигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходитъ къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемірный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости=зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ безплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то понятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: во первыхъ—адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ—очистительнаго пламени (fegefeuer); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (purgatorium).

Библиотека "Руниверс"

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неводомъ, что̀ напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытащилъ душъ праведныхъ (прощо̀нныхъ) изъ муки
вѣчныя [1]).

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлической рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при кончинѣ вселенной, и потомъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда [2]).

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ страною полуночною, вѣющею зимними стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и миѳахъ, что̀ и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сблизить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Hermôdhr посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ мрачными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурливая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, издревле признаваемая за дорогу въ небесныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Môdhgudhri; она объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

[1]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 215-6. — [2]) Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

Библиотека "Руниверс"

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helvegr) находится еще глубже и сѣвернѣе. Мрачныя, глубокія долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроницаемымъ мракомъ страна Niflheimr'a, гдѣ обитаютъ и носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hvergelmir, изъ котораго истекаютъ двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Giöll, ближайшая къ жилищу богини. Потоки эти суть миѳическія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Туже обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ [1]) и другихъ адскихъ рѣкахъ [2]). По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммеріанъ печальныя область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ...
Ночь безотрадная тамъ всюду окружаетъ живущихъ [3]).

Хотя скандинавскій миѳъ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣт-

---

[1]) „Styx nebulas exhalat iners." — [2]) D Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о райскихъ рѣкахъ; дождевые, грозовые потоки равно принадлежатъ и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски — [3]) Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане=жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ вопросить душу мудраго Тиресія. „Auch deutet ihr name, auf Erebos und Unterwelt, da sie auch Κερβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος mit ἔρεβος zusammenhängt, während der name Κιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf ἐρεμνός 'führt" — Griech. Myth. Преллеръ, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гипербореяхъ — ibid., 189.

Библиотека "Руниверс"

нимъ пожарѣ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югѣ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ Muspellsheimr [1]). Охранять Muspellsheimr приставленъ Surtr (род. Surtar=schwarzbraune)—имя, родственное съ словомъ svartr—niger; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ обѣихъ Эддахъ Суртуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: Völuspâ огонь называетъ Surta sefi—Surti amicus. Когда грѣхи превзыдутъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбіе и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подымется вмѣстѣ съ грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожатъ скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рушится и вмѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вмѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильею-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

[1]) Mutspelli (muspille), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится съ скан. spiöll — corruptio, spilla — corrumpere, англос. spillan — perdere, анг. spill, др.-в.-нѣм. spildan, др.-сакс. spildian; mud, mu (mû?) заключаетъ въ себѣ понятія земли или дерева. Слѣдовательно mudspelli есть поэтическое названіе огня, какъ истребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

Библиотека "Руниверс"

пламеняетъ всѣ горы [1]). Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донынѣ хранятъ воспоминанія о безпощадной странѣ смерти, вѣющей стужею и мятелями. Адъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выхожденія нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда-же прилетаютъ въ извѣстную пору своего губительнаго вліянія, опредѣляемаго физическими условіями, весеннія лихорадки, коровій моръ и другія болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простолюдины даютъ характеристическій эпитетъ «замороженныхъ» [2]). Вспомнимъ, что дивіи народы—великаны заключены въ горахъ на самой полунощи (см. т. II, стр. 455). Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскіе поселяне, и эсты [3]). Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима несъгрѣема и мразъ лютъ». Лингвисты слово τάρταρος роднятъ съ ταρταρίσω—дрожу отъ холода [4]).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленія: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

---

[1]) D. Myth., 768—771. — [2]) Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — [3]) D. Myth., 953. — [4]) Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Матеріалы археолог. словаря).

Библиотека "Руниверс"

ныя послужили основою для изображенія тѣхъ страшныхъ мукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адскія бездны, предаютъ жестокимъ казнямъ; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: henker, diebhenker—палачъ, воръ, мучитель, der mörder von anfang, der grausame seelenhenker [1]). Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неистовую гульбу возлѣ труповъ удавленника и самоубійцы [2]). «Будетъ мука розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: инымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, инымъ—зима студёная, инымъ—смола кипучая, инымъ—черви ядовитые, а инымъ—тьма несвѣтимая и пропасть глубокая [3]). Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности [4]), рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по̀ поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободаютъ желѣзными прутьями и рожнами, а иныхъ сосетъ лютый змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ разсказомъ, записаннымъ въ Паисьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и видѣхомъ озеро полно змій, якожъ біше не видѣть воды подъ ними, и слыша-

[1]) D. Myth., 956, 964. — [2]) Украин. мелодіи Маркевича, 117. — [3]) Ч. О. И и Д., годъ 3, IX, 201.—[4]) Списокъ Троицкой лавры относятъ къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

Библиотека "Руниверс"

хомъ плачь и стенанье люто, и бяше езеро то полно человѣкъ, и приде гласъ съ небесъ, глаголя: си суть людье осуженіи» [1]) Въ одномъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на земли лѣтъ 930 и умре, и прінде Смерть сатанина и вземъ душу его и внесе во адъ мучи(тя)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шестъ цѣпляны.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, станутъ бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а сверху хукаетъ растопленная сѣра [2]); онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти станутъ возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи [3]). На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ; поведите теперь его въ мою баню огненную и положите на ложе огненное.» Черти ведутъ

---

[1]) Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — [2]) Н. Р. Лег., 27 („Кумова кровать"); Шлейхеръ, 75—79. — [3]) Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. пјесме, II, 11-14

Библиотека "Руниверс"

его въ баню, парятъ горящими вѣниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ истязаній они ввергаютъ грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуетъ за ихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими мнѣніями язычества не подлежитъ сомнѣнію. Сосущіе змѣи, неусыпающій червь, раскаленные желѣзные прутья и огненные вѣники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносныхъ тучъ. При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслею о соотвѣтствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, произносившій клевету, долженъ лизать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото,—загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подмѣшиваютъ въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный разсказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо «стѣпомъ, коли яма така глибоченна, що й дна не вид«но. Дидъ (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я по«лизти. Гляну, ажъ се вже другій свитъ. Скризь сидять по«мершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ межъ двоя «дубами горить у пòломъи чоловикъ и кричить: ой, прòби! «укрійте мене, бо замерзну! ой укрійте мене, бо замерзну! «Дидъ и каже: оце той чоловикъ, що проснвся до ёго зимою «въ хату подорожній, а на двори була метелиця та хуртовина, «а винъ не пустивъ, дакъ той и змерзъ пидъ тиномъ. Оце-жъ «теперъ винъ горить у пòломъи, а ёму ще здаетця, що холод«но, и терпить винъ таку му́ку, якъ той подорожній терпивъ «одъ морозу.» По другому варіанту такая му́ка назначается поджигателямъ. «Идемо дальшъ, коли лежить чоловикъ коло «криниці; тече ёму ривчакъ черезъ ротъ, а винъ кричить:

Библиотека "Руниверс"

«прѳби! дайте напитьця! Дидъ и каже: сей не давъ чоловико-«ви въ живыа води напитьця; жавъ винъ на ниви, ажъ иде «старчикъ дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоло-«виче добрій! Дай, ради Христа, води напитьця. А винъ ёму: «оце-жъ для тебе вивизъ! виллю на ниву, а не дамъ такому «дармоѣиду, якъ ти! То отъ теперъ ёму ривчакъ черезъ горло «бижить, а винъ ще пить просить, и довику вичного буде ёму «такъ жарко та тяжко, якъ тому старцеви, що-й шовъ доро-гою.» Или: стоитъ грѣшникъ по самыя уста въ водѣ, а не можетъ утолить нестерпимой жажды; только вздумаетъ напить-ся, какъ вода бѣжитъ отъ него прочь [1]). Подобное ученіе, по свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Тантулу. Весьма вѣро-ятно, что миѳы эти вначалѣ относились къ стихійнымъ ду-хамъ и великанамъ, обитателямъ мрачнаго ада, и потомъ уже были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшникъ, испытующій холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ ска-зочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную баню; грѣшникъ, томимый вѣчною жаждою — великана Опива-лу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга во-дою, приводятъ на мысль преданія о вѣдьмахъ-похитительницахъ небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и гре-ческую басню о Данаидахъ [2]). Народныя легенды [3]) описываютъ загробныя муки, какія удалось набожному и сострадательному странніку («Христову брату») видѣть на пути къ дому не-беснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вмѣсто этого странника выводится добрый молодецъ, который отправляется къ крас-ному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видитъ муки грѣш-никовъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть подно-в-

---

[1]) Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5. — [2]) Греческіе миѳы о Тѝтіи и Сизиѳѣ (Одис., XI) стоятъ въ связи съ преданіями о Прометеѣ и великанахъ, бросающихъ облачныя скалы и горы. — [3]) Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому нумеру.

Библиотека "Руниверс"

ленная въ христіанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣснях «праведнымъ солнцемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужика: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязнённый, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кара опредѣлена ему мстительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою избу крѣпко-накрѣпко, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живописуя адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ совмѣстилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много примѣтъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудачи; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу [1]). На Руси кто прикасался къ трупу покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенныя его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умретъ кто-нибудь во время посѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литвѣ, какъ только

[1]) О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Пропилеи, IV, 211.

Библиотека "Руниверс"

примѣтятъ, что больной умираетъ, тотчасъ-же выносятъ изъ избы всѣ сѣмена, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ всходовъ [1]). Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносѣ мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью [2]). Тогда-же запираютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жилье. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и гребень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удаляется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ [3]). Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотрѣть въ квашню или приложить свои руки къ очагу [4]), чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Вмѣстѣ съ болѣзнями, особенно повальными, быстро-приближающими человѣка къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разливаемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человѣка, лишаетъ его дневного свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

---

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужичане пріостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевыя работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — [2]) Ворон. Бесѣда, 221; Отч. Сб., I, 306; Маякъ, XV, 22 — [3]) Владим. Г. В. 1852, 25, 28. — [4]) Ворон. Бесѣда, 222.

Библиотека "Руниверс"

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. smertis, нѣм. schmerz—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (мракъ)—туманъ, заморекъ (заморень)—первозимье, заморена—начальные морозы [1]), мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней [2]), морекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (захожденіе солнца=его смерть, а восходъ =воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Власлав повалился на землю:

wstati ne možeše;
Morena iei sypáše w noc črnu [3]).

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «po puti wšei z vesny po Moranu»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богинею смерти и зимы; [4]) Вацерадъ сопоставляетъ это имя съ греческою Гекатою, богинею луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: půjdeš na morán; Moře-

---

[1]) Предлогъ *за* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрака или смерти (= зимы). — [2]) Volkslieder der Wenden, II, 268. У литовцевъ и леттовъ Welnas, Wels — богъ смерти превратился въ дьявола — D. Myth., 814. — [3]) Переводъ: встать не можетъ; Морена усыпила его въ черную ночь. — [4]) Другое имя, даваемое этой богинѣ — Smrtonoška.

Библиотека "Руниверс"

na na něj sáhla; proti Mořeně není kořeně означаютъ: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти нѣтъ корешка (лѣкарства [1]). Встрѣчая весну торжественнымъ праздникомъ, славяне совершали въ тоже время обрядъ изгнанія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Моравы (см. гл. XXVIII). Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойницѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая змѣя выпьетъ его очи! [2]) У насъ глаголъ околѣть употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озябнуть и умереть; а глаголъ истывать (стынуть)—въ смыслѣ: издыхать [3]).

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сблизить ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальныя чувства его также чужды внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ миѳологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали Ὕπνος (Somnus) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра —въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ [4]); тамъ возлежитъ Somnus на маковыхъ снотворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся лег-

---

[1]) Ж М Н. П. 1840, XII. 128, 130; Громыкинъ, 5-6. — [2]) О. З 1851, VIII. ст. Буслаева, 52. — [3]) Обл. Сл., 76, 140 — [4]) Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ ἀΐδνυπνος = всегда-сонная.

Библиотека "Руниверс"

кія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ [1]). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» [2]). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же я долго спалъ!» —Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый товарищъ [3]). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ летаргическій слываетъ въ простонародьи обмираньемъ, во время котораго, по разсказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей [4]). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію—замираютъ на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — возстающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; о замерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водянаго). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и сродство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (успшими, успеніе) отъ глагола спать,

---

[1]) Обзоръ миѳій древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприн., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Иліада, XIV, 230-5. Эвенда называетъ адъ жилищемъ тѣней и Сна. — [2]) Полн. собр. пословицъ и поговор. (СПБ., 1822), 232; Старосв. Банд., 206. — [3]) Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škult a Dobšinsky, I, стр. 6; Сказ. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — [4]) Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэтому думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

Библиотека "Руниверс"

усынить, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или b) покойниками=успокоившимися отъ житейской суеты вѣчнымъ сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она заснула, вмѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена усыпила Владислава; малоруссы, при извѣстіи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ спочиває!» Въ англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ сказано: wyrm liged swaefed sâre wund — змѣй лежитъ, спитъ (вмѣсто: издохъ) тяжело-раненный [1]). Въ смоленской губ. мертвецы называются жмурики (отъ глагола жмурить—закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые ложились въ первый разъ вмѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде—тому и умереть суждено раньше. Сербы не совѣтуютъ спать, когда заходитъ солнце, чтобы вмѣстѣ съ умирающимъ свѣтиломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово отемнѣть употребляется въ народномъ говорѣ въ значеніи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частію представляютъ слѣпыми. Какъ сонъ сближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованіе уподобляется жизни; поэтому живой означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы пріѣхали на живыхъ», т. е. мы пріѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ жить употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать [2]). Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

[1]) Номис., 8; Опытъ сравнит. обозр. др. памятн. нар. поэз., II. 20. Итал. cimeterio, фр. cimetière, лат. coemeterium, греч. κοιμητήριον (отъ κοιμάω — дремлю, сплю) — кладбище = усыпальница — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зап. Руси, 141.
[2]) Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

Библиотека "Руниверс"

никамъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши родныньків, вставьте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жильё вѣковѣшноё, ужь побудзиць-то пришли отъ сна крѣпкова». [1])

Эти данныя, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прямаго отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, исполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновидѣнія являлись, какъ быстролетные посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшеній. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василія Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленный вязъ [2]), въ старое время бывало немного, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять соннымъ мечтаніямъ [3]). У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непремѣнно отложитъ задуманное имъ предпріятіе [4]). Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служитъ «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Какъ по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
Тамъ плыветъ, гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

---

[1]) Сахаров., II; 23; Терещ., III, 102; Эти. Сб., I, 161. — [2]) Кирша Дан., 169. — [3]) Изв. Ак. Н., III, 97. — [4]) Зап. морск. офицера, Броневск., III, 277.

Библиотека "Руниверс"

Пушкамъ, ружьицамъ настановлена;
На кормѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ лодки добры мо́лодцы.
Добры мо́лодцы — все разбойнички;
Посередь лодки да и бѣлъ шатёръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣ́вица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалася,
Во слезахъ она слово молвила:
Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Растаялъ мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрѣлену,
Асаулу быть пойману,
Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
А и мнѣ-то, красной дѣ́вицѣ,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ. [1])

Потеря обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распущенная коса—символъ печали по усопшему другу или родичу (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
Что севоднешну ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
Что пустая хоро́мина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходитъ гусыня,

[1]) Варіанты этой пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

Библиотека "Руниверс"

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясенъ соколъ.

Пустая хоромина—чужая сторона, углы опали и бревна расватились—родъ-племя отступилось, котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби — деверья, ласточки — золовки, ясенъ соколъ—женихъ [1]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій разсказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъславь мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрѣною паполомою, на кроваты тисовѣ; чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху» [2]). Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ примѣтъ: черный покровъ и карканье ворона предзнаменуютъ грядущее несчастіе; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ—слезы (I, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, напоминаетъ выраженіе: упиться горемъ [3]). Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX). Греки и римляне присвоивали снамъ религіозный характеръ и вѣрили, что спящій человѣкъ можетъ находиться въ сношеніяхъ съ невиднымъ міромъ; по случаю бла-

---

[1]) О. З. 1851, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. н. пјесме, II, № 47; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 52; Вѣст. Евр. 1818, II, 50—52. Приснился молодцу сонъ, говорятъ пѣсни: упали на его домъ пчелы, а на подворье — звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки —смерть матери (см. гл. XXIV). Есть поговорка: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.» — [2]) Рус. Дост., 116—122. — [3]) Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

Библиотека "Руниверс"

гопріятныхъ сновидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія [1]).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя миѳическія существа. Слѣды такого олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходитъ Сонъ по уломьцѣ,
Въ бѣлесонькой кошулоньцѣ,
Слоняется, тыняется,
Господыньки пытается. [2])

Или:

Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! [3])

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донынѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что за Смертію посылать», въ Германіи: nach dem Tod senden, den Tod suchen; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ нѣмцы отзываются: «der Tod hat vergessen sie abzuholen»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить [4]) Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи [5]); если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерць въ очи поглядѣла» [6]). Согласно съ злобнымъ, де-

---

[1]) Обзоръ миѳовъ о смерти, судьбѣ и пр., 27; D. Myth., 1098—9. — [2]) Сборн. украин. пѣсень, 101. — [3]) Лѣт. рус. лит., кн. II, 108; сравни Srp. n. pjesme, I, 192. — [4]) D. Myth., 802, 814. — [5]) См. сказки о кумѣ-Смерти. — [6]) Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 429.

Библиотека "Руниверс"

ническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солнце, во всѣ глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отмолиться [1]), она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, Mors (Κήρ—смерть въ битвахъ) неумолима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшные, кривые когти. Смерть, говоритъ Гезіодъ, черна (лат. mors atra), скрежещетъ зубами, быстро мчится на войну, хватаетъ падшихъ ратниковъ, и вонзая въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантію [2]). Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшилищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣриное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курносою. Это послѣднее представленіе встрѣчаемъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предаетъ его тлѣнію, и тотъ образъ, въ который она измѣняетъ трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же her Tôt, der heilig Tod выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и духами, она появляется внезапно, нежданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), изнимаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія уподобленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ острыя

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1852. V. 39. — [2]) Обзоръ миѳій древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

Библиотека "Руниверс"

ми когтями; то, подобно охотнику, ловитъ ихъ въ разставленную сѣть; то наконецъ, какъ безпощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искусителю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усопшіе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпями. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пущенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичь, стрѣлы и бердышъ; литовскій Smertis (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ [1]). Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе-вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадается во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка [2]); она извѣстна и въ нѣмецкой литературѣ Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простонародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устныя сказанія и на лубочную картину, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ [3]). Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

---

[1]) D. Myth., 799, 803–6, 809. — [2]) Пам. стар. рус. литер., II, 439—443: Истор. христом. Буслаева, 1355—8.— [3]) Сборн. рус. дух. стиховъ Варенцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Лит. рус лит., кн. II, 183—193.

Библиотека "Руниверс"

устнаго древне-миѳическаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соотвѣтственно съ воззрѣніями и пріемами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію придавъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣмъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и внѣшніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безспорно принадлежатъ къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти позднѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго слабаго человѣка, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными набѣгами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ извѣстнаго въ преданіяхъ разбойника Аники-воина. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взялъ мечь и копье и выѣхалъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою [1]). «Что это за чу-

[1]) Варіантъ: Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

Библиотека "Руниверс"

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказаніемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же выхватила полѣно изъ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазія воспользовалась этимъ миѳическимъ представленіемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнія свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныя сказки возлагаютъ и на богиню Смерть, ради тѣсной связи ея съ третьею паркою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенія ихъ употребляетъ слова: parca и nympha. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — Skuld враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертію долженъ погибнуть человѣкъ. Эдда говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и бо̀льшее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя созидаютъ людское счастіе, а послѣднія стараются имъ противодѣйствовать и посылаютъ горести и страданія [1]). Преданіе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденіи, благами и бѣдствіями, было сильно распространено въ средніе вѣка и донынѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «Dornröschen» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (weise frauen); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотою, богатствомъ и всевозможными добродѣте-

[1]) D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Симрокъ: Эдда, 128. Вѣщія жены völvur произошли отъ великановъ.

Библиотека "Руниверс"

лами, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное пиршество, явилась незванная и изрекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царевна уколется веретеномъ и падетъ мертвая!» Предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ роковой день царевна взошла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и пряла кудель; дотронулась до веретена, уколола палецъ и тотчасъ-же погрузилась въ долголѣтній, непробудный сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи разсказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ heilrätinnen (т. е. присуждающія людямъ счастіе). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаумой) носитъ бѣлую и красную одежды; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (Held) роднится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную пряжу и приготовляютъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ миѳическими помощницами при родахъ— греческими εἰλείθυια'ми и съ богинею Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домà, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спятъ ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра Held плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ = на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, имъ говорятъ: «будьте смирны; не то придетъ злая (die böse) и

Библиотека "Руниверс"

свяжетъ васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ уцѣлѣли разсказы о трехъ таинственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ [1]) и похоронахъ; пѣсня двухъ первыхъ сулитъ новорожденному и новобрачнымъ счастіе, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ имѣется съ боку прялка со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесьи, предвѣщаютъ хорошую погоду [2]). Въ этомъ повѣрьи съ особенною наглядностію выдается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дожденосными) нимфами. О никсахъ разсказываютъ, что онѣ, выходя изъ водъ, являются къ родильницамъ, помогаютъ ихъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и полотна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вёдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткутъ ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (=разцвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hexen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

---

[1]) Нѣмецкая сказка говоритъ о трехъ старыхъ прихахъ, которыя помогаютъ дѣвушкѣ прясть и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому—феи (Ср. Грим., 14; Норвеж. ск., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — [2]) „Jetzt wird es schönes wetter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt" говорятъ поселяне.

Библиотека "Руниверс"

кому повѣрью, если wódna žona разстилаетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причитаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отпираетъ небо — да воззритъ оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтило, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, отворяющей на востокѣ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу розовою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни=благодатное, плодородящее лѣто. Heilrätinnen чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаевъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ—съ черными тучами, несущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали завѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и кончиною человѣка, что все вмѣстѣ и опредѣлило понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ троякими обязанностями, возложенными на облачныхъ дѣвъ, изъ толпы ихъ выдѣлились три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распоряжалась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій: бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благихъ, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

Библиотека "Руниверс"

богиню счастія, а черный—знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, паркамъ, феямъ, норнамъ и роженицамъ Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соотвѣтственныя имъ понятія дѣтства, юности и старости = утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человѣкъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всесильнаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлымъ, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы онъ необходимо сочеталъ представленіе о трехсоставномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицемъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбкою его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человѣкомъ она радуется его счастію, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежитъ текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd—юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человѣка могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

Библиотека "Руниверс"

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ кореннымъ значеніемъ слова «норна») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбуждать распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступили онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненныя нити по небу, озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlûngasaga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — туда, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ моровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркѣ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая—свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя пряхи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими повивается младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человѣкъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
Fahr über den Rhein,
Fahr über goldene Haus,
Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
Eine spinnt Seiden,
Die andre wickelt Weiden,
Die dritte geht an's Brünnchen,
Findet ein goldenes Kindchen. [1])

Золотое дитя, пребывающее въ колодцѣ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы взъемлютъ ее изъ облачнаго источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

[1]) Или: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem büblein hold.

Библиотека "Руниверс"

съ тѣломъ новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человѣкъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упоминаютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'a, которою обвивается младенецъ. Чрезъ посредство этой связи опредѣляются и душевныя свойства человѣка и его счастіе. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги—эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete (отъ einstricken—mit dem seil festbinden). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донынѣ соблюдается обычай привязывать именинникамъ приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, именинъ, при крещеніи и свадьбахъ называются angebinde, die helseta или wörgeta (отъ helsen, würgen — ein band um den hals drehen). Тоже обыкновеніе соблюдалось и славянами. Народная легенда разсказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «co mu (ребенку) budou vázat». У чеховъ употребительны выраженія: «dítěti při křtu [1]) zavázati», «kmotři [2]) dávaji na povijan», а самый подарокъ называется závinek. Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы dreht, flicht или wickelt weiden. Weide (wide, отъ гот. viþan—fesseln, откуда и сканд. vidja—оковы, vadr—веревка) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни чрезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія побѣги ивы и дуба. По этому выраженіе «dreht weiden» должно перевести: вьетъ оковы.

[1]) При крещеніи. — [2]) Кумовья.

Библиотека "Руниверс"

крутитъ удушающую веревку (todesstrick). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славянъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка издавна служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не дано ни единому смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облекается безсмертная душа: на сканд. тѣло — lîk-amr (lîk-hamr), др.-в.-нѣм. lîh-hamo, англос. lîc-hama, flaesc-hama = körperhemd, fleischgewand; скан. fjadhr-hamr, англос. fedher-homa (пернатая сорочка) = vögelkörper, сканд. ûlfs-hamr (волчья одежда) = wolfskörper (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка создавалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряхъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онѣ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неумолимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимыя этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодцу и омочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань возстановляется не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

Библиотека "Руниверс"

ный источникъ Урды (jungbrunnen); норна настоящаго пряла нити, норна прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ какой является душа въ сей тлѣнный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, вырастающей вмѣстѣ съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утомленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество [1]). Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создалось вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затемнилась въ народномъ сознаніи,—за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденныя обвитыми плевою, признаются счастливцами; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб.— у кошуљици, чеш.—v košilce, пол.—w czepku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вмѣстѣ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастіе останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шапку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задуманное предпріятіе [2]). Въ Германіи

[1]) D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — [2]) Абев., 295; Записки Авдѣев., 138; Громяникъ, 106; Стоглавъ возстаетъ

Библиотека "Руниверс"

родильная плева называется glückshaube, wehmutterhäublein [1]); ее тщательно сберегаютъ и привѣшиваютъ къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думаютъ, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣнія и вѣдьмъ [2]). Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонь, а сербы даютъ ему эпитетъ видовит: по ихъ разсказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди [3]). Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовые эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый геній-хранитель. Если выбросить или сжечь счастливую сорочку, то охранительный духъ тотчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется fylgia, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («weil er dem menschen folgt») и hamingia (felicitas; швед. hamn — genius [4]). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. Fylgia вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животнаго, нравъ котораго наиболѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькиріи, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. Gîsli Sûrssonr имѣлъ два фильгія: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

---

противъ обычая приносить такія сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолѣ. — [1]) Въ Голландіи говорятъ: «met den helm geboren zin.» — [2]) D Myth., 362, 828, 1061. — [3]) Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рјечник, 60. — [4]) Genius (одного корня съ gens, geno, gigno) — духъ, присутствующій при рожденіи человѣка и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастія и душевныхъ свойствъ—Römische Myth. (1858 г.), 67.

Библиотека "Руниверс"

пролитію. Fylgien принадлежатъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашняго покоя и довольства. Очевидно, что фильгіи соединили въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей міръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ геніяхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устрояющихъ ихъ счастіе. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго человѣка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастіе, и горе, встрѣчаемыя на жизненномъ пути. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ человѣка смертію, изъемлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приноситъ съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка. Если въ шумной бесѣдѣ вдругъ всѣ замолкнутъ—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи народился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: Ἐρμῆς ἐπεσπήλθε! Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что на него смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ jndel (gütel, gütchen)=духъ-покровитель. Укладывая спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ разстегнуть воротъ его рубашки, чтобы ангелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливъ твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго человѣка есть свой геній счастія [1]). Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, одѣваютъ въ облач-

[1]) D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Эти. Сб., VI, 140.

Библиотека "Руниверс"

ные ткани и купаютъ въ кипучихъ источникахъ дождя, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага разсказываетъ о бѣлой женѣ, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (totenhemden), что всегда служитъ предвѣстіемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; заслышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» — Это мы! раздался отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. — Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказалъ кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа [1]).

Облачныя дѣвы являлись мужественными вентельницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тучъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаетъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щадящаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое urlac (urlouc) означаетъ не только fatum, но и bellum. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ невѣстовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи воиномъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ миѳическихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской миѳологіи носятъ имя валькирій. Какъ существа

[1]) Germ. Myth. 653.

Библиотека "Руниверс"

стихійныя, облачныя, валькиріи летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и долы и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быстроногими конями. Одной изъ валькирій присвоено имя Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar marr (der Mist ross, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькиріи, тамъ ломитъ опустошительная буря, змѣятся и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныя; скан. valr, англос. väl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. välcyrie (välcyrge, välcyrre=valkyria, др.-в.-нѣм. walachuriâ—избирающая: кому пасть въ битвѣ [1]) въ старинныхъ переводахъ служитъ для обозначенія богини войны (Bellona) и фурій (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeyjar (=valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькиріи изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeyjar, hialmmeyjar [2]); въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственныя имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grimhildr (helmjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdrifuł (speere werfend), Geirörul (die lanzennährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrîdh (wut der schilde) и др. Валькиріи состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя неистоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребіи войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunsc, такъ валькиріямъ присвоялось названіе ôskmeyjar=wunschmädchen, что ука-

[1]) Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kûr (др.-в.-нѣм. chur) — electio. — [2]) Schild und helm-mädchen.

Библиотека "Руниверс"

бываетъ въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значеніи слова «wunsch»). Сродство ихъ съ норнами свидѣтельствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ сѣнію міровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла извѣстная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькиріи живутъ въ небесномъ лѣсу Myrkvidhr, купаются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (schwanhemden) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (âpas). Какъ норна Urdhr устремляется на поле сраженія черною птицею, такъ валькиріи перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прядутъ и приготовляютъ ткани; такъ Völundarquidha упоминаетъ о трехъ валькиріяхъ, которыя, сидя на берегу моря, пряли ленъ, и одна изъ нихъ носила имя бѣлой лебеди — Svanhvît. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженія. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькиріи, то кишки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утокъ, мечь служилъ челнокомъ, а стрѣла — бѣрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличь, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и воронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (auswählen) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (valhöll) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вороны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующаго Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вороны назывались птицами валькирій, а волки — собаками норнъ (grauhunde der nornen). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькиріи обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (einherien) рогъ съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ Urdhr

Библиотека "Руниверс"

извѣстно сказаніе, что она сторожила вдохновительный Odhrörir — напитокъ, тождественный по значенію съ живою водою Urdharbrunnen'a. Во главѣ валькирій, какъ бы старшая между нимп, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) принимала къ себѣ души падшихъ витязей, называлась Valfreyja и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь былъ ея птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и пораженіе; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью сторону должна склониться побѣда; въ нихъ самихъ замѣчается неодолимая страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о девяти, тринадцати и дважды-девяти валькиріяхъ (изъ нихъ девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), которыя скачутъ на коняхъ, блистая шлемами, копьями и щитами. Особенно замѣчательна между нимп Skuld — имя, связующее валькирій съ норнами, ибо такъ называлась и младшая норна; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и потому болѣе своихъ сестеръ соотвѣтствовала дѣвамъ, забирающимъ души убитыхъ воиновъ. Своимъ любимымъ героямъ валькиріи помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасности закрывали ихъ щитами. Туже роль, какъ мы знаемъ (стр 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ которыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя черты, усвоенныя эльфамъ, норнамъ и валькиріямъ. Поэтическій образъ вожпственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную параллель между представленіями германской и греческой миѳологій: идисы (idisi) соотвѣтствуютъ нимфамъ (νύμφαι), норны—мойрамъ (μοῖραι), валькиріи — керамъ (κῆρες). Керы—страшныя спутницы убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насильственною смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

Библиотека "Руниверс"

кера, и она непремѣнно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (сравни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболѣе употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—μέλαινα [1]). У Гезіода мрачныя, бѣлозубыя керы носятся надъ толпами сражающихся, запускаютъ въ раненныхъ свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и туже жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ [2]). О южнорусскихъ навкахъ разсказываютъ, что онѣ, захватывая молодыхъ парней, защекочиваютъ ихъ на̀ смерть и питаются ихъ кровью [3]). Между собственными именами валькирій извѣстны еще: Hildr и Gunr (Gudhr), означающія pugna, proelium, что̀ указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены Ἔρις (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, Ἐνυώ, Νίκη, у римлянъ Bellona, Victoria и у славянъ Обида, дѣва съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ обличныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ миѳическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходятъ въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

---

[1]) Иліада, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Маннгардтъ производитъ слово κήρ отъ krit—рѣзать, рубить. — [2]) D. Myth., 306, 388 — 398, 406, 607, 989; Germ. Mythen, 543, 557—567; Beiträge zur D. Myth., II, 203—210; Griech. Myth., I, 656. — [3]) Семеньск., 124.

Библиотека "Руниверс"

вой войны и ея отдѣльныхъ эпизодовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, они усвоиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амазонкахъ [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Родъ и рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія человѣка, не могли не поражать его фантазіи — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліяніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ-разсчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всѣми ея радостями и бѣдами уже наперед опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, миѳическое значеніе которой вполнѣ подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка [2]). По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «нешто у руцы као књигу држи» [3]).

---

[1]) Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ—Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Кирша Дан., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семеньск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — [2]) Срезневск., 8. — [3]) Сербскій лѣтописъ 1862, I, 152—3.

Библиотека "Руниверс"

Наши простолюдины вѣрятъ, что ангелъ у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу [1]), а болгары говорятъ: «тъй му било написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою [2]). Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Моровая дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свитка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи разсказываютъ, что высшій надзоръ за этой страною принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собранныя ими свѣдѣнія своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отмѣтку [3]).

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родись ни хорошъ, ни пригожъ, родись счастливъ (бѣлор. не родзися красный, а родзися щасный; малор. не родись багатій та вродливій, а родись при долі та щасливій; не родись гарній, а родись щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлить дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а безсчастный плачетъ; кому щастя, тому й пѣвень несецця, а коли (счастья) не ведецця, то й курка не несецця; счастливый — что̀ калачъ въ меду (къ нему все пристаетъ, все на прибыль); кому счастье служитъ, тотъ ни о чемъ не тужитъ; талановый и въ морѣ сыщетъ; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту таланy, такъ не пришить къ сарафану;

[1]) Рус. въ св. послов., II, 125—7. — [2]) Караveловъ, 140. — [3]) Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ бы молодецъ, да нѣтъ талану на роду; мой талан ъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родилися; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ fatum отъ fari, т. е. приговоръ судьбы [1]), что̀ вилами въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужь суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршивомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженаго) и на кривыхъ оглоблях ъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объ їдешъ); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ [2]); сравни нѣм. «das ist mir bescheert», «was bescheert ist—entläuft nicht» [3]). Слово судьба (серб. усуд, суђење — «тако ти је усуд усудио!» [4]) одного корня съ глаголомъ судить, и слѣдовательно означаетъ то, что̀ присуждено=предопредѣлено человѣку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщетъ» [5]) и «кого Богъ судитъ, человикъ не розгудитъ» [6]); серб. «да Бог не усуди!» [7]) «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорятъ: «счастливъ твой

---

[1]) Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библіотеки, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣзднаго ради на-рока»=ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — [2]) Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Даля, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословицъ (СПБ., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословицъ, 9, 128, 131, 198; Номис., 35—36, 171; Этн. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — [3]) D. Myth., 822. — [4]) Срп. рјечник, 791. — [5]) Рус. въ св. послов., III, 5. — [6]) Номис., 171. — [7]) Срп. рјечник, 791.

Библиотека "Руниверс"

Богъ!» Въ вологодской губ. уцѣлѣло сложное рѣченіе с у д и б о г и, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы [1]). Чешское преданіе о княжнѣ Любушѣ и двухъ вѣщихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ея сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и святочудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своемъ есть преданіе о т р е х ъ дѣвахъ судьбы (с у д и ц а х ъ [2]). Въ старинныхъ памятникахъ слово с у д ъ прямо употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказано: «ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду с у д а б о ж і я (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславича слава на с у д ъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Мономаха къ Олегу Святославичу встрѣчаемъ подобное-же выраженіе: «с у д ъ о т ъ Б о г а ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ *все* благое и гибельное и приговоровъ которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью [3]). Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣлялся судицами. Объ умершихъ насильственною или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «р о к ъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «р о к ъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а р о к у не миновать!» По глубокому убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

---

[1]) Послов. Даля, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев., 47. — [2]) Отъ санскр. корня diç — diçâmi — indico, ostendo, лат. d i c o, in-dico, ju-dex, греч. δείκνυμι—zeige, δίκη—recht; санскр. d i s h t a m (вмѣсто d i k t a m) означаетъ судьбу, fatum — Курціусъ, 105. Я. Гримм ъ слово s c h a a r e n — учреждать, распоряжать ставить въ связь съ s c h e e r e — ножницы, которыми вооружена парка—О поэзіи въ правѣ, въ Сынѣ Отеч. и Свв. Архивѣ 1831, т. XIII, 45. Сравни выраженія: разрѣшить (развязать, развѣчь) узелъ, разрѣшить или распутать дѣло. — [3]) Рус. Дост., III, 74, 202; L. C. P. M., I, 106.

Библиотека "Руниверс"

«безъ року смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опиться, тотъ обуха не боится; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьетъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловитъ волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужь не животинка» (непремѣнно околѣетъ или достанется хищному звѣрю [1]); у сербовъ: нема смрти без суђена дана», «када мени суђен данак дође!» [2]) Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло»—и онъ остался невреднимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человѣку: «въ чемъ тя застану, въ томъ и сужду» [3]). Бракъ, по народному выраженію, —божій судъ [4]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» [5]); согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — суђеник и суђеница [6]). Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту [7]).

Въ малороссійской пѣснѣ читаемъ:

Ой йде Маруся (невѣста) на посадъ,
Зострича је Господь самъ
И з' долею щасливою,
И з' доброю годиною [8]).

---

[1]) Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Послов. Даля, 27, 46. — [2]) Срп. рјечник, 724. — [3]) Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Буся., 316.— [4]) Доп. къ обл. сл., 316. — [5]) Рус. прост. праздн., IV, 170; Сахаров. — свадебныя пѣсни. — [6]) Срп. рјечник, 724. Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi hoce Mićo sudjen biti», «moj sudjenik», «zete nesudjeni» — Киевлянинъ 1866, св. II, 249. — [7]) Сахаров., I, 137. — [8]) Метлинск., 144.

Библиотека "Руниверс"

Пословицы утверждаютъ: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ и руки [1]) свяжетъ», т. е. наложитъ на избранную чету супружескія узы, видимымъ, символическимъ знаменіемъ которыхъ донынѣ служитъ полотенце, связующее, по требованію обряда, рýки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и разсчетовъ человѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная человѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» [2]), «суженo-ряженo не объѣдешь въ кузовѣ» [3]). Сплетеніе, связываніе брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существамъ миѳическимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича [4]): «посилавъ панъ козака з' листомъ и ему выпала дорога черезъ лисъ, и винъ якъ йихавъ тымъ лисомъ, то надыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—єдно добре, а друге кепське. Але святый Мыколай показався ему въ постати [5]) старого дида. Дѣ той козакъ, прыйихавши близько св. Мыколая, и дывытьця на тое и повидае: що то вы, дидуню, отто робыте? А св. Мыколай видзывае ся до него: а щожъ? ты бачышъ добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, дидуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що?— Ото-такъ, козаче! тiи лыка, которiи я вяжу до купы, то вони свидчать людьську долю! —А чого вы вяже-

[1]) Вар. по рукамъ. — [2]) Или: суженаго не обойдешь и на конѣ не объѣдешь. Названіе «суженый-ряженый» объясняется тавтологической формулой: судить-рядить. — [3]) Послов. Даля, 27, 880, 941, Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 86. — [4]) Изъ матеріаловъ журнала „Основа". — [5]) Въ образѣ.

Библиотека "Руниверс"

те једно лыко добре, а друге кепське? — Бо такъ треба; бо и люды таки на свити: есть добрiи и недобрiи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми.—А то для чого?—Для того, бо якъ бы сье звинчалы сами злы, то воны бы не моглы въ свити жыты, а якъ бы сье повинчалы добры, обое робучiи, то воны-бъ з'великого добра забулы Бога». Тоже преданiе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину божiю?» — А вотъ поѣзжай къ горамъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ѣхалъ Святогоръ цѣлые три дня, доѣхалъ до кузницы и видитъ—куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ—тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечь, ударилъ дѣвицу въ грудь—и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулась она красавицей невиданной и неслыханной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь [1]). Вѣщiй кузнецъ, кующiй судьбы человѣческiя, есть богъ-громовникъ (см. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозовыхъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсня призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

[1]) Рыбник., I, 40—41; см. варiанты въ Записках о южн. Руси, I, 308—9, и въ Перм. Сб., II, 166.

Библиотека "Руниверс"

дой четы: «подь на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» [1]). Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, и на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненныя нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ мионческаго кузнеца сковывать во-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпряденныя парками для жениха и невѣсты [2]). Оба понатія: нить и волосъ отождествляются какъ въ языкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки [3]), дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она имѣла въ головѣ червленый какъ кровь волосъ, напоминающій красно-огненныя кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. Итакъ устраниться отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ни старался добрый молодецъ взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говоритъ ему:

Не бери јеи, брате! та дивчина безъ доли росла,
Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,
Она тобѣ, брате, дружиною не судилася [4]).

---

[1]) Торопецъ, соч. Сенковскаго, 3. — [2]) Луживане называютъ кадьмъ — kuzłarniċje (Volkslieder der Wenden, II, 233); у чеховъ кузельникъ—колдунъ, чародѣй (Срезнев., 60); у насъ кузленица — кузница, кузло—ковка (Обл. Сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и кузнечный молотъ (тверск. губ.). — [3]) Срп. припов., 31. — [4]) Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Библиотека "Руниверс"

Несомнѣнно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всѣмъ міромъ властію и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божіимъ. Самое слово богъ первоначально означало τύχη, fatum. Въ санскритѣ ему соотвѣтствуетъ bhagas (отъ bhag—дѣлить) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастіе и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастіе: «сѣдень сидитъ, а часть (fortuna) его растетъ»; обл. щаска означаетъ и счастіе, и участокъ; серб. честит — счастливый (съ-частьнъ), обладающій частью, злочест — malus = тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлить (нѣм. theilen, гот. dailjan) образовалось слово доля, означающее не только pars (отдѣлъ, ноя судьбу (=то, что̀ выпало человѣку на часть, на долю, что̀ досталось ему въ у-дѣлъ; нѣм. theil, an-theil и ur-theil). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дасть долю и въ чистимъ полѣ», «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» [1]), «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и срећа дала». Отъ него исходятъ и всѣ блага, и всѣ лишенія, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (санкр. bhagavat, сравни: deus, divus и dives), богатырь (слово, доселѣ употребляемое въ нѣкоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богій (бѣдный, одержимый болѣзнею, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. nabagas), не-божчикъ (покойникъ, луж. nabogi), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастія: довольства, здравія и долголѣтія; съ-божіе аналогично съ словомъ съ-частіе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, достояніе, богатство, или въ част-

[1]) Вар. Лемуховы Боръ долю дае.

Библиотека "Руниверс"

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхнелуж. zbożo—счастіе [1]). «Господь, говорятъ малоруссы, николи не спить: у того щасте одбирае, а тому дае» [2]). Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества источникомъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагаютъ долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлилось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы = судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дожденоснымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской миѳологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и бурѣ, богъ, которому служили валькиріи и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героевъ Его всевидящее око = солнце, вѣщіе вороны Huginn и Muninn, напитокъ мудрости изъ колодца Мимира суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и былое, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

---

[1]) О вліян. христ. на сл. яз., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Дюсенбахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Нонис., 25. По указанію г. Потебни часть (отъ санскр. čh'id, čhinat-ti — scindere) и доля (отъ санскр. dâl-ati—колоться) означаютъ нѣчто отрѣзанное, отколотое, кусокъ—Труды моск. археолог. общ., т. II, 154. — [2]) Кулишъ, I, 148.

Библиотека "Руниверс"

владыка желаній, и потому называется Oski=Wunsch [1]), т. е. въ рукахъ его все счастіе, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали Wunsch, какъ живое, могучее и творческое существо; валькиріи назывались óskameyjar = wunschmädchen, тоже что̀ славянскія желкиње, жельне жене; души блаженныхъ героевъ, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина,—óskasynir = wunschsöhne. Чудесному жезлу, съ помощію котораго Гермесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соотвѣтствуютъ wünschelruthe и schlafdorn германскихъ преданій: это жезлъ, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ вонзилъ въ Брунгильду schlafdorn, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей пряхи (= норны). Наконецъ wünschhütlein и wunschmantel (= hut и mantel des Wunsches, Wuotans) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая приготовляется дѣвами судьбы [2]). Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; вмѣстѣ съ своими братьями Vili (der wollende) и Vé (weiher, heiliger), онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, Allvater и Mjötudhr = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ [3]). Выше указано, что̀ длиною нити, выпряденной парками, опредѣлялась

---

[1]) Oskabyrr = óskis wind, wunschwind. — [2]) Въ русскомъ языкѣ бажóный, забажáнный — дорогой, желанный, и говоря о дѣтяхъ—вымоленный, выпрошенный у Бога; бажáть (баиáть) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — [3]) Die Götterwelt, 152, 181; D. Myth., 390.

Библиотека "Руниверс"

долгота человѣческой жизни, что веревкою норнъ измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденнаго героя, и что дѣвамъ судьбы присвоялось названіе mēten (стр. 344). По выраженію русской пословицы, «Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ» [1]) = одному даетъ, у другаго отымаетъ. Gautrekssaga повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожаницамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего пріемыша Старкадра (Starkadhr) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу заседало одиннадцать судей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ—и предложилъ судьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «ich schaffe ihm (Старкадру), dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll». Одинъ продолжалъ: «ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll». Торъ: «in jedem alter soll er ein nīdhingsverk' [2]) thun». Одинъ: «ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben». Торъ: «er soll weder land noch grund haben». Одинъ: «ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe». Торъ: «ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen». Одинъ: «ich gebe ihm die gabe der dichtkunst». Торъ: «was er dichtet, soll er nicht behalten können». Одинъ: «das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine». Торъ: «dem volk soll er verhasst sein». Торъ играетъ въ этой сагѣ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ [3]). Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдѣльныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

[1]) Послов Даля, 4. — [2]) Безчестное, темное дѣло. — [3]) Germ. Mythen, 596—7; D Myth., 818—9.

Библиотека "Руниверс"

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій въ Аиду упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребій данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣзднаго неба вознесся» [1]). Вѣсы — эмблема Ѳемиды богини правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестію грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбрасываютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждаго человѣка, и смотря по тому, что перетянетъ, назначитъ ему или вѣчное блаженство, или адскія муки [2]). Въ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить и псковское преданіе о горѣ Судомѣ (въ порховск. уѣздѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника подержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

[1]) Иліада, VIII, 69—74; XXII, 209—213. — [2]) См. храмовыя и лубочныя изображенія «Страшнаго суда».

Библиотека "Руниверс"

бя!» Цѣпь и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла [1]). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, ю-же принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» [2]). Греки вѣрили, что законы имъ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ изрѣченіяхъ (carmina, νόμοι [3]) передавались устно отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣднія должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ завѣтнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человѣкъ обязывался священною формулой. Впослѣдствіи, занесенные въ «служебники», промежъ обрядовыхъ постановленій, заклятій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ [4]). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ [5]). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

---

[1]) Географ. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — [2]) Прибав. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. — [3]) Отъ νέμω—раздѣляю; νόμος — раздѣлъ, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — [4]) Куланкъ, 250—6, 402. — [5]) Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 47.

Библиотека "Руниверс"

пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» [1])

Вѣра въ таинственную, всѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заявляетъ себя: a) въ судѣ божіемъ (ордаліяхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); b) въ обычаѣ метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребій, и его указаніе принимать за приговоръ всевѣдущаго божества, и c) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умолкали всѣ личные разсчеты; ибо взбѣгнуть опредѣленій рока не дано ни единому смертному. Лат. sors и нѣм. loos означаютъ и жеребій, и счастіе, долю, участь; точно также и рус. жребій употребляется въ двоякомъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно-нарѣзанныя и помѣченныя палочки или прутики, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! вмѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали своя прорицалища посредствомъ жребіевъ. Для этого они метали кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

[1]) Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же пріобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

Библиотека "Руниверс"

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свидѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрѣзывали на части и на каждой клали особую мѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутики, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями [1]). Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скиѳы по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе [2]). Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранѣ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлыя, а съ другой черныя, и замѣчали: какой именно стороной упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы [3]). Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называетъ: Метаніе или Розгомечецъ. Какая жертва угодна богамъ?—это издавна рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на негоже падетъ, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ заколали въ жертву, а другихъ пускали на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной разсказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство змѣя лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на сеймище

---

[1]) D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куланжъ, 241—2. — [2]) Лѣт. рус. лит., кн. I, 140. — [3]) Срезнев., 81.

Библиотека "Руниверс"

И жеребьи закладывали:
Кому напередъ звѣрю достанутъся
На съѣденіе, на смертное потребленіе? [1])

Даже въ выборѣ жениха и невѣсты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу» [2])

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и готландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ [3]). Въ Судебникъ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потомъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребій. Англичанинъ Лэнъ описалъ намъ самый обрядъ вынинанія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшали въ XVI-мъ столѣтіи вопросъ: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право идти съ образомъ на головѣ и указывать межу [4]). По Уложенію (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

[1]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Позт. Вос., II, 199—200. — [2]) Рус. Дост. III, 186. — [3]) Городское или средн. состояніе рус. нар., соч. Плошинскаго, 59. — [4]) Мануш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, примѣч. 788; Описаніе гор. Шуи, 226.

Библиотека "Руниверс"

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софіи, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствія выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смутъ, долго удерживалось на ряду съ другими судебно-административными мѣрами [1]). Но еще долговѣчнѣе жребій въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребій — божій судъ», «жеребій—святое дѣло», «жеребій сыщетъ», «отъ жеребья не уйдешь!» [2]) Донынѣ въ деревняхъ и селахъ бо́льшая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребіемъ. При дѣлежѣ имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстрастный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развёрсткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жребьи; въ ярославской и другихъ губ., когда умретъ отецъ и не оставитъ послѣ себя никакого распоряженія, два сына его (что́ называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію [3]). Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновеніемъ конаться, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребій. Слѣдуя завѣту старины, русской человѣкъ — когда наступятъ Рождественскіе Святки — силится разгадать: что́ присудила ему на будущій годъ могучая Судьба? Съ этою цѣлью совершаётся обрядъ гаданія, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Новаго года, дѣвицы

[1]) Рус. въ св. посл., III, 215—8. — [2]) Послов. Даля, 50; Толков. слов., I, 477. — [3]) Этн. Сб., I, 13, 21; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

Библиотека "Руниверс"

къ 17-му числу лёдъ на рѣкахъ становится настолько непрочнымъ, что, по народному выраженію, щука его хвостомъ пробиваетъ; 25-го марта ласточка вылетаетъ изъ вирія, и поспѣшая въ здѣшній міръ, несетъ съ собою тепло; 5-го апрѣля пробуждаются сверчки, а 12-го медвѣдь выходитъ изъ берлоги, въ которой проспалъ цѣлую зиму; въ маѣ-мѣсяцѣ земля уже «принимается за свой родъ» [1]). Приведенныя примѣты не вездѣ и не всегда оказываются вѣрными; во первыхъ разныя мѣстности пользуются и разными климатическими условіями, и во вторыхъ—независимо отъ этихъ условій, годъ на годъ не приходится: зимніе холода заканчиваются иногда ранѣе, иногда позднѣе. Поэтому начало весны (ея приходъ) издревле опредѣлялось не наступленіемъ извѣстнаго въ году дня, а дѣйствительнымъ появленіемъ ея знаменій. У германцевъ тотъ, кто усматривалъ первую фіалку (vîol), спѣшилъ объявить о томъ мірской общинѣ; цѣлая деревня сбѣгалась на указанное мѣсто, найденный цвѣтокъ подымали на шестъ, танцовали вокругъ него, рѣзвились и пѣли веселыя пѣсни. Это называлось: находить лѣто. Подобно тому, въ южной Россіи радуются появленію голубаго ряста (scilla bifolia), одного изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ Украйны; собираясь на поляхъ, поселяне начинаютъ скакать, приплясывать и причитывать: «топчу, топчу рястъ! дай, Боже, потоптати и того року дождати!» Съ тою-же непритворною радостью встрѣчаютъ нѣмцы и перваго майскаго жука [2]), а первый при-

---

[1]) Маркевич., 2—3; Сахаров., II, 16, 22; Ч. О. И. и Д. 1867, IV, 180—1. — [2]) По числу черныхъ точекъ на крыльяхъ Marienkäfer'a заключаютъ о будущемъ урожаѣ; если этихъ точекъ окажется болѣе семи, то хлѣбъ будетъ дорогъ, а если менѣе, то предстоитъ богатая жатва—D. Myth., 658. По русскому повѣрью: если во время посѣва подъ брюшкомъ жука будетъ много яичекъ—это предвѣщаетъ изобиліе хлѣба и наоборотъ; если яички помѣщаются у переднихъ ногъ жука, то лучшій урожай будетъ для раннихъ

Библиотека "Руниверс"

летѣвшій аистъ и первая ласточка привѣтствуются ими, какъ правдивые вѣстники возвратившейся весны. Объ эти птицы признаются священными (ласточка—у нѣмцевъ Herrgottsvogel, у французовъ la poule de Dieu); причинять имъ вредъ и разорять ихъ гнѣзда считается величайшимъ грѣхомъ. На домъ, въ которомъ онѣ гнѣздятся, никогда не упадаетъ молнія. Въ Швеціи крестьяне зазываютъ ласточку троекратнымъ окликомъ. Возвращеніе ласточки праздновали и греко-италійскія племена. На Родосѣ дѣти носили весною ласточку, пѣли обрядовыя пѣсни, и получали за то въ даръ разные припасы. И донынѣ существуетъ въ Греціи обычай, слѣдуя которому юноши ходятъ 1-го марта по улицамъ, съ пѣснями и носятъ вырѣзанную изъ дерева ласточку. Равнымъ образомъ принято было у грековъ за правило давать тому награду, кто первый возвѣщалъ о прилетѣ аиста [1]). На Руси ласточку называютъ святою, божьею птицею, у чеховъ—птицею Дѣвы Маріи [2]). Гдѣ она поселится, тому дому приноситъ благословеніе, счастіе, и предохраняетъ его отъ грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибиваютъ подъ

посѣвовъ, а если у заднихъ ногъ, то лучше всего уродятся поздніе посѣвы—Иллюстр. 1846, 246; Эти. Сб., II, 55. — [1]) Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 63; D. Myth., 722—3; Пѣсни разн. народовъ въ пер. Берга, 199, 205; Beiträge zur D. Myth., I, 232; II, 432. — [2]) У египтянъ ласточка служила символомъ Изиды въ ту пору весенняго обновленія природы, когда богиня эта искала тѣло своего супруга, умерщвленнаго злобнымъ Тифономъ; у грековъ образъ этой птицы принимала Аенна—Andeutungen eines Systems der Myth., 170; Одисс., XXII. Такъ какъ мысль о воскресающей природѣ сочеталась въ христіанскую эпоху съ празднованіемъ Свѣтло-Христова Воскресенія, то вмѣстѣ съ этимъ ласточкѣ было дано участіе въ легендарныхъ сказаніяхъ: своимъ чириканьемъ она предостерегала Спасителя отъ преслѣдующихъ жидовъ, а когда предали его на распятіе, то похищала и прятала приготовленные гвозди.

Библиотека "Руниверс"

кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда. За убіеніе ласточки и разореніе ея гнѣзда Богъ караетъ преступника смертію, или истребляетъ его домъ пожаромъ, насылаетъ на его стада падёжъ, отымаетъ у его коровъ молоко [1]). Ранній прилётъ ласточки предвѣщаетъ счастливый, урожайный годъ. «И отъ ластовицѣ (читаемъ въ старинномъ памятникѣ) не вѣроуеши ли, яже оу тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ?» Въ Малороссіи дѣти ходятъ въ началѣ марта по домамъ, славятъ ярь и зеленачку и носятъ съ собою деревянную ласточку или испеченныхъ изъ хлѣба жаворонковъ; тотъ-же обычай носить деревянную ласточку соблюдается и болгарами [2]). Не менѣе важная роль принадлежитъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ кукушкѣ. У древнихъ индусовъ она была посвящена Индрѣ, у германцевъ — Тору [3]); у грековъ въ образѣ этой птицы являлся Зевсъ; у славянъ, по свидѣтельству старинной польской хроники (Chronicon slavosarmaticum Procosii=Kronika polska przez Prokosza), чествованіе кукушки связывалось съ культомъ богини Живы: «divinitati Zywie fanum exstructum erat in monte ab ejusdem nomine Zywiec dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur, longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen ei litabatur

---

[1]) Существуетъ еще повѣрье: кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того выступаютъ на лицѣ веснушки. Завидя первую ласточку, малороссы умываются водою и приговариваютъ: „ластивко, ластивко! на тобѣ весняники, дай мени биляки“—Номис., 5. — [2]) Иллюстр. 1846, 262, 333; Объ истор. зн. нар. поэз., 72; Записки Аѳѳев., 140—2; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, стат. Кавел., 6; Нар. сл. раз., 138, 144, 153; Херсон. Г. В. 1852, 17; Полт. Г. В. 1845, 15; Сахаров., II, 81; Цебриков., 264; Громанъ, 70; Миладин., 522; Volkslieder der Wenden, II, 260; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 336; Іоаннъ, экз. болг., 137. — [3]) Germ. Mythen, 237.

Библиотека "Руниверс"

ab iis, qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose, tot annos se victuros, quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsis annuntiaret vitae tempora: unde crimini ducebatur, capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.» [1]) Живa — богиня весны, названная такъ потому, что приходомъ своимъ животворитъ = воскрешаетъ умирающую на зиму природу, даетъ землѣ плодородіе, роститъ нивы и пажити. Отъ енк. dživ—живу, dživa—живой образуются два слова: одно съ суффиксомъ t: dživita = наше животъ, означающее: во 1-хъ—брюхо, чрево, какъ ту часть тѣла, гдѣ совершаются главные жизненные процессы; во 2-хъ жизнь («положить животъ за отечество»), и въ 3-хъ—имущество, состояніе и домашній скотъ (животы, животина; въ лѣтописяхъ съ этимъ значеніемъ употребляется и слово жизнь); другое съ суффиксомъ n: dživana—прилагат. vivificus, сущ. vita. Живa есть сокращенная форма имени Живана или Живена, пол. Ziewonia [2]), и значитъ: «дающая жизнь». О весеннемъ половодьи, разлитіи рѣкъ поселяне донынѣ выражаются: «вода заживаетъ». Все, что служитъ условіемъ жизни: пища (жито, житница, житникъ и житорь—ячмень, живность—съѣстные припасы; сравни нѣм.

[1]) D. Myth., 643—4. Переводъ: Божеству Живѣ было устроено капище на горѣ, названной по ея имени Живецъ, гдѣ въ первые дни мая благоговѣйно сходился многочисленный народъ испрашивать отъ той, которую почиталъ источникомъ жизни, долговременнаго и благополучнаго здравія. Особенно-же приносились ей жертвы тѣми, которые слышали первое пѣніе кукушки, предвозвѣстившее имъ столько лѣтъ жизни, сколько разъ повторился ея голосъ. Думали, что высочайшій владыка вселенной превращался въ кукушку и самъ предвѣщалъ продолженіе жизни; поэтому убіеніе кукушки вмѣнялось въ преступленіе и преслѣдовалось отъ правителей уголовнымъ наказаніемъ. — [2]) D. Myth., 733.

Библиотека "Руниверс"

leben—жить, leib—животъ и laib=гот. hlaib, хлѣбъ), домашній кровъ (жилье, жилой покой т. е. теплый, съ печкою), матеріальное довольство (жира, жи́рова, житуха—хорошее, привольное житье, жировать—жить въ изобиліи, ѣсть вдоволь, жирово̀й—счастливый, богатый=зажиточный, житіи люди—лучшіе, достаточные, жировикъ—домовой, какъ блюститель домашняго счастія и хозяйства; въ старинныхъ памятникахъ существ. жиръ употребляется въ смыслѣ «пажити», «пастбища» а глаголъ жить въ смыслѣ «пастися»), здравіе (заживлять раны, за̀жило, подобно тому, какъ отъ слова быть образовалось бытѣть — здоровѣть, толстѣть [1]), славянинъ обозначаетъ рѣченіями, происходящими отъ того-же плодовитаго корня. Названія: «жизнь моя!» «жизнёнокъ!» употребляются въ народѣ, какъ самая нѣжная, задушевная ласка. Наоборотъ слова, производныя отъ глагола жить, съ отрицаніемъ не, получили значеніе недоброе: областн. нежительный—непріязненный [2]), нежитъ или нежить — олицетвореніе мучительной болѣзни, духъ смерти (стр. 96-98). Посвященная богинѣ Живѣ, кукушка признавалась вѣщею, небесною посланницею; она повѣдаетъ наступленіе лѣта («зозуля ковала—лѣтечко казала» [3]), начало грозъ и дождей, опредѣляетъ долготу человѣческой жизни и сроки брачныхъ союзовъ. По ея голосу земледѣлецъ заключаетъ о будущемъ урожаѣ: если она закукуетъ при восходѣ солнца и на зеленомъ деревѣ (т. е. въ то время, когда лѣса одѣнутся листьями), то годъ будетъ урожайный, а если закукуетъ на̀ ночь и на голомъ деревѣ—будетъ голодъ и моръ. Кто впервые услышитъ кукушку на тощій (пустой)

---

[1]) Обл. Сл., 19, 56—57; Матер. для сравнит. слов., II, 7; Ч. О. И. и Д., годъ 3, I, 9—10; Radices linguae slov., 29; Археол. Вѣсти. 1867, II, 89. — [2]) О. З. 1851, VIII, 46. — [3]) У литовцевъ май назывался „мѣсяцемъ кукушки".

Библиотека "Руниверс"

желудокъ, тому настоящій годъ сулитъ несчастія; такому человѣку не слѣдуетъ закармливать скотину: не то-голодать ей всю зиму! По чешскому повѣрью, если зозуля не кукуетъ до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своимъ крикомъ она прогоняетъ градъ, бури, безплодіе и дороговизну. Чехи обращаются къ ней съ вопросомъ: почёмъ будетъ продаваться жито, ячмень, овесъ? и смотря по тому, сколько разъ она прокукуетъ, судятъ о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Весною, заслышавъ въ первый разъ кукушку, простолюдины спѣшатъ побрянчать деньгами—для того, чтобы они не переводились до слѣдующаго года; отсюда возникли поговорки: «сховай грашульку на зязюльку», «сховай три грошы у руку на куку!» Если-же на ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ—это принимается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ продолженіе цѣлаго года. Тѣже самыя примѣты существуютъ у сербовъ, румыновъ и нѣмцевъ [1]). И вообще всѣ птицы, прилетающія къ намъ съ юга, встрѣчаются, какъ вѣстницы благодатной весны. По народному повѣрью, онѣ являются изъ райскихъ странъ (вирія), отпираютъ замкнутыя зимнею стужею облака, проливаютъ на землю живительный дождь и даруютъ ей силу плодородія. Въ пѣсняхъ овсянки малороссамъ слышатся слова: «покинь сани, возьми возъ!» [2])

Призывъ весны начинается съ 1-го марта; дѣти и дѣвицы влѣзаютъ на кровли амбаровъ, всходятъ на ближайшіе холмы и пригорки, и оттуда причитываютъ: «Весна, Весна красная! приди, Весна, съ радостью, съ великою милостью» (см. стр.

[1]) Нар. сл. раз., 136—8, 155, 165; Москв. 1852, XVI, 132; Прибл. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 189; Эти. Сб., II, 56; Пузин., 195; Сахаров., I, 271; Громавинъ, 68—70; Чешск. пѣсни Эрбена, 77; Срп. рјечник, 312; Телескопъ 1833, VIII, 501—2; D. Myth., 641—3; Beiträge zur D. Myth., I, 210, 232; Zeitschrift für D. Myth., III, 222; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Гануша, 317, — [2]) Украин. мелодіи, 142; Рус. въ св. посл., IV, 15.

Библиотека "Руниверс"

678). Тотъ-же призывъ повторяется 9-го и 25-го марта, на Свѣтлую недѣлю и на Красную Горку (воскресенье Оминой недѣли). На 9-е марта, когда (по народной примѣтѣ) прилетаютъ жаворонки, поселянки пекутъ изъ тѣста изображенія этихъ птичекъ, обмазываютъ ихъ медомъ золотятъ имъ крылья и головы сусальскимъ золотомъ, и съ такими самодѣльными жаворонками ходятъ закликать Весну. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обрядовыя причитанія прямо обращаются къ Ладѣ, богинѣ лѣтняго плодородія, любви и брачныхъ связей:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликати!

Или: Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликати,
Зиму провожати!
Зимочка—въ возочку,
Лѣтечко—въ човночку,

т. е. Зима отъѣзжаетъ по сухому пути = на возу, а Лѣто приплываетъ на челнокѣ, пользуясь весеннимъ разливомъ водъ. Въ старину закликаніе Весны должно было сопровождаться жертвенными приношеніями. И донынѣ 1-го марта, на утреннемъ разсвѣтѣ, болгары выходятъ встрѣчать Весну съ нарочно-приготовленнымъ круглымъ хлѣбомъ [1]); наши поселянки разстилаютъ на полѣ новый холстъ, кладутъ на него пирогъ, и обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка Весна!» Затѣмъ, оставляя свои дары подъ открытымъ небомъ, онѣ возвращаются домой, съ надеждою, что матушка Весна одѣнется въ новину и за принесенную ей хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи ленъ и коноплю [2]).

[1]) Сообщено г. Караведовымъ. — [2]) Сахаров., II, 16, 18, 22, 75, 81; Вѣст. Евр. 1821, III, 193; Полтав. Г. В. 1845, 15; Маякъ, XI, 8; Слав. Мие., 75.

Библиотека "Руниверс"

При встрѣчѣ Весны поются обрядовыя пѣсни (весняныя: содержаніемъ ихъ служитъ любовь, возжигаемая Ладою въ сердцахъ дѣвицъ и юношей) и совершаются праздничныя игрища, идущія изъ глубокой древности. По народному выраженію, на Срѣтенье Зима встрѣчается съ Лѣтомъ, «щобъ поборонцыця: кому йти напередъ, кому вертацыця назадъ», а на Благовѣщенье послѣднее осиливаетъ первую: «Весна Зиму поборола» [1]). Въ естественной смѣнѣ временъ года: зимы и лѣта древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно-враждебныхъ силъ, и свое возрѣніе запечатлѣлъ въ символическихъ обрядахъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при началѣ весны. Въ Германіи въ этихъ обрядахъ принимаютъ участіе юноши и дѣвицы, раздѣляясь на двѣ половины: одна половина признается свитою Лѣта, другая — Зимы. Того, кто представляетъ Лѣто, наряжаютъ въ зеленый плющь и барвинокъ (singrün), а представляющаго Зиму — въ мохъ и солому; они выступаютъ другъ противъ друга и долго сражаются между собою, пока наконецъ не побѣдитъ Лѣто и съ поверженной наземь Зимы не будутъ сорваны ея уборы. Послѣ того торжественно носятъ по деревнѣ зеленую вѣтвь или вѣнокъ, возглашая пѣсню:

Der Sommer der ist da;
wir wollen hinaus in garten
und wollen des Sommers warten.
Wir wollen hinter die hecken
und wollen den Sommer wecken.
Der Winter hats verloren,
der Winter liegt gefangen.

Или: a) Der Sommertag ist da,
er kratzt dem Winter die augen aus
und jagt die bauern zur stube hinaus.
b) Stab aus! dem Winter gehn die augen aus...

[1]) Номис., 282; Послов. Даля, 976.

Библиотека "Руниверс"

c) Violen und die blumen
bringen uns den Sommer;
der Sommer ist so keck
und wirft den Winter in den dreck. [1])

Такимъ образомъ, по свидѣтельству пѣсень, Лѣто, пробуждаясь отъ сна, побѣждаетъ Зиму, захватываетъ ее въ плѣнъ, выкалываетъ ей очи и повергаетъ свою соперницу въ грязь, производимую весеннимъ таяньемъ снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ поселянинъ, избранный представлять Лѣто, является въ одной сорочкѣ, держа въ рукахъ разукрашенное плодами и лентами дерево; а тотъ, кто представляетъ Зиму, выходитъ въ теплой одеждѣ или въ мохнатой шкурѣ. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьютъ другъ друга по плечамъ палками. Состоящіе въ свитѣ Зимы вооружаются снѣжными глыбами, а сторонники Лѣта — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледѣльческими орудіями. Обрядовыя пѣсни имя Зимы (Winter) нерѣдко замѣняютъ именемъ Смерти (Tod), ибо въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ понятія эти точно также отождествлялись между собою, какъ и понятія Весны и Жизни. Въ зимнюю пору природа чахнетъ, пѣпенѣетъ, умираетъ, а весною пробуждается къ новой жизни:

wir haben den Tod hinaus getrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder. [2])

Въ Нюренбергѣ дѣвицы, отъ семи до шестьнадцати лѣтъ, въ праздничныхъ нарядахъ, совершаютъ при началѣ весны слѣдующій обрядъ: онѣ носятъ по предмѣстью и городскимъ улицамъ маленькой гробъ, въ которомъ лежитъ покрытая полотномъ деревянная или соломенная кукла, и поютъ: «wir tragen den Tod ins wasser!» И дѣйствительно —

[1]) D. Myth., 724—5. — [2]) Переводъ: мы выгнали Смерть и принесли милое Лѣто.

Библиотека "Руниверс"

куклу эту бросаютъ потомъ въ воду или сожигаютъ на кострѣ [1]). У славянъ существуетъ старинный обычай: встрѣчая весну въ мартѣ-мѣсяцѣ, совершать изгнаніе Смерти или Зимы. Они выносятъ изъ деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топятъ его въ рѣкѣ, или предаютъ сожженію, а пепелъ бросаютъ въ воду; ибо Зима гибнетъ подъ жгучими лучами весенняго солнца, въ быстрыхъ потокахъ растопленныхъ ими снѣговъ. Въ Богеміи, при совершеніи означеннаго обряда, поютъ:

giž nesem Smrt ze wsy,
nowe Leto do wsy;
witey Leto libezne,
obiljcko zelene!

т. е. уже несемъ Смерть изъ села (веси), а новое Лѣто въ село; здравствуй, любезное Лѣто, зеленый посѣвъ! Или:

Smrt plyne po wodě.
nowe Leto k nam gede. [2])

Въ другихъ славянскихъ земляхъ, вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женскіе уборы, возглашаютъ:

Wynesli sme Murienu se wsi,
prinesli sme Mag nowy (новый Май) do wsi,

или (какъ поютъ въ Моравіи): nesem, nesem Mařenu. Въ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «i iedinu družu nam imiéti po puti wšei z wesny po moranu» = и единую подругу имѣть намъ на пути отъ весны до мораны, т. е. отъ юности до смерти. Юность представляется здѣсь въ поэтическомъ образѣ весны, согласно съ обычнымъ и почти у всѣхъ народовъ распространеннымъ эпическимъ пріемомъ изображать Весну прекраснымъ юношею или дѣвою, а Зиму бѣловласымъ

[1]) D. Myth., 726—9. — [2]) Т. е. Смерть плыветъ по водѣ, ѣдетъ къ намъ новое Лѣто.

Библиотека "Руниверс"

и дряхлымъ старцемъ. Въ одной южнорусской сказкѣ царь спрашиваетъ престарѣлаго крестьянина: «давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода?» и вопросы эти означаютъ: давно ли голова посѣдѣла и давно ли текутъ изъ глазъ слезы? [1]) Въ словацкой сказкѣ юная морская дѣва говоритъ старому королю: «moje lico růžemi prekvitá, tvoja hlave sněhom zapadá» = мое лицо розами цвѣтетъ, твоя голова снѣгомъ покрыта [2]). Терминны, обозначающіе въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятіе смерти: снкр. mar-ana (съ тѣмъ-же суффиксомъ, какъ и dźîvana), слав. моръ, мо(а)рана, польск. marzana, лат. mors, произошли отъ корня mri (усилен. mar), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія: снкр. mrin, mrijê, греч. μαιρειν, лат. mori, лит. mirti, слав. мрѣти (съ приставками: оу-мрѣти, съ-мрьть, литов. s-mertis), мръ-кнути, мръ-знути, чеш. mrznauti, пол. marznąć [3]). Очевидно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Краледворской рукописи и народныхъ пѣсень Морана, противополагаемая Веснѣ = юности, означаетъ не только Смерть, но и Зиму = старость. Въ Подлахіи и Польшѣ чучело Смерти-Зимы дѣлаютъ изъ конопляй и соломы и бросаютъ его въ прудъ или болото съ возгласомъ: «czort tebe zabery!» [4]) Вслѣдъ за этимъ всѣ участвующіе въ обрядѣ поспѣшно разбѣгаются по домамъ, и если на бѣгу кто-нибудь споткнется и упадетъ—тотъ (по обще-принятому повѣрью) непремѣнно долженъ умереть въ теченіи года. Въ Верхнихъ Лужицахъ чучело Смерти приготовляется изъ соломы и тряпокъ; куклу эту втыкаютъ на высокій шестъ и начинаютъ бросать въ нее палками и каменьями: кто собьетъ ее съ шеста, тотъ навѣр-

[1]) Кулишъ, I, 230—4. — [2]) Slov. pohad., 630. — [3]) Котляревъ. О погребальн. обычаяхъ, 171; D. Myth., 733. — [4]) Zarysy domowe, III, 275—7.

Библиотека "Руниверс"

не останется живъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ заключеніе обряда куклу топятъ въ водѣ или тащатъ на пограничную межу и бросаютъ на чужую землю; затѣмъ, возвращаясь въ деревню, приносятъ съ собой зеленую вѣтвь или нарочно-срубленное въ лѣсу дерево=эмблему весенней жизни, воцаряющейся намѣсто прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжаютъ въ бѣлую сорочку (=саванъ), даютъ ей въ одну руку вѣникъ (=знаменіе зимнихъ вьюгъ), а въ другую серпъ, съ которымъ обыкновенно и представлялась нашими предками Морана, какъ богиня, пожинающая все живое въ семъ мірѣ (см. стр. 47); женщины въ траурныхъ покрывалахъ запѣваютъ пѣсню и въ сопровожденіи мальчишекъ, кидающихъ въ куклу каменьями, несутъ ее на границу собственныхъ полей и тамъ разрываютъ на части. Жители сосѣдней деревни, какъ скоро замѣтятъ на своей землѣ подобную куклу, тотчасъ-же перебрасываютъ ее назадъ, по ту сторону межи, такъ-какъ Смерть—никому не радость [1]). Въ Польшѣ, Богеміи, Силезіи и Лужицахъ изгнаніе Смерти совершается въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, которое бо́льшею частію приходится въ мартѣ-мѣсяцѣ; чехи называютъ этотъ день smrtná (smrtedlna) neděle, сорабы ssmerdniza, нѣмцы todtensonntag и sommertag. Въ Италіи и Испаніи въ срединѣ великаго поста дѣлаютъ чучело старухи и перепиливаютъ его пополамъ — обычай, слѣды котораго Я. Гриммъ указываетъ и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ: «рѣзати старую бабу» означаетъ тоже, что̀ сожигать и топить Смерть-Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцевъ въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста принято сожигать бабу; это происходитъ такъ: приготовляютъ куклу, кладутъ ее

[1]) D. Myth., 730—3; Вост. Евр. 1826, IV, 257—8; Терещ., V, 6—10; VI, 212—3.

Библиотека "Руниверс"

на бревно, колотятъ дубинами, перепиливаютъ надвое и затѣмъ уже предаютъ огню [1]). Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены) одѣтое въ женское платье, и поютъ весенніе пѣсни; потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его: пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями Весну. Въ великорусскихъ губерніяхъ торжество Живы и гибель Мораны чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Такъ какъ недѣля эта сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно-строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что во всей Европѣ масляница (карнавалъ) получила значеніе самаго разгульнаго празднества, посвященнаго проводамъ Зимы и встрѣчи Лѣта. Воспоминая древнее преданіе о поѣздѣ богини лѣта (Изиды, Фреи, Гольды=Лады), разсыпающей по землѣ щедрые дары плодородія (см. I, 554-6), у насъ возили во время масляницы дерево, украшенное бубенчиками и разноцвѣтными лоскутьями, или деревянную куклу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и донынѣ возятъ пьянаго мужика, обязаннаго представлять Масляницу; для этого запрягаютъ въ сани или повозку лошадей десять и болѣе гуськомъ, и на каждую лошадь сажаютъ по вершивку, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ; вездѣ, гдѣ только можно, привѣшиваютъ маленькіе колокольчики и погремушки; сани или повозку убираютъ вѣниками, мужику-Масляницѣ даютъ въ руки штофъ съ водкою и чарку, и сверхъ того ставятъ подлѣ него боченокъ съ пивомъ и коробъ съ съѣстными припасами. Въ Сибири устраиваютъ на нѣсколькихъ саняхъ корабль, на которомъ сажаютъ раженыхъ

[1]) D. Myth., 734, 741—2; Чешск. пѣсни Эрбена, 57—58; Ильчь, 117—8; Рус. Бес. 1857. III, стат. Клуна, 109.

Библиотека "Руниверс"

медвѣдя и Масляницу, и возятъ по улицамъ, въ сопровожденіи пѣсенниковъ. Дерево, корабль и медвѣдь — все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодоносныхъ силъ; звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ—знаменія грозовой музыки, метла, вѣникъ и кнутъ—вихрей и молній, пиво и вино — всёоживляющаго дождя. Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется пришествіе (возвратъ) благодатной Весны. Наряду съ этимъ совершаются и другіе обряды, указывающіе на борьбу Весны съ Зимою и пораженіе послѣдней. Въ разныхъ губерніяхъ въ субботу сырной недѣли строятъ на рѣкахъ, прудахъ и въ поляхъ снѣжный городъ съ башнями и воротами — царство Зимы (демона-Вритры), долженствующее пасть подъ ударами Перуна; участвующіе въ игрѣ вооружаются палками и метлами и раздѣляются на двѣ стороны: одна защищаетъ городъ, а другая нападаетъ на него, и послѣ упорной, болѣе или менѣе продолжительной схватки, врывается въ ворота и разрушаетъ укрѣпленія; воеводу взятаго съ боя и разрушеннаго города въ старину купали въ проруби. Вечеромъ въ воскресенье (послѣдній день масляницы, называемый ея проводами) поселяне выносятъ изъ своихъ дворовъ по снопу соломы, и сложивши ихъ на окраинѣ деревни, сожигаютъ при радостныхъ кликахъ и пѣсняхъ собравшагося народа, — каковой обрядъ называется сожженіемъ Масляницы. Иногда пуки соломы навязываютъ на шесты, разставляютъ по дорогѣ и палятъ послѣ солнечнаго заката, а иногда замѣняютъ ихъ дегтярными бочками. Существуетъ еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собираютъ по дворамъ хворостъ, щепки, худыя кадки, складываютъ все это на ледяной горѣ, и затѣмъ разводятъ костёръ, служащій символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растапливаютъ снѣжные покровы зимы. Такимъ образомъ, олицетворяя самое празднество и ста-

Библиотека "Руниверс"

ва это олицетвореніе на мѣсто древнихъ богинь, заправлявшихъ смѣною годовыхъ временъ, народъ русской встрѣчу Весны назвалъ встрѣчею Масляницы, а изгнаніе Зимы—сожженіемъ Масляницы или ея проводами [1]). Одновременно съ пробужденіемъ природы отъ зимняго сна (омертвенія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ, осужденныя пребывать въ воздушныхъ и заоблачныхъ сферахъ (см. выше стр. 287—292); поэтому праздникъ весны былъ вмѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обычною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и поминокъ. До сихъ поръ на масляницу бѣгаютъ по улицамъ ряженые, что̀ знаменуетъ появленіе освободившихся изъ загробнаго царства стихійныхъ духовъ—оборотней, и во всѣхъ домахъ приготовляются блины, изстари составлявшіе необходимую принадлежность всякаго поминальнаго пиршества.

Тѣже обряды пріурочиваются и къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, и къ празднику Пасхи, и къ Ѳоминой недѣлѣ, такъ какъ мысль о воскресающей Веснѣ [2])—Живѣ сочеталась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслію о пресвѣтломъ воскресеніи праведнаго солнца—Христа. Прилетая въ сей міръ, богиня Весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце, или выражаясь поэтически: снова воспламеняетъ его свѣтильникъ, и пожигая снѣжное, ледяное царство Зимы, топитъ ее въ разливѣ стремительныхъ водъ. Символическимъ обозначеніемъ этой творческой дѣятельности богини издревле

---

[1]) Сахаров., II, 73—74; Терещ., VII, 331—3; Этн. Сб., II, 41—43; Ч. О. И. и Д., годъ 1, II, 20; Рус. прост. праздн., II, 130; Москв. 1849, IX, 6—7; Каравел., 189. — [2]) „Ой, вже весна воскресла!"—Ч. О. И. и Д. 1866, III, галиц. пѣсни, 677; Маяк., XI, 48.

Библиотека "Руниверс"

служили возжигаемые на землѣ огни. Раннимъ утромъ въ четвергъ страстной недѣли, какъ въ день, посвященный громовнику, предки наши, по свидѣтельству Стоглава, палили солому и кликали мертвыхъ. День этотъ называется на Руси чистымъ—свѣтлымъ [1]); крестьяне ходятъ въ чистый четвергъ на проруби и закликаютъ Весну [2]), а послѣ «всенощнаго стоянья» приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты—для отогнанія злыхъ духовъ. Эта «страстная» свѣча, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громоваго удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда (намекъ на медовый напитокъ дождя, низводимый молніями); съ нею-же соединяютъ цѣлебную, облегчающую страданія силу, и потому, затепливая эту свѣчу, даютъ ее въ руки трудно-больнымъ, во время болѣзненныхъ припадковъ, и родильницамъ—при мукахъ разрѣшенія). Къ заутренѣ на Свѣтло-Христово Воскресенье бѣлоруссы собираются съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и въ Чехахъ жгутъ тогда около храмовъ смоляныя бочки; уголья, оставшіеся отъ этихъ бочекъ, а равно и свѣчи, съ которыми отстояли заутреню, приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить зданія отъ грозы, а домашнюю скотину отъ порчи [4]). Въ Германіи въ ночь на первый день праздника зажигаютъ на горахъ и холмахъ большіе костры (osterfeuer), складывая ихъ изъ дровъ, дёрна и соломы; на Везерѣ прикрѣпляютъ дегтарную бочку, обвитую соломой, къ еловому дереву, и зажигая ее ночью, пляшутъ вокругъ огня, а когда пламя погаснетъ—собираютъ головни и уголья и разносятъ по домамъ [5]). Су-

[1]) Великую субботу сербы и чехи называютъ бѣлою; серб. бијела недјел(ь)а—масляница (Срп. рјечник, 24). — [2]) Сахаров., II, 96. — [3]) Полтав. Г. В. 1845, 15. — [4]) Ганушъ, 117. — [5]) D. Myth., 581—2.

Библиотека "Руниверс"

ществуетъ еще обыкновеніе зажигать ночью деревянныя стрѣлы, обмазанныя смолою и метать ихъ вверхъ—такъ, чтобы пущенная стрѣла описывала въ воздухѣ огненную дугу [1]). Свѣтло-Христово Воскресенье у нѣмцевъ именуется ostern, а мѣсяцъ апрѣль, въ который бо́льшею частію приходится его праздновать, — ostermonat; въ старинныхъ памятникахъ праздникъ Пасхи — ôstara (ôstartaga, aostortagâ), апрѣль — ôstarmânoth. Остара (Ostara, Eàstre, Eostre)—древне-германская богиня зори, блестящаго утра и весны, приводящая съ востока воскресающее (возстающее отъ ночнаго и зимняго сна) солнце, культъ которой пустилъ такіе глубокіе корни, что имя ея сочеталось съ главнѣйшимъ христіанскимъ праздникомъ. Имя это восходитъ къ снкр. корню ush, отъ котораго образовались рѣченія: снкр. ushas—зоря, usrâ (въ Ведахъ) — утро, разсвѣтъ, лит. auszra — утренняя зоря, auszta—разсвѣтаетъ, зенд. ushaçtara—восточный, др.-нѣм. ôstan (ôst), англос. east, скан. austur — востокъ, слав. утро, jutro; сравни снкр. vâsara—день, vastar—утро, vasanta—весна отъ корня vas. Соотвѣтственно нѣмецкому ostern, лужичане называютъ праздникъ Пасхи — jutry (jatřy, jastry), полабскіе славяне—justroj (jostraj, jystroj [2]). Игру лучей восходящаго солнца поэтическая фантазія младенческихъ народовъ объясняла тѣмъ, что свѣтило это, пробуждаясь отъ сна, пляшетъ поутру на востокѣ. Такую пляску можно наблюдать только съ началомъ весны, когда небо очистится отъ потемнявшихъ его зимнихъ облаковъ и тумановъ. Отсюда возникло повѣрье, общее славянамъ и нѣмцамъ, что на разсвѣтѣ Свѣтло-Христова Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ, играетъ и скачетъ

[1]) Die Götterwelt, 200. — [2]) D. Myth., 267—8; Beiträge zur D. Myth., I, 177; Пикте, I, 156—7; II, 673—4; Курціусъ, 368; Ганушъ, 120.

Библиотека "Руниверс"

въ три прыжка. На Руси въ первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. Тоже повѣрье прилагается и ко дню Благовѣщенья (25 марта); замѣтимъ, что на Благовѣщенье поселяне жгутъ старыя соломенныя постели и прыгаютъ черезъ разведенное пламя, которому приписываютъ силу укрѣплять здравіе [1]). По народному убѣжденію, на первый день Пасхи отворяется свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо), и врата его (Goldtor, откуда восходитъ солнце—см. стр. 257) остаются отверстыми во все продолженіе праздника; потому всякой, кто умираетъ на этой недѣлѣ, признается святымъ: душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоцѣнные клады и горятъ яркимъ пламенемъ, т. е. изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами, является очамъ смертныхъ золото солнечныхъ лучей. Въ черниговской губ. Святая недѣля слыветъ громяцкою, а чехи называютъ ее Червонными Святками [2]). Съ мыслію объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны: во 1-хъ, суевѣрное мнѣніе, противъ котораго еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ, будто во все продолженіе пасхальной седьмицы солнце не заходитъ и тѣмъ самымъ какъ-бы обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (малоруссы Свѣтло-Христово Воскресенье называютъ Великъ день [3]); во 2-хъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надѣляютъ ее дарами плодородія. Вѣрованіе это, наслѣдован-

---

[1]) Die Symbolik von Sonne und Tag, 29; Сахаров., II, 75—76; Москов. Вѣстн. 1827, VI, 360; Иллюстр. 1846, 262 и далѣе; О вл. христ. на сл. яз., 17—18; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 340. — [2]) Маякъ, XI, 18; Сахаров., II, 75; Ганушъ, 122. — [3]) Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 147.

Библиотека "Руниверс"

ное отъ языческой старины, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христосъ и апостолы странствуютъ по землѣ въ нищенскихъ рубищахъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и карaютъ злыхъ. Въ смоленской губ. утверждаютъ, что Христосъ сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому, для встрѣчи божественнаго гостя, въ каждомъ домѣ приготовляется къ этому дню хлѣбъ, называемый стульце [1]). Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтло-Христово Воскресенье ходятъ по домамъ волочебники и поютъ обрядовыя пѣсни, славя святыхъ Юрія и Николу, что̀ коровъ и коней запасаютъ, Пречистую Дѣву, что̀ засѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь. Всѣ освященныя на этотъ праздникъ яства украшаются зелеными вѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частію зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлію предохранить нивы отъ града, а частію держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, дабы отвратить ударъ грома [2]). Въ костромской губ. существуетъ обычай: передъ Христовской заутреней всходить на колокольни и стрѣлять оттуда изъ пистолетовъ и ружей; тоже дѣлаютъ и лужичане [3]). Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу Зимы = Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Ѳоминъ понедѣльникъ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевою водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додолу и символически-обозначающій про-

---

[1]) Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 78; Цебриков., 275—7. — [2]) Рус. прост. праздник., I, 160; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 75—83; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 103. — [3]) С. Петерб. Вѣд. 1864, 118; Volkslieder der Wenden, II, 223.

Библиотека "Руниверс"

литіе небесныхъ источниковъ, осѣмененіе матери-Земли оплодотворяющей влагою дождя [1]). Объ этомъ Густинская лѣтопись [2]) разсказываетъ такъ: «отъ сихъ (языческихъ боговъ) единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему-же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день Воскресенія Христова собравшеся юніи, играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, еи есть бѣсовъ, разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ-же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единаче тому-же бѣсу жертву сотворяютъ». На Красную Горку (въ воскресеньеѲоминой или радуницкой недѣли), при солнечномъ восходѣ, сельскія дѣвицы собираются на ближній холмъ или пригорокъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга—съ хлѣбомъ и краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы закликаетъ Весну: «Весна красна! на чемъ пришла» и т. дал. Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на горкѣ длинный шестъ съ соломенной куклою, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками; въ орловской же губ. поселяне на радуницкой недѣлѣ прогоняютъ Смерть изъ своего села, для чего въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами, и взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Мораною [3]). Обрядъ этотъ—и по своему значенію, и отчасти по самой обстановкѣ — тождественъ съ обрядомъ «опахиванія», каковой совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для изгнанія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры и коровьей смерти. Въ старые годы въ Литвѣ друзья усопшаго,

[1]) Терещ., VI, 106, 110; Боплант: Описаніе Украйны 79. Къ этому-же времени относится и обрядовое поздравленіе молодыхъ супруговъ—такъ называемый вьюнецъ. — [2]) П. С. Р. Л., II, 257. — [3]) Сахаров., II, 81, 83.

Библиотека "Руниверс"

провожая его тѣло въ могилу, махали по воздуху ножами, съ возгласомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи!» [1])

Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зимы, она тотчасъ-же одѣваетъ поля, сады и рощи свѣжею зеленью и цвѣтами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала іюня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными игрищами. Въ христіанскую эпоху такія игрища, совершаемыя въ честь Весны, были пріурочены къ Вознесенію и Троицѣ, такъ какъ праздники эти бо́льшею частію приходятся въ маѣ-мѣсяцѣ. Четвергъ, въ который празднуется Вознесеніе, и четвергъ, предшествующій Троицѣ (такъ называемый Семикъ, потому что бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи) получили въ глазахъ народа особенно-важное значеніе по извѣстной намъ связи четверга съ культомъ громовника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ завиванію вѣнковъ приступаютъ уже въ день Вознесенія; обыкновеннѣе же обрядъ этотъ совершается на Семикъ или Троицу. Предъ

[1]) Черты литов. нар., 111. Вотяки и черемисы передъ весеннимъ посѣвомъ хлѣба гоняютъ шайтана; парни и дѣвки садятся верхомъ на коней, берутъ въ руки зажженныя лучины, бичи, палки, метлы, и съ дикимъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, махая метлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ отправляются въ поле, ставятъ двѣ палки и дѣлаютъ загородку—въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ и возвратный путь для него прегражденъ—Записки Александры Фуксъ о чуваш. и черемисахъ казан. губ. (Казань, 1840 г.), 221, 261—2; Вятск. Г. В. 1851, 25. Сравни извѣстія, занесенныя въ книгу „Обряды еврейскіе“ (Орелъ, 1830 г.), 179, и въ путевыя записки XVII вѣка „О ходу въ Персидское царство“ (Времен., XV, 17—18): „и возятъ наряднаго мужика, сдѣланъ мѣхомъ да набитъ соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются и плюютъ на него, а жонки плачутъ... того соломеннаго мужика вывезутъ на поле за городъ и вынесутъ соломы и нефти и сожгутъ, а сами вяземъ бьются—а то они (персы) празднуютъ клятымъ своимъ“.

Библиотека "Руниверс"

наступленіемъ означенныхъ праздниковъ, поселяне отправляются толпами въ поля и рощи, собираютъ разныя травы, преимущественно благовонныя: чоберъ; мяту, зорю и калуферъ, и рубятъ молодыя березы и другія лиственныя деревья; и по городамъ, и по сёламъ стѣны внутри домовъ убираются древесными вѣтвями, полы устилаются скошенною травою, а окны пахучими зельями и цвѣтами; на дворахъ и по улицамъ устанавливаются въ землю цѣлые ряды березокъ, липокъ и кленовъ, такъ что каждый городъ и каждая деревня превращаются на нѣсколько дней въ зеленые сады. Точно также убираются къ Троицѣ и самые храмы; наканунѣ праздника благочестивые прихожане привозятъ срубленныя деревья, разставляютъ ихъ около перилъ, столбовъ, клиросовъ и по угламъ церкви, втыкаютъ ихъ за образа, подсвѣшники и люстры, полъ усыпаютъ травою, а мѣстныя иконы украшаютъ цвѣтами. Утромъ слѣдующаго дня женщины, дѣвушки и дѣти приходятъ къ обѣднѣ съ пучками цвѣтовъ и пахучихъ травъ въ рукахъ, и потомъ въ продолженіи года хранятъ ихъ, какъ святыню; вѣрятъ, что сломленная въ церквѣ березовая вѣтка и принесенные оттуда цвѣты и травы обладаютъ цѣлебною силою противъ всякихъ недуговъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на Семикъ въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево и наряжаютъ его въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ, изготовляемый въ складчину или ссыпчину, т. е. изъ мірскаго сбора муки, молока, крашеныхъ яицъ и другихъ припасовъ; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончаніи пиршества подымаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятъ въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ она и остается гостейкою до Тро-

Библиотека "Руниверс"

цына дня. Въ пятницу и субботу приходятъ навѣщать «гостей ку», а въ Троицкое воскресенье выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Тогда-же пускаются по водѣ и семицкіе вѣнки. Въ пинскомъ уѣздѣ на Духовъ день крестьянскія дѣвушки избираютъ изъ своей среды самую красивую подругу, обвязываютъ ее березовыми и кленовыми вѣтвями, и подъ именемъ куста водятъ по улицамъ и дворамъ, что̀ живо напоминаетъ намъ сербскую додолу, съ головы до ногъ убранную въ цвѣты и зелень. Въ полтавской губ. водятъ на Духовъ день тополю [1]), которую представляетъ дѣвушка, въ разноцвѣтной плахтѣ, съ яркими лентами въ косахъ и монистами на груди. Въ старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалашъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышеніи соломенную или деревянную куклу, одѣтую въ праздничное мужское или женское платье; къ этому мѣсту стекались со всѣхъ сторонъ окрестные жители, приносили съ собой различные напитки и яства, водили вокругъ шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играмъ. Въ семицкой березкѣ, «тополѣ», «кустѣ» и въ троицкой куклѣ народъ чествовалъ лѣсную дѣву, оживающую въ зелени дубравъ (см. II, 328), или самую богиню Весну, одѣвающую деревья листьями и цвѣтами. На Троицынъ день молодежь отправляется въ лѣса и рощи завивать вѣнки, возглашая хоромъ:

Благослови, Троица,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойдти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ой Лидо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.

[1]) Тополь.

Библиотека "Руниверс"

Приготовивъ вѣнки, дѣвицы и парни обмѣниваются ими другъ съ дружкою; дѣвицы надѣваютъ ихъ на̀ головы, парни украшаютъ ими свои шляпы, и затѣмъ приступаютъ къ хороводнымъ играмъ. Вечеромъ, какъ только сядетъ солнце, или на слѣдующій день ходятъ они на̀ рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду; въ нѣкоторыхъ-же уѣздахъ этотъ послѣдній обрядъ совершается на Всесвятской недѣлѣ. Мѣстомъ завиванія вѣнковъ преимущественно выбираютъ ту рощу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даже коровамъ на Троицынъ день надѣваютъ на рога и шеи вѣнки, сплетенные изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ [1]). Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Такъ какъ въ весеннюю пору Земля вступаетъ въ брачный союзъ съ Небомъ и такъ какъ богиня весны (Жива) была не только представительницею земныхъ урожаевъ, но и вообще покровительницею брака и любовныхъ наслажденій; то и посвященный ей праздникъ необходимо долженъ былъ считаться лучшимъ въ году временемъ для заявленій любви и для гаданій о будущемъ семейномъ счастіи. Бросая вѣнки въ воду, юноши и дѣвицы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ (см. II, 192; III, 341—2, 349): если брошенный вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, — это предвѣщаетъ исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ—это знакъ неудачи (свадьба разстроится, любовь останется безъ отвѣта),

---

[1]) Сахаров., II, 83—89; Этн. Сб., II, 52; Ворон. Г. В. 1850, 8; Москов. Телеграфъ 1830, XVII, 31; Вѣст. Евр. 1821, III, 198; 1828 г., V—VI, 83—84; Москв. 1849, IX, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 28; 1827, IV, 278; Терещ., VI, 173—186, 193—5; Казан. Г. В. 1846, 3; Минск. Г. В. 1866, стр. 328—9; Маякъ, XI, 22; Украин. Журналъ 1824, XI, 255—6.

Библиотека "Руниверс"

а если потонетъ — знакъ смерти, вдовства или безсемейной жизни (молодцу не быть женатому, дѣвицѣ оставаться незамужнею). Замѣчаютъ еще: уцѣлѣлъ ли свѣжимъ или завялъ вѣнокъ, сбереженный отъ Семика до Троицына дня? въ первомъ случаѣ разсчитываютъ на долголѣтнее и счастливое супружество, а въ послѣднемъ — ожидаютъ скорой смерти. Не такъ давно въ калужской губ. существовало обыкновеніе, по которому парень, задумавшій жениться, обязанъ былъ вытащить изъ воды вѣнокъ полюбившейся ему дѣвицы [1]). Такимъ образомъ зелень и цвѣты играютъ главную роль на веселомъ праздникѣ Весны; ея благотворное вліяніе именно въ томъ и выражается, что мать-сыра земля, словно юная и прекрасная невѣста, рядится въ роскошные уборы растительнаго царства; апрѣль и май-мѣсяцы получили поэтому названія травня и квѣтня [2]); семицкая недѣля слыветъ въ народѣ зеленою, клечальною, а три послѣдніе дня этой недѣли и слѣдующіе за ними праздники Троицы и Св. Духа называются Зелеными Святками. Тѣже обряды совершаются на Троицу и въ Литвѣ, и въ Польшѣ [3]). У германскихъ племенъ на Троицынъ день или въ началѣ мая соблюдался въ старые годы такой обычай: изъ среды юношей избирался maigraf (maikönig); затѣмъ привозили изъ лѣсу повозку, нагруженную зелеными вѣтками и вѣнками (maiwagen); одинъ вѣнокъ (maikranz) былъ вручаемъ бургомистромъ и городскимъ совѣтомъ майграфу; остальныя связки зелени шли въ раздѣлъ между мѣстными жителями, но самая бо́льшая часть ихъ отдавалась въ монастыри и церкви. Церковныя башни

---

[1]) Рус. прост. празд., III, 132—3, 136; Терещ., VI, 197—8. Въ нѣкоторыхъ городахъ троицкое гульбище превратилось въ обрядовый смотръ невѣстъ. — [2]) Квѣтъ=цвѣтъ; римляне съ 28 апрѣля по 1 е мая праздновали floralia—въ честь богини Флоры.— [3]) Терещ., VI, 174.

Библиотека "Руниверс"

были украшаемы древесными вѣтвями, а помосты храмовъ усыпались обрѣзками кустарниковъ и полевыми цвѣтами. Нерѣдко майграфу вручались два вѣнка и предоставлялось право избрать изъ числа дѣвицъ царицу праздника (maigräfin, maikönigin, maibraut); на эту послѣднюю онъ возлагалъ одинъ изъ своихъ вѣнковъ. Существовалъ также обычай искать maikönig'a: для этого вооруженная толпа юношей отправлялась въ лѣсъ, и немного погодя возвращалась оттуда вмѣстѣ съ «майскимъ королемъ», который ѣхалъ верхомъ на конѣ, опутанномъ гибкими зелеными вѣтвями, или въ повозкѣ, запряженной въ четыре лошади и убранной разнымъ «клечаньемъ». Этимъ торжественнымъ поѣздомъ означался возвратъ бога весенняго плодородія (Одина или Тора) изъ дальнихъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ проводилъ онъ зиму. О такомъ поѣздѣ датчане выражались: at ride Sommer i bye (den Sommer in das land reiten). Въ разныхъ мѣстахъ Германіи на Троицынъ день и донынѣ продолжаютъ украшать дома зеленью. Въ Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ на первый день мая раннимъ утромъ юноши и дѣвицы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправлялись въ ближайшій лѣсъ, ломали древесныя вѣтви, убирали ихъ цвѣтами, и воротившись домой, ставили эти майскія знаменія на дверяхъ и окнахъ своихъ жилищъ. Тогда-же общими усиліями срубали они большое дерево и привозили его въ городъ или деревню на нѣсколькихъ парахъ быковъ; каждому быку прикрѣпляли между рогами букетъ цвѣтовъ; дерево это — maibaum — ставили посреди площади и предавались вокругъ него играмъ и плескамъ. Распорядитель празднества назывался lord of the may, а избранная ему въ подруги — lady of the may [1]). Чехи на майскій праздникъ избираютъ краля и кральку, и недѣля, въ которую происходитъ это народное гульбище, из-

[1]) D. Myth., 736—8; Die Götterwelt, 144—7.

Библиотека "Руниверс"

вѣстна подъ именемъ кра́левой (králova neděle). Краль и кралька являются на праздникъ увѣнчанные коронами и убранные цвѣтами. Словенцы, празднуя возвратъ весны, назначаютъ одного изъ юношей представлять Зеленаго Егора (Юрія) и обвязываютъ его березовыми вѣтками (см. II, 175). Срубленныя деревья, которыми украшаютъ въ это время домá, называются майями. Въ Литвѣ 1-го мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвѣшанное разноцвѣтными лентами; сельская молодежь, избравъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, надѣвала ей нà голову вѣнокъ, обвивала ея станъ березовыми вѣтвями и веселою толпою сопровождала ее на мѣсто гульбища. Тамъ, возлѣ майскаго дерева, начинались танцы и пѣсни, съ постоянно-повторяемымъ возгласомъ: о майя, о майя! [1])

Но лѣто гоститъ на землѣ короткое время. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ нá зиму, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ умаляться, а ночи удлиняются. Этотъ поворотъ Солнца (sunnewende)— выѣздъ его въ далёкій зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, пріуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24-го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріи этого дня (Johannisfeuer) служитъ символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Нѣмцы въ XIV и XV столѣтіяхъ называли это пламя sunwentfeuer. «Ивановы огни» зажигаются подъ открытымъ небомъ на площадяхъ, поляхъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ принято, чтобы священникъ благословлялъ возженное пламя, и до тѣхъ поръ, пока оно продолжаетъ горѣть, народъ молится Богу. Возженіе огней при лѣтнемъ поворотѣ солнца — обы-

[1]) Ганушъ, 155; Иличъ, 132; Volkslieder der Wenden, II, 223; Терещ., VI, 212.

Библиотека "Руниверс"

чай, равно-встрѣчаемый какъ у народовъ индоевропейскихъ, такъ и семитическихъ; въ старые годы въ совершеніи его принимали участіе не одни простолюдины, но и владѣтельные князья и благородныя сословія. Въ западной Европѣ относящіяся къ этому вопросу свидѣтельства памятниковъ начинаются уже съ XII-го вѣка. Въ XV, XVI и XVII столѣт. въ большихъ городахъ (какъ напримѣръ Парижѣ, Метцѣ и др.) костёръ складывали передъ ратушею, убирали его цвѣтами и зелепью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли меру. Въ Пиренеяхъ 1-го мая отыскивали самое высокое дерѣво: ель, сосну или тополь, обрубали на немъ всѣ вѣтви, вбивали въ стволъ нѣсколько кольевъ и оставляли на корню до 23-го іюня; наканунѣ-же Иванова дня, послѣ даннаго священникомъ благословенія, сваливали это дерево на́земь и предавали сожженію. У священнаго огня толпился народъ; молодежь украшала себя вѣнками, пѣла и танцовала; всѣ же вообще—и старые, и молодые прыгали черезъ пламя, переносили черезъ него дѣтей и бросали въ костёръ разныя травы — съ цѣлію запастись здоровьемъ и отстранить отъ себя губительныхъ демоновъ. Бросая въ огонь тра̀вы, причитывали: «да сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды!» Или дотрогивались до огня вѣтками орѣшника и потомъ втыкали ихъ у дверей коровьихъ хлѣвовъ. Каждый считалъ обязанностью захватить съ собой головешку или нѣсколько угольевъ и пеплу отъ Ивановскаго костра; подобно «громовой стрѣлкѣ», уголья эти и пепелъ предохраняютъ домъ отъ удара молніи и служатъ цѣлебнымъ средствомъ противъ волшебнаго очарованія и болѣзней. Въ срединѣ лѣта природа во всѣхъ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ обнаруживаетъ особенно-живительную силу. Какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ — земной огонь въ воззрѣніяхъ язычниковъ получилъ тоже благодѣтельное свойство про-

Библиотека "Руниверс"

гонять болѣзни и моръ; надо только пройдти сквозь его очистительное пламя, проникнуться его священнымъ вѣяніемъ (сравни II, 18—21). Вмѣстѣ съ огнемъ, и вода, какъ стихія, знаменующая амриту (плодоносный дождь), получаетъ на Ивановъ день чудесное свойство смывать съ больнаго тѣла всѣ недуги и надѣлять его крѣпостью и здравіемъ; поэтому въ числѣ совершаемыхъ тогда обрядовъ непослѣднее мѣсто занимаетъ и купанье въ рѣкахъ и источникахъ. Наконецъ и самыя травы и цвѣты, сорванныя въ періодъ солнечнаго поворота, считаются попреимуществу-цѣлебными, такъ какъ съ ними соединяется мысль о плодородящей силѣ земли, возбужденной яснымъ солнцемъ и лѣтними дождями [1]). У славянъ и литовцевъ встрѣчаемъ туже обстановку Иванова празднества. Словенцы называютъ Ивановъ день и самый поворотъ солнца—kres (кроат. kresz=огонь), а мѣсяцъ іюнь—kresnik; серб. кресови — dies solstitiales («три дана прије и три послије Илијна дне»), крнјес — огонь, разводимый наканунѣ Иванова, Витова, Петрова и Юрьева дней, съ которыми народная мысль связываетъ старинныя воспоминанія о богѣ-громовникѣ, возжигателѣ небеснаго пламени [2]); въ одномъ изъ рукописныхъ прологовъ крѣсъ, крѣсины — поворотъ солнца на лѣто (I, 188, 255). Поляки и чехи называютъ Ивановъ огонь — sobotka (малая суббота, канунъ воскреснаго дня, издревле-посвященнаго солнцу), въ отличіе отъ огня, возжигаемаго въ ночь на Пасху, которому присвоянотъ названіе sobota (Ostersonnabend, великая суббота, канунъ Свѣтло-Христова Воскресенія» [3]). На Руси Ивановъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ Купалы. По указанію профессора

[1]) D. Myth., 584—593; Beiträge zur D. Myth., I, 217; Ж. М. Н. П. 1841, т. XXXI, стат. Сабинина. — [2]) Срп. рјечник. 301—3; Москв. 1844, IX, ст. Срезнев., 214, 222. Свѣтящійся Ивановскій жукъ называется у словенцевъ kersnica. — [3]) D. Myth., 590

Библиотека "Руниверс"

Буслаева, корень куп совмѣщаетъ въ себѣ тѣже понятія, что и корни яръ и буй. Во первыхъ, говоритъ онъ, куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, а также буйнаго въ смыслѣ роскошно-растущаго, откуда въ нашемъ языкѣ употребительны: купа́вый—бѣлый, купа́ва—бѣлый цвѣтокъ, купа̀вка—цвѣточная почка и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Такъ какъ у и ы въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются, то корень куп можетъ имѣть и другую форму кып, откуда кыпѣть и кипень (кыпень)—въ значеніи бѣлой накипи и вообще бѣлизны («бѣлъ, какъ кипень»). Во вторыхъ, «ярый» и «буйный» заключаютъ въ себѣ понятія кипучаго, неукротимаго, бѣшенаго, раздраженнаго; соотвѣтственно этому, въ санскритѣ kup — не только блистать, но и яриться, гнѣваться, слав. кыпѣти, кыпати, кипятиться—горячиться, сердиться. Наконецъ, въ третьихъ, какъ съ словами «ярый», «ярость» нераздѣльно понятіе желанія, похоти, такъ при нашемъ «кыпѣти» находимъ лат. cupio [1]). Допустивъ эти лингвистическія соображенія, надо будетъ признать, что имена Куп-ало и Яр-ило обозначали одно и тоже плодотворящее божество лѣта; такой выводъ, во 1-хъ, подтверждается старинными свидѣтельствомъ о «безстудномъ» характерѣ купальскихъ игрищъ (см. I, 444), а во 2-хъ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ярославской, тверской и рязанской губ. празднество Купалы еще недавно называлось Ярилою [2]). Согласно съ этимъ, составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: «Купало, яко-же мню, бяше богъ обилія, якоже у еллинъ Цересъ, ему-же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донынѣ по нѣконхъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе

[1]) Исторія Росс. Соловьева, II, приложен., стр. 25—26; Radices linguae slov., 42. — [2]) Рус. прост. празд., I, 179.

Библиотека "Руниверс"

Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, слѣдующимъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего полу и сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядоваго зелія или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь; иныѣ-же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакуютъ» [1]). По древнепоэтическому представленію богъ-громовникъ кипятитъ въ грозовомъ пламени дождевую воду, купаетъ въ ея ливняхъ небо и землю, и тѣмъ самымъ даруетъ послѣдней силу плодородія; въ христіанскую эпоху дождящій громовникъ уступилъ свое мѣсто Іоанну-крестителю, къ имени котораго стали прилагать народное прозваніе «Купалы»: Иванъ-Купало. Эта замѣна условливалась: во 1-хъ, совпаденіемъ праздника, посвященнаго Іоанну-крестителю, со временемъ купальскихъ игрищъ, и во 2-хъ—вліяніемъ языка, такъ какъ самое слово «купало» должно было возбуждать мысль о крестителѣ: купать — погружать въ воду, омывать тѣло, дѣлать его чистымъ, бѣлымъ, купель — сосудъ, употребляемый для крещенія, илл. kupalo, чеш. kupadlo—мовница, снкр. kûpa—источникъ, колодецъ [2]). Наравнѣ съ прочими родственными племенами, славяне при лѣтнемъ поворотѣ солнца возжигаютъ костры, совершаютъ омовенія въ рѣкахъ и источникахъ и собираютъ цѣлебныя травы. Костры раскладываются на открытыхъ поляхъ, по берегамъ рѣкъ и преимущественно на холмахъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище. На Руси для возженія купальскаго костра употребляется живой огонь [3]);

[1]) П. С. Р. Л., II, 257; тоже сказано и въ Синопсисѣ. — [2]) Пикте, II, 268. — [3]) Тоже соблюдалось нѣкогда и въ Германіи — D. Myth., 578.

Библиотека "Руниверс"

почетные старики добываютъ его треніемъ изъ дерева, и пока продолжается эта работа — собравшійся вокругъ народъ стоитъ въ благоговѣйномъ молчаніи, но какъ только огонь вспыхнетъ — тотчасъ-же вся толпа оживляется и запѣваетъ радостныя пѣсни. Дѣвицы въ праздничныхъ нарядахъ, опоясанныя чернобыльникомъ и душистыми травами, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и холостые юноши схватываются по-парно за руки и прыгаютъ черезъ разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, имъ предсказываютъ счастіе или бѣды, раннее или позднее супружество; сверхъ того, на Украйнѣ дѣвушки пускаютъ свои вѣнки въ воду, прилѣпивъ къ нимъ зажженныя восковыя свѣчи, и по этимъ плывучимъ вѣнкамъ гадаютъ о своей будущей судьбѣ. Прыганье черезъ огонь избавляетъ отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія [1]); матери нарочно сожигаютъ на купальскомъ кострѣ снятыя съ хворыхъ дѣтей сорочки — для того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ бѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Чтобы скотина не болѣла и чтобы коровы давали больше молока, въ Литвѣ, на Руси и въ Чехахъ принято перегонять стада черезъ Ивановскіе костры. Въ Сербіи, наканунѣ Иванова дня, пастухи зажигаютъ свёрнутые изъ бересты факелы; съ этими факелами они обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ складываютъ ихъ на ближайшемъ холмѣ и оставляютъ догорать въ одной общей кучѣ. Словенцы разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепелъ, уголья и головешки, взятые отъ Ивановскаго костра, для того, чтобы черви и другія насѣкомыя не портили посѣвовъ и капустной разсады. Тоже самое дѣлаютъ и чехи—для предохраненія своихъ нивъ, садовъ и огородовъ отъ непогоды и града; сверхъ того, у чеховъ существуетъ обычай зажигать наканунѣ Иванова дня обмокнутыя въ деготь мѣт-

[1]) По требованію свадебнаго обряда, новобрачная чета должна перевхать черезъ зажженные пуки соломы.

Библиотека "Руниверс"

лы и бѣгать, размахивая ими по воздуху. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ночь на Ивана-Купала вбиваютъ въ землю большой колъ, обкладываютъ его соломой и кострикой, и зажигаютъ; когда пламя разгорится, крестьянки бросаютъ въ него березовыя вѣтки и приговариваютъ: «кабы мой лёнъ былъ также великъ, какъ эта березка!» [1]) Обычай творить омовеніе на разсвѣтѣ Иванова дня засвидѣтельствованъ Стоглавомъ: «егда нощь мимо ходитъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), тогда отходятъ къ рѣцѣ (вар. къ рощѣ) съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснія, (и) омываются водою» (вар. росою). Поселяне наши не только сами купаются на этотъ праздникъ — ради здравія тѣла, но съ тою-же цѣлію купаютъ и больныхъ лошадей. Роса, выпадающая въ купальскую ночь, въ высшей степени обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами и сообщаетъ ихъ полевымъ цвѣтамъ и травамъ. Русины умываются этой росой, дабы отогнать отъ себя злые немощи и недуги; въ Литвѣ канунъ 24-го іюня даже называется праздникомъ росы [2]). По народному повѣрью, лѣкарственныя травы только тогда и оказываютъ дѣйствительную помощь, когда будутъ сорваны на Иванову ночь, или на утренней зорѣ Иванова дня — прежде, чѣмъ обсохнетъ на нихъ роса. Изстари и донынѣ ночь на Ивана Купала почитается лучшимъ въ году временемъ для сбора цѣлебныхъ травъ, цвѣтовъ и кореній (см. выше стр. 429, 629); сорванные тогда цвѣты и травы, называемые въ виленской губ. святоиванскимъ зельемъ, сохраняются въ семьяхъ, какъ нѣкая святыня; въ случаѣ надобности, ими окуриваютъ больныхъ, а

[1]) Сахаров., II, 39; Рус. прост. празд., IV, 34; Терещ., V, 54; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 54; 1819, XIII, 42—45; Украин. Вѣстн. 1824, XII, 318—324; Рус. Сл. 1860, V, 37; Ганушъ, 187; Срп. рјечник, 215—6; Иличъ, 158, 164—6; День 1864, 43. — [2]) Рус. прост. празд., IV, 37—38; Сахаров., 38—39, 101.

Библиотека "Руниверс"

во время грозы ихъ бросаютъ въ затопленную печь, чтобы предохранить домъ и надворныя строенія отъ удара молніи [1]). Съ тою-же цѣлію чехи зарываютъ подъ порогомъ избы и затыкаютъ за стрѣхи сбереженные отъ Ивановскаго костра головни и уголья, или—какъ только начнется гроза—жгутъ на шесткѣ частицы купальскихъ вѣнковъ; сербы вѣшаютъ эти вѣнки подъ кровлями домовъ и въ хлѣвахъ, для защиты отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ, а болгары кладутъ ихъ въ кадильницу и окуриваютъ болящихъ [2]).

Въ половинѣ іюня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ, дни становятся наиболѣе-продолжительными, и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіи нѣсколькихъ дней, называемыхъ днями лѣтняго солнцестоянія, а затѣмъ, поворачивая на зимній путь, начинаетъ все ниже и ниже спускаться по небесной горѣ. У нашихъ поселянъ іюнь-мѣсяцъ слываетъ макушкою лѣта, а шведы соединяютъ съ нимъ названіе midsommar (средина лѣта; midsummersnight — Иванова ночь). Болгары увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; по выраженію русскаго народа, оно играетъ тогда, пляшетъ и мечется во всѣ стороны [3]). Въ Силезіи дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, именуемые słończęta, и выходя на утренней зорѣ въ поле,

---

[1]) Рус. прост. праздн., IV, 31—33; Терещ., V, 73, 87; Сахаров., I, 43; II, 41; Украина. Журн. 1824, XII, 318—9; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 274; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 84—85; Рус. въ св. поэз., IV, 32—33; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговск. намѣстничества, 31; Ч. О. И. и Д., годъ 1, IV, 60; Оп. Румян. Муз., 551: „въ Ивановскую нощъ... на травы парятся въ банѣхъ, и травы рвутъ и коренье копаютъ“ (изъ сборника прошлаго столѣтія). — [2]) Каравел., 234; Beiträge zur D. Myth., II, 395.— [3]) Каравел., 234; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 107; 1857, IV, 274.

Библиотека "Руниверс"

раскладываютъ ихъ на бѣломъ убрусѣ и причитываютъ: «graj, słońce, graj, tutaj są twoi słończęta!» [1]) Въ сербской пѣснѣ играющее солнце противополагается пасмурному, похмолому [2]). Лѣтнее солнцестояніе сербы и словенцы объясняютъ тѣмъ невольнымъ страхомъ, какой должно чувствовать это свѣтило — прежде, чѣмъ двинется въ далекое зимнее странствованіе: Ивановъ день (говорятъ они) — такой великой праздникъ, что «на њега сунце на небу трипут (троекратно) од страха стане» [3]). Когда наступали томительныя жары и грозили полямъ и нивамъ засухою, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою),—индусы ведійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всесильнаго бога сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящіе лучи въ дождевыхъ потокахъ. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника, и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться скатываніемъ съ горы въ воду обмазаннаго смолою и зажженнаго колеса: обрядъ, и донынѣ совершаемый славянами и нѣмцами (I, 208—212 [4]). У словенцевъ сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня, которую поютъ при лѣтнемъ поворотѣ солнца:

Tužilo se žarko sunce
Sa vedra neba,
Tužilo se svetom Ivi
Na dan Ivanja,
Da ga vila dvorit neće
S hladjanom vodom [5]).
Al' govori sveti Ivo
Na dan Ivanja:

[1]) Гануш, 176. — [2]) Срп. н. пјесме, I, 486. — [3]) Срп. рјечник, 215; Гласник срп. друштва 1867, V, 104—5; Ивичь, 166. — [4]) День 1864, 43. — [5]) Не хочетъ услужить ему (=омыть его) холодной водою.

Библиотека "Руниверс"

«Stan de, sunce, do tri puta
Na dan Ivanja;
Dojt će tebi mlade dive
S hladjanom vodom,
S hladjanom će te vodom dvorit
Na dan Ivanja,
S vinci će ti zlatne kose
Lipo kititi.»

По болгарскому повѣрью, солнце на Ивановъ день *не знаетъ* предстоящей ему *дороги*, а потому *является дѣва и ведетъ его по̀ небу* [1]). Эта дѣва — богиня Зоря, которая каждое утро умываетъ солнце росою и открываетъ путь его свѣтозарной колесницѣ, и которая (какъ мы знаемъ) постоянно отождествлялась съ богинею лѣтнихъ грозъ; словенская пѣсня замѣняетъ ее вилою (сравни преданія о солнцевыхъ дѣвахъ — I, 82—85). То дѣятельное участіе, какое приписывали богу-громовнику въ поворотѣ солнца, ярко отразилось во всѣхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, относящихся къ этому времени. Иванова ночь исполнена чудеснаго и таинственнаго значенія: въ эту ночь источники и рѣки мгновенно превращаются въ чистое серебро и золото, папоротникъ разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ, подземныя сокровища выходятъ наружу и загораются пламенемъ, деревья движутся и ведутъ между собой шумную бесѣду, вѣдьмы и нечистые духи собираются на лысой горѣ и предаются тамъ неистовому гульбищу [2]). Всѣ эти повѣрья возникли изъ древне поэтическихъ выраженій, какими народная фантазія живописала лѣтнія грозы. Призванный повернуть солнцево колесо и освѣжить удушливый воздухъ, Перунъ совершаетъ этотъ подвигъ *во мракѣ ночи*, т. е. облагаетъ небо тучами и превращаетъ ясный день въ непроглядную ночь; поэтому и самое празднованіе поворота солнца про-

[1]) Ильичь, 162—3; Каревел., 234. — [2]) Рус. Бес. 1857, III, 117.

Библиотека "Руниверс"

исходитъ въ ночное время. На потемнѣнномъ небѣ загораются молніи, или выражаясь метафорически: разцвѣтаютъ огненные цвѣты; облака и тучи, эти дожденосные источники и рѣки, озаряются блескомъ грозоваго пламени; бурные вихри потрясаютъ дубравы, въ шумѣ и трескѣ которыхъ слышатся человѣку невѣдомые голоса; удары грома разбиваютъ облачныя горы и открываютъ затаённое въ нихъ подземельяхъ золото солнечныхъ лучей; стихійные духи затягиваютъ дикія пѣсни и увлекаются въ быструю, бѣшеную пляску. Костры, разводимые на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойнаго іюньскаго солнца, но и возжигаемаго Перуномъ грозоваго пламени; это доказывается: во 1-хъ тѣмъ, что угольямъ и головнямъ, взятымъ отъ купальскаго костра, приписывается сила и свойства громовой стрѣлки, и во 2-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи купальскій костеръ замѣняется кучею крапивы, каковая замѣна стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ молніи жгучею травою. Словенцы, во время засухи, втыкаютъ въ заборъ Ивановскую головешку, съ увѣренностью, что она вызоветъ дождь [1]). Рядомъ съ скатываніемъ огненнаго колеса въ рѣку, топили въ ней и самаго Купала. Въ Малороссіи уцѣлѣлъ слѣдующій обрядъ: наканунѣ Иванова дня дѣлаютъ изъ соломы идола Купала — иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ человѣка, надѣваютъ на него женскую сорочку, плахту, монисты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда-же срубаютъ дерево (преимущественно: черноклень, вербу или тополь), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливаютъ на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною; подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигаютъ костёръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодецъ

[1]) Ильичъ, 165.

Библиотека "Руниверс"

съ дѣвицею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. На праздникѣ возглашается обрядовая пѣсня:

Ходыли дивочки коло Марыночки,
Коло мого вудола Купала.
Гратеме сонечко на Йвана!
Купався Иванъ, та въ воду упавъ;
Купало на Йвана!

Чехи (около Эгера) ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ вырубленную въ лѣсу смолистую ёлку или сосну, убранную вѣнками, цвѣтами и красными лентами; вокругъ нея накладываютъ и зажигаютъ вечеромъ кучу хворосту и другихъ горючихъ матеріаловъ, и какъ только вспыхнетъ пламя — парни бросаются къ Иванову дереву и лѣзутъ на него доставать вѣнки и ленты. Перунъ-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зори (=просвѣтленнаго солнца) и лѣтнихъ грозъ, принимали равное участіе въ жизни природы и чествовались нашими предками, какъ нераздѣльная божественная чета. Литовцы и летты, сходясь на купальское празднество, славили Ладу [1]) и приносили ей въ жертву бѣлаго пѣтуха; туже богиню призываютъ въ своихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и карпаторуссы [2]). Возлѣ Купала, слившагося въ христіанскую эпоху съ Іоанномъ-крестителемъ, — въ нашихъ преданіяхъ выступаетъ Купальница, имя которой сдѣлалось эпитетомъ св.

---

[1]) Lada, Lada, dido musu deve!—Лада, Лада, великая наша богиня! — [2]) Вѣстн. Р. Г. О. 1857, IV, 271; Терещ., V, 56, 68, 73; Рус. прост. правди., IV, 21; D. Myth., 569. По свидѣтельству автора „Абевеги русскихъ суевѣрій“ (стр. 2), имории (недалеко отъ Петербурга) собирались наканунѣ Иванова дня подъ старою липою, разводили огонь и при пляскахъ сожигали бѣлаго пѣтуха.

Библиотека "Руниверс"

Аграфены, такъ какъ память этой послѣдней празднуется на 23-е іюня. Собственно-же Лада снѣнилась въ воззрѣніяхъ народа Пречистой Дѣвою Маріею, которую сербы называютъ сѣвѣна Марія, хорутане — svečna Marije, лужичане — svečkovnica. Въ Переславлѣ Залѣсскомъ есть храмъ Просв. Богородицы, именуемой мѣстными жителями Купальницею. Народныя причитанія и колядки приписываютъ Богородицѣ ниспосыланіе дождя и воздѣлываніе пашней. 24-го іюня, при восходѣ солнца, бѣлоруссы собираются у пылающихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Иванъ да Марья
На горѣ купалыся;
Гдзѣ Иванъ купався —
Берегъ колыхався,
Гдзѣ Марья купалась —
Трава расцилалась,

т. е. Перунъ и Лада купались въ дождевыхъ потокахъ, на небесной горѣ, при чемъ первый потрясалъ землю громовыми раскатами, а послѣдняя растила на поляхъ травы. Что именно таково значеніе приведенныхъ стиховъ, это подтверждается другою купальскою пѣснею, въ которой разсказывается: какъ «въ озерѣ самъ Богъ купався съ дитками-судитками» (II, 477). День Аграфены купальницы посвящается собиранію лѣкарственныхъ травъ; изъ числа этихъ зелій особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуются купаленка или купальница (trollius europaeus, желтоголовъ) и цвѣтокъ Иванъ да Марья (melampyrum nemorosum, нѣм. tag und nacht): крестьяне парятся на нихъ въ баняхъ, дабы смыть съ себя худобу и болѣзни. Съ тѣми-же именами Ивана и Марьи соединяетъ купальская пѣсня и уборку хлѣба:

Ой! чіе то жито пидъ гору стояло?
Иваиково жито пидъ гору стояло,
Пидъ гору зелененько, по мисяцу видненько.

Библиотека "Руниверс"

Молода Маричка ходить жито жати:
„Молодой Иванко! не вмію я жать".
—Якъ я тебе вязьму, жито жати научу! [1])

Случайное созвучіе имени Марія съ словомъ Марена (=Зима, Смерть) повело къ смѣшенію связанныхъ съ ними представленій; такая ошибка произошла тѣмъ легче, что, по требованію стародавняго культа, въ началѣ весны топили чучело Марены, а при лѣтнемъ поворотѣ солнца таже судьба постигала Ладу. Вотъ почему зеленое дерево, служившее эмблемою Лѣта, на Ивановомъ праздникѣ бросается въ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ названіе Марены. Хотя народъ и продолжаетъ по преданію совершать купальскіе обряды, но давнымъ-давно утратилъ живое ихъ пониманіе и постоянно смѣшиваетъ Купала съ Купальницею. Мы видѣли, что куклу, называемую Купалою, наряжаютъ въ женскіе уборы; въ харьковской же губ. кукла эта извѣстна подъ именемъ Марены [2]). У бѣлоруссовъ, съ разсвѣтомъ Иванова дня, крестьянки выбираютъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, обнажаютъ ее и опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ; затѣмъ отправляются въ лѣсъ, гдѣ Дзѣвко-Купало (такъ называютъ избранную дѣвушку) обязана раздавать своимъ подругамъ заранѣе-приготовленные вѣнки. Къ этой раздачѣ она приступаетъ съ завязанными глазами — въ то время, какъ вокругъ нея движется веселый дѣвичій хороводъ. Смотря по тому, какой вѣнокъ кому достанется, заключаютъ о своей будущей судьбѣ; свѣжій вѣнокъ сулитъ богатую и счастливую жизнь замужемъ, а вѣнокъ сухой, увядшій — бѣдность и несчастливый бракъ: «счастья-доли не бачить ей, жить у недо-

[1]) Сахаров., II, 36, 40, 85; Украин. Журн. 1824, XII, 318—324; Терещ., V, 74—83; VI, 194; Рус. прост. праздн., III, 11; IV, 30—33, 39—40, 49; Пассекъ, I, 100—9; День 1864, 43. — [2]) Археолог. Вѣстн. 1867, III, ст. Потебни, 97.

Библиотека "Руниверс"

ли!» [1]) Наоборотъ, срубленное дерево принимается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за самаго Купалу: на Волыни и Подолѣ дѣвицы приносятъ убранную цвѣтами вербу, устанавливаютъ ее въ землю, и вокругъ этого дерева, называемаго Купайломъ, водятъ хороводъ и поютъ жалобныя пѣсни; между тѣмъ собираются парни, и выждавъ время, вступаютъ въ притворную борьбу съ хороводомъ, овладѣваютъ вербою и рвутъ ее на части [2]). Въ этомъ обрядѣ кроется мысль о начинающемся, послѣ лѣтняго поворота солнца, замираніи плодотворящихъ силъ природы; богиня-Солнце, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія Ночи, съ приходомъ которой дневное свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, Зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ, и наконецъ Смерти, которая гаситъ огонь жизни. Прибавимъ къ этому, что на пути въ загробный міръ, усопшіе, по мнѣнію нашихъ предковъ, должны были переплывать глубокія воды. Мысль о замирающихъ силахъ природы особенно-наглядно выражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, которые еще недавно совершались на Всесвятской недѣлѣ или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29-го іюня, и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады и Ярила. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ игрищамъ; но такъ-какъ по своему вакханальному

[1]) Прил. къ Ж. М. Н. П. 1846, 13—15. — [2]) Рус. прост. праздн., IV, 30.

Библиотека "Руниверс"

характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, находившаго подобное «безстудіе» несоотвѣтствующимъ святости поста и церковнаго праздника, то и были перемѣщены на другіе дни. Сверхъ того, съ именемъ апостола Петра суевѣрный народъ связывалъ свои старинныя представленія о богѣ-громовникѣ (II, 403); а потому и купальскія игрища легко могли пріурочиваться ко времени около Петрова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечеромъ наканунѣ 29-го іюня крестьяне зажигаютъ костры, а на утро слѣдующаго дня наблюдаютъ игру восходящаго солнца [1]). Похороны Костромы въ пензенской и симбирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; напослѣдокъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ-бы оплакивая

---

[1]) Сахаров., II, 41; Рус. прост. правдн., IV, 66—67; Вѣст. Евр. 1821, III, 198—9.

Библиотека "Руниверс"

смерть Костромы. Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово кострома означаетъ: прутъ, розгу и растущія во ржи сорныя травы; костра, кострецъ, костёръ, костера — трава метлица, костерь, костеря — жесткая кора растеній, годныхъ для пряжи, кострыка — крапива, кострубый (кострубатый) — шероховатый, въ переносномъ смыслѣ: придирчивый, задорный [1]). Напомнимъ, что прутъ, крапива, колючія и цѣпкія травы принимались за символы Перуновыхъ молній. Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый понедѣльникъ Петровки, называлась Кострубомъ, и обрядъ ея похоронъ сопровождался печальною пѣснею:

Померъ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!.. [2])

Подобный-же обрядъ въ саратовской губ. называется проводами Весны: 30-го іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. Ярилово празднество отличалось тѣми-же характеристическими чертами. Въ Воронежѣ толпы народа съ ранняго утра сходились на городской площади и съ общаго согласія опредѣляли: кому изъ присутствующихъ быть представителемъ Ярила; по разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — избраннаго облекали въ пестрое, разноцвѣтное платье, убирали

[1]) Обл. Сл., 91; Доп. обл. сл., 90; Географ. извѣст. за 1850 г., II, ст. Кавелин., 9; Старосв. Банд., 372; Толк. Слов., I, 783. Въ саратовской губ. костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ—Терещ., VII, 116. — [2]) О Кострубѣ, по словамъ О. Миллера, есть въ Малороссіи пѣсни съ неудобными для печати подробностями—Ж. М. Н. П. 1867, стат. 2-я, 637.

Библиотека "Руниверс"

цвѣтами и лентами, навѣшивали на него колокольчики и бубенчики, на голову надѣвали ему раскрашенный бумажный колпакъ съ пѣтушьими перьями, а въ руки давали колотушку, которая изстари принималась за эмблему грековой палицы (I, 441—3). Шествіе Ярила возвѣщалось барабаннымъ боемъ: обходя площадь, онъ пѣлъ, плясалъ и кривлялся, а слѣдомъ за нимъ двигалась шумная толпа. Народъ предавался полному разгулу, и послѣ разныхъ игръ, сопровождаемыхъ пѣснями, музыкой и плясками, раздѣлялся на двѣ стороны и начиналъ кулачный бой — стѣна на стѣну. Въ Костромѣ горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромнымъ дѣторо́днымъ удомъ. Затѣмъ отправлялись за́ городъ; старикъ нёсъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и то́тчасъ-же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготовлялось совсѣми естественными принадлежностями мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ!» Мущины подымали и трясли куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярила, и потомъ замѣчали: «зге, баба не бреше! вона знае, що їй солодче меду.» Бабы продолжали горевать и причитывать: «якій же винъ був хорошій!.. Не встане винъ більше! о якъ-же намъ разставатися съ тобою? и що за жизнь, коли нема тебе? Приподнимись хоть на часочикъ! но винъ не встае и не встане...» Когда Ярило былъ уже достаточно ублаженъ и оплаканъ, куклу его зары-

Библиотека "Руниверс"

вали въ могилу [1]). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ именахъ Купала, Ярила, Костромы только названія лѣтнихъ праздниковъ, и ничего болѣе. Но если принять въ соображеніе, что фантазія младенческихъ народовъ любила свои представленія облекать въ живые, пластическіе образы, что это было существенное свойство ихъ мышленія и міросозерцанія, что самыя времена года казались уму древняго человѣка не отвлеченными понятіями, а дѣйствительными божествами, посѣщающими въ извѣстную пору дольній міръ и творящими въ немъ тѣ перемѣны, какія замѣчаются въ жизни, цвѣтеніи и замираніи природы; то несостоятельность вышеуказаннаго мнѣнія обнаружится сама собою. Изъ приведеннаго нами описанія праздничныхъ обрядовъ очевидно, что народъ еще недавно представлялъ Купала и Ярила, какъ существа живыя, человѣко-подобныя, и въ этомъ нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало надъ мыслію человѣка.

Послѣ Иванова дня поселянинъ начинаетъ слѣдить за тѣми знаменіями, которыя пророчатъ ему о грядущей смѣнѣ лѣта зимою. Къ концу іюня замолкаютъ кукушка, соловей и другія пѣвчія птицы; такъ какъ это случается около того времени, когда въ поляхъ колосится хлѣбъ, то о замолкшей кукушкѣ крестьяне выражаются, что она подавилась житнымъ колосомъ; малоруссы говорятъ: «соловейко вдавився ячминнимъ колоскомъ, а зозуля мандрикою» [2]). Съ сентября начинается отлетъ птицъ въ теплыя страны или вирій; о ласточкахъ разсказываютъ, что въ первый день этого мѣсяца онѣ прячутся въ колодцы, т. е. улетаютъ въ рай (=царство вѣчнаго лѣта), лежащій по ту сторону облачныхъ источ-

[1]) Сахаров., II, 42, 91—93; Терещ., V, 100—4; Рус. прост. праздн., I, 234; IV, 51—65; Рус. Вес. 1856, III, 105; Труды владим. стат.-ком. 1867, VII, 29. — [2]) Мандрики—ватрушки, которыя пекутся въ Петрову дню.

Библиотека "Руниверс"

никовъ. Въ тотъ-же день крестьянки хоронятъ мухъ и таракановъ въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ свекловицы, рѣпы или моркови, чѣмъ символически обозначается оцѣпенѣніе этихъ насѣкомыхъ на все время зимы. 14-го сентября змѣи уползаютъ въ вирій, или-же собираются въ ямахъ, свертываются въ клубки и засыпаютъ зимнимъ сномъ [1]). Мало по малу увеличиваются холода, трава увядаетъ, съ деревьевъ опадаютъ листья, и наконецъ является суровая Зима, налагаетъ на весь міръ свои оковы, стелетъ по водамъ ледяные мосты, землю одѣваетъ въ бѣлоснѣжный саванъ и выпускаетъ изъ адскихъ подземелій вереницы вьюгъ, мятелей и морозовъ.

Если съ поворотомъ солнца на зиму соединялась мысль о замираніи творческихъ, плодотворящихъ силъ природы, то съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто необходимо должна была соединяться мысль о ихъ возрожденіи, на что̀ и указываютъ обряды донынѣ-совершаемые во время Рождественскихъ Святокъ — на такъ называемомъ праздникѣ Коляды. Коля(е)да, пол. kolęda = латин. calendae — собственно: первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому велся счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе—послѣ мдъ предыдущаго мѣсяца; впослѣдствіи слово это стало попреимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 декабря по 1 января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игрищъ: фран. chalendes, прован. calendas, нижнемѣм. kaland. Къ намъ оно проникло изъ Византіи, вмѣстѣ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду. Никифоръ Омологета, жившій въ IX вѣкѣ, въ опроверженіи своемъ ложныхъ писаній говоритъ, что не должно

[1]) Послов. Даля, 988, 995—6; Номис., 282; Сахаров, II, 50—52; Кіев. Г. В. 1850, 22.

Библиотека "Руниверс"

держать у себя βροντολόγια и καλανδολόγια (въ древнеславянскомъ переводѣ: громникова и колядникова—см. стр. 607 [1]). Коричая книга по списку 1282 года, приводя правило запрещающее колядскіе обряды, присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть пьрвіи въ коемьждо мѣсяци дньи, «въ нихъ-же обычай бѣ елинномъ творити жертвы, и въ таже «евроуманія елиньстіи бѣаху праздьници; вроумъ бо порекъ «есть Діонисово, и инаа вьса яже соуть идольская прельсти «и соуетьства отмещюще святіи отъ вѣрныхъ житія, возбра«няють крестьяномъ таковая творити... и не повелѣваютъ «моужемъ облачатися въ женьскыя ризы, ни женамъ въ «моужьскыя, еже творять на праздьникы Діонисовы пляшюще, «ни лиць же косматыхъ възлагати на ся, ни козлихъ, ни са «тоурьскыхъ... яже нынѣ творять селяне, не вѣдоуще что «творять» [2]). На тождество рус. коляды съ латин. calendae указалъ еще Яковъ Гриммъ [3]), и нельзя не удивляться, что изслѣдователи наши какъ-будто не замѣтили этого простаго объясненія и постоянно придумывали свои собственныя производства, основанныя на безплодной игрѣ созвучій [4]). Когда наступали самые короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человѣкъ думалъ, что Зима побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и гото-

---

[1]) Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, 29—32; Рус. прост. правд., II, 5. — [2]) Ист. Христом. Буся., 382—3. — [3]) D. Myth., 594. — [4]) Г. Гедеоновъ сближаетъ коляду съ греч. καλὴ ὥδὴ — Зап. Имп. Ак. Н. 1862, II, кн. 2, 173; Дм. Щепкинъ видитъ въ этомъ словѣ кол-ѣдъ (вокругъ ѣдущій) или кол-ѣдо (круговая пища)—Объ источн. и формахъ рус. баснословія, II, 64; г. Весселовскій подозрѣваетъ здѣсь колоду (зажженный пень)—Кельти Пер., IV, 46; г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло (колесо)—Слав. мие., 99; г. Соловьевъ указываетъ на словцы: коло Лада, ко-Ладу—Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, 29, и такъ дал.

Библиотека "Руниверс"

вится умереть, т. е. погаснуть. Но торжество злыхъ силъ продолжается не далѣе 12-го декабря—день, въ который солнце поворачиваетъ на лѣто и который поэтому слыветъ въ народѣ поворотомъ, поворотникомъ и солоноворотомъ [1]). Какъ на Ивана Купала Солнце, по русскому повѣрью, выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебреномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ — оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу [2]). Народъ сочеталъ съ этой древней богинею имя Коляды, и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ маленькомъ возочку, на вороненькомъ конечку» [3]). Въ прежніе годы существовалъ даже обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку [4]). Отсюда становится понятнымъ, почему составители старинныхъ хроникъ причисляли Коляду къ сонму языческихъ боговъ и въ обрядахъ колядскаго праздника усматривали слѣды идолослуженія. Послѣ зимняго поворота, солнце мало по малу начинаетъ брать верхъ надъ демонами мрака: по

---

[1]) Въ Иллюстраціи 1847 года (стр. 253—4) напечатано преданіе, будто бы въ XVI—XVII стол. звонарный староста московскаго Успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12-го декабря—съ докладомъ, что „отселѣ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а нощь умаляется", и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 серебреныхъ рубля; 12-же іюня—съ докладомъ, что „отселѣ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умаляется, а нощь прибываетъ", и за эту печальную вѣсть старосту запирали на 24 часа въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. Преданіе это не подтверждается ни дворцовыми расходными книгами, въ которыя записывалась всякая царская награда, ни другими письменными свидѣтельствами того времени. — [2]) Сахаров., II, 68—69. — [3]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 98. — [4]) Сахаров., II, 69.

Библиотека "Руниверс"

народному выраженію, день къ Новому году прибавляется на куриный шагъ или на гусиную лапку [1]), а въ началѣ февраля лучи солнечные уже «нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ», почему крестьяне и называютъ февраль-мѣсяцъ бокогрѣемъ [2]). Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію свѣтоносной силы солнца предки наши видѣли его возрожденіе или воскресеніе (=возженіе солнцева свѣтильника—I, 187-8) и въ честь столь радостнаго событія, совершавшагося на̀ небѣ, зажигали по городамъ и селамъ костры. Такъ какъ около того-же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣснях «праведнымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока» [3]), то древле-языческій праздникъ рождающемуся солнцу и былъ пріуроченъ къ Рождественскимъ Святкамъ; по мнѣнію народа, высказанному въ его обрядовой пѣснѣ, Коляда нарождается наканунѣ Рождества [4]). Къ этому необходимо добавить, что, вмѣстѣ съ перенесеніемъ новолѣтія на 1-е января, мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ старинным мнѣніемъ о рожденіи солнца, движеніемъ и поворотами котораго опредѣляется обычная смѣна временъ. Замѣтимъ, что еще у римлянъ праздникъ natales solis invicti совершался въ январскія календы [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры — въ ночь на 12-е декабря; вообще-же паленію костровъ посвящаютъ у насъ ночи на Рождество Христово, на Новый годъ и Крещеніе. Во время

---

[1]) Послов. Даля, 970, 1002; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 100; Weihnachten in Schleswig-Holstein, Гандельманна, 35. — [2]) Сахаров., II, 8—9; Рус. въ св. послов., IV, 24. — [3]) На родинахъ, „ставя на столъ кашу, поютъ тропарь: „Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! изъ тебе бо взыде солнце правды—Христосъ, Богъ нашъ". — [4]) Терещ., VII, 57; Маякъ, VIII, 63. — [5]) Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 340. Прошлое, IV, 137.

Библиотека "Руниверс"

Рождественской заутрени почти по всѣмъ городамъ и селамъ жгутъ у церквей смоляныя бочки. На Украйнѣ, начиная съ 25-го декабря, крестьяне цѣлую недѣлю не выкидываютъ изъ избы сора, а тщательно собираютъ его въ одну кучу; на Новый же годъ, передъ самымъ восходомъ солнца, выносятъ соръ въ садъ и зажигаютъ — съ твердою увѣренностью, что оживленныя дѣйствіемъ этого огня деревья принесутъ на будущее лѣто обильные и вкусные плоды. Нѣкоторые хозяева собираютъ соръ въ продолженіи цѣлаго года и зажигаютъ его на дворѣ или въ саду наканунѣ Рождества Христова [1]). У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется бадњи дан (бадній день) отъ слова бадњак [2]), означающаго сырую дубовую колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ, а самое Рождество — Божић (сынъ божій, новорожденный божественный младенецъ). На бадній день сербъ-домохозяинъ (домаћин) отправляется въ лѣсъ, пріискиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и привозитъ ее на свой дворъ; въ Герцеговинѣ для этой перевозки употребляютъ шесть или восемь воловъ. Какъ только смеркнется, хозяинъ вноситъ колоду въ избу, и обращаясь къ домочадцамъ, привѣтствуетъ ихъ: «добар вече [3]) и честит [4]) вам бадњи дан!» Ему отвѣчаютъ: «дао ти Бог добро сретња и честити! [5]) Принесенную колоду обмазываютъ по краямъ медомъ, посы-

---

[1]) Молодикъ 1844, 101. — [2]) Г. Потебня производитъ бадняк отъ санскр. badh—бить (слав. бодать, литов. badyti; сравни колоть и колода)—Ч. О. И. и Д. 1865, II, 1; а г. Лавровскій (ibidem 1866 г., II, 15), оспаривая это производство, указываетъ на др.-славян. корень бъд (бъд-ѣти, боудити) и соединяетъ со словомъ бадняк понятіе пробужденія, бодрствованія: въ исходѣ декабря солнце пробуждалось отъ зимняго сна—загоралось новымъ пламенемъ и выступало на лѣтнюю дорогу. — [3]) Вечеръ. — [4]) Счастливый. — [5]) Въ Черногоріи принято отвѣчать: „и с тобом заедно сречно и честито!“

ваютъ зерновымъ хлѣбомъ и кладутъ въ печь на горячія уголья. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большаго бадняка, возлагаютъ на огнище еще пять мѣньшихъ, называемыхъ баднячица или блажена палица. Вслѣдъ затѣмъ хозяйка устилаетъ полъ соломою и разбрасываетъ по ней орѣхи. Послѣ ужина поютъ и веселятся, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня стрѣляютъ изъ ружей. Первый гость, который войдетъ въ избу на Рождественскій праздникъ, называется положайникомъ или полазникомъ; ему приписываютъ и всѣ радости, и всѣ бѣды, какія выпадаютъ на долю хозяевъ и ихъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Поэтому всякій домаѣнъ заранѣе избираетъ себѣ въ положайники такого знакомаго, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ ему счастіе; слѣдуя обще-принятому обычаю, никто другой и не является на первый день праздника. При входѣ въ избу, положайникъ бросаетъ горсть хлѣбныхъ зеренъ и произноситъ: «Христос се роди!» а кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: «ва истину роди!» и осыпаетъ его самого житомъ. Послѣ этого положайникъ приближается къ огнищу, и ударяя кочергой по горящему бадняку—такъ, что искры сыплются во всѣ стороны, причитываетъ: «оволико говеда, оволико коња, оволико коза, оволико оваца, оволико кримака, оволико кошница, оволико среће и напретка!» (см. II, 42.) Передъ обѣдомъ всѣ присутствующіе берутъ въ руки по зажженной восковой свѣчѣ, молятся Богу и цѣлуютъ другъ друга—со словами: «мир божји! Христос се роди, ва истину роди, поклањамо се Христу и Христову рожанству.» По окончаніи молитвы и взаимныхъ привѣтствій, свѣчи передаются домохозяину, который соединяетъ ихъ въ одинъ пукъ и ставитъ въ чашку, наполненную разнаго рода хлѣбными зернами; немного погодя онъ гаситъ ихъ въ этихъ зернахъ, опуская зажженными концами внизъ. Кромѣ другихъ яствъ, для рождественской трапезы необходимы медъ и

Библиотека "Руниверс"

чесница, т. е. пресный пшеничный хлѣбъ съ запеченною въ немъ серебреною или золотою монетою. Когда усядутся за столъ, домаћин разламываетъ чесницу и раздаетъ всѣмъ по куску; тотъ, кому достанется кусокъ съ монетою, будетъ «најсретнији оне године». Бадњакъ, по мнѣнію сербовъ, обладаетъ цѣлительной и плодородящей силою: уголья и зола его употребляются, какъ лѣкарство противъ болѣзней рогатаго скота и лошадей; тлѣющей головней его окуриваютъ ульи, и потомъ, когда она погаснетъ — относятъ ее въ садъ и ставятъ на молодую сливу или яблоню: такъ поступаютъ для того, чтобы будущій годъ былъ изобиленъ на медъ и садовые плоды. Туже производительную силу сербы соединяютъ и съ божитными сѣменами, и съ божитною соломою; сѣменами этими они закармливаютъ куръ, чтобы не было недостатка въ яйцахъ, а солому относятъ на нивы, «да би боље родиле» [1]). Въ Черногоріи на бадній день каждая семья приготовляетъ толстое дубовое бревно, обвитое лавровыми вѣтвями. По закатѣ солнца вносятъ бревно въ избу, посыпаютъ его пшеницею и причитываютъ: «я тебя пшеницею, а ты меня мужскими главами (т. е. даруй мнѣ потомство), скотиною, хлѣбомъ и всякимъ счастіемъ!» Затѣмъ старѣйшина, вмѣстѣ съ домочадцами, кладетъ бревно на очагъ и зажигаетъ съ обоихъ концевъ, а когда оно разгорится — льетъ на него вино и масло и бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени очага онъ затепливаетъ восковыя свѣчи и лампаду передъ иконами, и сотворивъ молитву о благоденствіи своей семьи и всѣхъ православныхъ христіанъ, беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему сыну; этотъ въ свою очередь долженъ передать ее слѣдующему родичу, и такъ да-

[1]) Срп. рјечник, 11—12, 34—35, 533, 822—3; Терещ., VII, 19—27; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 2—4; Гласник срп. друштва 1867, V, 122; Илић, 95.

Библиотека "Руниверс"

лѣе, пока круговая чаша не обойдетъ всѣхъ мущинъ и женщинъ. Но каждый, взявши чашу, прежде-нежели отопьетъ изъ нея, плещетъ виномъ на бадняк съ такимъ привѣтомъ: «будь здравъ, бадняче-веселяче, съ великомъ и добромъ срѣчомъ у кучу улега!» По окончаніи описанныхъ обрядовъ, дѣлаютъ нѣсколько залповъ изъ ружей и приступаютъ къ вечерней трапезѣ, при чемъ столъ бываетъ устланъ соломою, по срединѣ стола лежатъ одинъ на другомъ три хлѣба, а надъ верхнимъ хлѣбомъ красуется воткнутая въ него лавровая вѣтка съ апельсиномъ или яблокомъ. Бадняк остается въ печи и тлѣетъ тамъ до Новаго года; во все это время праздничныя яства не снимаются со стола и всегда готовы на угощеніе друзей, знакомыхъ и странниковъ. Всякой гость входя на Рождественскіе Святки въ избу, подвигаетъ бадняк къ задней сторонѣ печи, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: «да будетъ у хозяина столько-же дѣтей, коровъ, овецъ или денегъ, сколько выпало искръ!» [1]) У болгаръ канунъ Рождества—бждни вечеръ, и сопровождается слѣдующими обрядами. Глава семейства, жена его и дѣти выходятъ на дворъ съ зажженными лучинами въ рукахъ, отправляются къ мѣсту, отведенному для рубки дровъ, и выбираютъ толстое, длинное и сырое дубовое полѣно. Когда оно будетъ найдено, домовладыка снимаетъ шапку и съ благоговѣніемъ произноситъ: «помози, Боже и ти Коледо, да поживѣемъ и до друга година!» Потомъ, взваливъ дубовое полѣно на плечо, возвращается въ избу, кладетъ его въ печь и разводитъ огонь; приступая къ очагу, онъ возглашаетъ молитву и обращается къ присутствующимъ со словами: «Христосъ са роди!»—Истино са роди! отвѣчаютъ ему домочадцы и цѣлуются другъ съ другомъ. Это возженное наканунѣ Рождества полѣно называет-

[1]) Записки морск. офицера, соч. Броневскаго, I, 258—9; Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 223—4.

Библиотека "Руниверс"

ся б а д н и к ъ; оно должно медленно и постоянно горѣть во все продолженіе Святокъ — до самаго Крещенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи 24-го декабря тушатъ во всей деревнѣ старый огонь, и въ замѣнъ его вытираютъ изъ сухаго дерева новый — б о ж і й или с в я т о й о г н е ц ъ, которымъ и возжигаютъ домашніе очаги [1]). Когда бадникъ загорится, домовладыка подымаетъ его и ударяетъ имъ нѣсколько разъ, приговаривая: «за плодъ и здравіе!» Искры, которыя посыплются отъ перваго удара, знаменуютъ приплодъ лошадей, искры отъ втораго и третьяго ударовъ — приплодъ коровъ и овецъ, и такъ далѣе. На разведенномъ огнѣ пекутъ пресный хлѣбъ, съ золотой или серебреною монетою внутри, называемый б о г о в и ц а (=серб. ч е с н и ц а); по полу разбрасываютъ солому, грецкіе орѣхи и пшеницу; къ ужину приготовляютъ вино, медъ и разные плоды: яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, виноградъ, стручки и орѣхи. Какъ скоро столъ будетъ накрытъ и уставленъ яствами и напитками, глава семейства беретъ кадильницу, читаетъ молитву и кадитъ по избѣ ладономъ; послѣ того садятся за ужинъ, но съѣдаютъ не все, а часть меда и фруктовъ откладываютъ въ особую миску, ставятъ подъ образа и сберегаютъ на случай болѣзней, какъ самое надёжное лѣкарство. Набожные люди, вѣрные завѣтамъ старины, стараются не спать на Рождественскую ночь; сидя возлѣ очага, они заботливо наблюдаютъ, чтобы какъ-нибудь не погасло священное пламя. Пепелъ, остающійся отъ бадняка, частію употребляютъ на лѣченіе домашней скотины, а частію разсыпаютъ по нивамъ, пастбищамъ и виноградникамъ — съ твердымъ убѣжденіемъ, что это способствуетъ хорошему урожаю; ту часть бадняка, которая не успѣваетъ сгорѣть ко дню Крещенія, зарываютъ въ землю — посреди виноградника, или

[1]) Подобный обрядъ совершается на Руси наканунѣ 1-го сентября (Терещ., V, 145; Сахаров., II, 52) — вѣроятно потому, что

Библиотека "Руниверс"

хранить въ дому до слѣдующаго Рождественскаго сочельника и тогда разводятъ ею «новый огонь» [1]). У германскихъ племенъ сербо-болгарскому бадняку соотвѣтствуютъ weihnachtsblock, julblock, о которыхъ упоминаютъ писатели XII-го вѣка; во Франціи еще донынѣ чествуется souche de noël [2]); въ Марсели зажигаютъ calendeau или calligneau—большой дубовый обрубокъ, опрыскивая его виномъ и масломъ: обрядъ возженія совершается старѣйшимъ представителемъ семьи; летты канунъ Рождества Христова называютъ blukku wakkars — вечеръ чурбана, ибо тогда приносится и возжигается чурбанъ (blukkis). Подобный-же обрядъ въ Швеціи и Норвегіи пріуроченъ ко дню Крещенія: раннимъ утромъ хозяйка затапливаетъ печь; передъ устьемъ очага собираются домочадцы, становятся въ полукругъ и преклоняютъ колѣна; затѣмъ они вкушаютъ приготовленныя печенья и напитки, и часть отъ тѣхъ и другихъ бросаютъ и льютъ въ разведенное пламя [3]).

По древне-арійскому представленію, всякій разъ, когда облачные демоны погасятъ (=омрачатъ) дневное свѣтило,—тотчасъ-же выступаетъ богъ-громовникъ, буравитъ своею пальцей дерево-тучу, добываетъ изъ него живое пламя грозы и снова зажигаетъ солнцево колесо. Тоже представленіе прилагалось и къ зимнему повороту солнца: если съ этого времени оно начинаетъ возрождаться=пріобрѣтать все большую и большую свѣтоносную силу, то именно потому, что благотворный Перунъ возжёгъ его новымъ, чистѣйшимъ пламенемъ. Такъ думали наши предки, и подъ вліяніемъ означенной мысли декабрь, какъ мѣсяцъ поворота и возженія солнцева коле-

---

въ допетровское время съ этого числа начинался у насъ новый годъ. — [1]) Каравел., 276—8; Москов. Газета 1866 года: „Святки у болгаръ". — [2]) Souche — пень, вырытый съ корнемъ; noël—dies natalis. — [3]) D. Myth., 593—5.

ся, былъ названъ именемъ коло-жега (=julfeuer [1]). Этотъ творческій подвигъ, совершаемый Перуномъ на радость всѣмъ людямъ на небѣ, чествуется на землѣ въ символическомъ обрядѣ возженія бадняка. Суровое время года, въ которое происходитъ поворотъ солнца на лѣто, помѣшало колядскому празднику развиться до общиннаго, публичнаго значенія и удержало за нимъ чисто-семейный характеръ. Морозы, вьюги и мятели гонятъ человѣка подъ домашній кровъ, заключаютъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ избы, и вмѣстѣ съ этимъ необходимо ограничиваютъ кругъ его интересовъ и обязанностей. Вотъ почему возженіе бадняка совершается не всенародно, не подъ открытымъ небомъ, а въ стѣнахъ избы — на родовомъ очагѣ, который изстари признавался святынею = жертвенникомъ и обиталищемъ дружелюбнаго Агни. Бадникъ приготовляется изъ дубоваго дерева: какъ извѣстно, дубъ былъ посвященъ Перуну и до сихъ поръ «живой огонь» по преимуществу добывается изъ этого дерева. Тому же богу были посвящены и орѣхи, а потому разбрасываніе ихъ по избѣ указываетъ на культъ громовника; чехи молятъ въ обрядовой пѣснѣ: «koleda, koleda! Dědku, dej orišku k snědku» [2]). Масло и вино, которыми поливаютъ бадникъ, и хлѣбныя зёрна, которыми его осыпаютъ, служатъ знаменіями дождя, приносимаго грозовой тучей, осѣменяющаго землю и дарующаго ей плодородіе. Очевидно, что старый бадникъ и младой Божичъ, прославляемые въ сербскихъ пѣсняхъ [3]), скрываютъ подъ своими именами Дѣда-Перуна, возжигателя небеснаго пламени, и просвѣтленное этимъ

---

[1]) Въ сѣверныхъ рунахъ зимній поворотъ солнца обозначался изображеніемъ колеса. Въ Шлезвигѣ наканунѣ Рождества Христова крестьяне катятъ въ деревню колесо: это называется Weihnachten hineintrüdeln (Гандельманнъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 36). — [2]) Гануш, 21. — [3]) Срп. н. пјесме, I, 115—6.

Библиотека "Руниверс"

пламенемъ Солнце. Согласно съ уподобленіемъ солнечнаго свѣта золоту, сербы причитываютъ наканунѣ Рождества:

Божићъ, Божићъ бата
На обоја врата,
Носи киту злата,
Да позлати врата, [1])

т. е. новорожденное Солнце стучится въ небесныя врата, и отверзая ихъ, позлащаетъ востокъ блескомъ утренней зори. У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляетъ: исканіе золотаго кольца = солнца, сокрытаго змѣемъ Вритрою во мракѣ зимнихъ облаковъ и тумановъ (II, 368). Всѣ участвующіе въ игрѣ садятся въ кружокъ, и передавая тайкомъ изъ рукъ въ руки золотое кольцо, запѣваютъ хоромъ:

И я золото хороню-хороню,
Чисто сѐребро хороню-хороню.
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ былица—
Змѣиная крылица?
Наше золото пропало,
Оно порохомъ запало,
Призаиндѣвѣло, призаплеснѣвѣло...

Пока продолжается пѣсня, одна изъ дѣвицъ ходитъ въ срединѣ круга и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадаетъ, то присоединяется къ подругамъ, а на смѣну ей искательницей золота выступаетъ другая дѣвица, и законченная игра начинается сызнова [2]). Всѣ вечера, начиная съ 24-го

[1]) Ibid., 117. — [2]) Сахаров., I, 15; Терещ., VII, 177 — 180: Ганушъ, 11; Чешск. пѣсни Эрбена, 96. Такъ какъ кольцо было эмблемой супружеской связи, и такъ какъ весна (съ наступленіемъ которой золотое кольцо-солнце открывается изъ-за снѣжныхъ облаковъ) была временемъ брачнаго союза между Небомъ и Землею, то отсюда возникло слѣдующее гаданіе: дѣвицы приносятъ блюдо

Библиотека "Руниверс"

декабря по день Крещенія, называются у насъ святыми (нѣм. Weih-nachten). По мнѣнію поселянъ, въ эти святые вечера нисходитъ съ неба и странствуетъ по землѣ новорожденный Богъ, и потому всякая работа считается тогда за великій грѣхъ [1]). Явленіе божества сопровождается чудесными знаменіями. Въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенія отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣлебную силу (I, 778; II, 188); на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь міръ: о чемъ помолишься отверстому небу, то и сбудется. Чтобы узрѣть, какъ будетъ отворяться небо, сербы выходятъ на богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до самаго разсвѣта [2]). У лужичанъ наканунѣ Рож-

---

снѣгу, бросаютъ въ него кольцо и поручаютъ кому-нибудь раздѣлить между ними снѣгъ; въ чьей долѣ окажется кольцо, та въ теченіи года непремѣнно будетъ замужемъ—Херсон. Г. В. 1846, 4 Одна изъ святочныхъ подблюдныхъ пѣсень (Сахаров., I, 13) гласитъ: лѣнилась красная дѣвица

Часто по̀ воду ходить;
Она таяла снѣгъ
На печномъ столбу,
Она вытаяла
Золотъ перстень.
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отрону съ отрочицею,
Еще мо̀лодцу со дѣвицею.

Пѣсня эта предвѣщаетъ скорую свадьбу. — [1]) Цебриков., 289.— [2]) Терещ., VII, 42; Послов. Даля, 971; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 65; Москов. Газета 1866, стат. Кирѣевова; Ганушъ, 10; Рус. Вѣст. 1862, I („Чешская деревня"), 350; Срп. рјечник, 33; Илчь, 108.

Библиотека "Руниверс"

дества Христова ходитъ по домамъ boże dźjećo: подъ этимъ именемъ совершаетъ обходъ дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье; въ одной рукѣ она держитъ узелъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой — вѣтку, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ. Подводя дѣтей къ святочному дереву, убранному плодами и орѣхами, родители увѣряютъ ихъ, что всѣ эти лакомства принесло boże dźjećo [1]). По нѣмецкимъ преданіямъ, въ періодъ зимняго солнце-поворота растворяется небо, свѣтлые боги: Одинъ, Фрейръ, Гольда и Фрея нисходятъ на землю и благословляютъ воды и растенія; тамъ, гдѣ они шествуютъ, воды превращаются въ вино, а деревья—въ розмаринъ: «alle wasser—wein, alle bäume — rosmarein» [2]). Эти цвѣтущія деревья и текущія виномъ источники суть деревья и источники небеснаго рая; въ зимнюю пору, когда на землѣ замираетъ всякая растительность и воды стоятъ окованныя льдами, въ райскихъ садахъ (т. е. на востокѣ, откуда богиня Зоря выводитъ Солнце, усыпая ему путь золотомъ и розами) продолжается вѣчно-юная жизнь: цвѣтутъ роскошные цвѣты, зрѣютъ золотые плоды и бьютъ животворные ключи нектара. Вмѣстѣ съ богами спускаются съ заоблачныхъ высотъ и блаженные предки, посѣщаютъ своихъ родичей, садятся возлѣ пылающаго очага и участвуютъ въ ихъ семейной трапезѣ. Тѣже миѳическія представленія: отверстые врата рая, сошествіе безсмертныхъ на землю и превращеніе водъ въ вино соединяются и съ праздникомъ Пасхи; такое совпаденіе во взглядахъ на два разновременные праздника вполнѣ понятно, ибо и зимній поворотъ солнца, и весеннее его просвѣтленіе равно возбуждаютъ мысль о благодатномъ возрожденіи творческихъ силъ природы. Боги и духи, усопшихъ праотцевъ, являясь въ среду живыхъ поколѣній, открываютъ передъ ними тайны бу-

[1]) Volkslieder der Wenden, II, 221—2. — [2]) Розмаринъ былъ посвященъ Фрейру.

Библиотека "Руниверс"

дущаго, т. е. тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены непреложнымъ судомъ божіимъ; поэтому Рождественскія Святки есть по преимуществу время гаданій и все, что видится тогда во снѣ и на яву, получаетъ вѣщее значеніе. По состоянію погоды въ продолженіи двѣнадцати праздничныхъ дней отъ 25 декабря по 6-е января (нѣмец. Zwölften) заключаютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ; каждый изъ этихъ дней даетъ предзнаменованіе о погодѣ соотвѣтствующаго ему мѣсяца [1]).

Въ нашемъ народѣ колядскіе обряды съ бо́льшею свѣжестью удержались на Украйнѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ старые годы украинцы уже 12-го декабря варили пиво и съ того-же числа каждый день откладывали по одному полѣну— такъ, что къ кануну Рождества Христова всѣхъ полѣньевъ набиралось двѣнадцать; этими полѣньями и затапливалась печь на святой вечеръ [2]). Въ день, предшествующій Рождественскимъ Святкамъ, поселяне не вкушаютъ пищи до восхода вечерней звѣзды, которая появленіемъ своимъ свидѣтельствуетъ о рожденіи божественнаго младенца, и тѣмъ самымъ знаменуетъ начало праздника (сравни I, 778). Какъ только загорится на небѣ вечерняя звѣзда, тотчасъ-же приносятъ въ хату связку соломы или сѣна, разстилаютъ ее въ переднемъ углу — на лавкѣ, покрываютъ сверху чистою скатертью и на приготовленномъ мѣстѣ ставятъ подъ образами необмолоченный снопъ жита или пшеницы, кутью и узваръ; снопъ этотъ остается здѣсь до 31-го декабря. Въ Галиціи ставятъ по снопу во всѣхъ четырехъ углахъ избы. Кутьей называется каша изъ зерновой пшеницы, ячменя или риса, разведенная медовою сытою; узваръ (ва-варъ)

[1]) Die Götterwelt, 140 — 2; Beiträge zur D. Myth., I, 127; II, 124—8; Neues Lausitz. Magazin, 1843, III—IV, 337. — [2]) Маяк, XI, 55

приготовляется изъ сушеныхъ плодовъ (яблокъ, грушъ, сливъ, вишень, изюма и проч.), сваренныхъ на водѣ. Оба горшка съ кутьей и узваромъ накрываются **кнышами** (пшеничными хлѣбами). Передъ **вечерею** (т. е. ужиномъ) хозяинъ дома зажигаетъ у образовъ лампадку и восковыя свѣчи, читаетъ вслухъ молитвы и кадитъ ладономъ; вся семья благоговѣйно молится Богу и потомъ усаживается за столъ, усыпанный сѣномъ и застланный чистою скатертью; глава семейства занимаетъ почетное мѣсто на **покутѣ** (въ переднемъ углу); рядомъ съ нимъ, по правую руку, садится его жена, а далѣе слѣдуютъ ихъ родичи и дѣти. Кутья и взваръ подаются обыкновенно послѣ всѣхъ другихъ кушаній, и если не будутъ съѣдены въ тотъ-же вечеръ, то доканчиваются въ продолженіи Святокъ; часть кутьи отдѣляютъ курамъ, чтобы давали больше яицъ. Сидя за «вечерею», гадаютъ о будущемъ урожаѣ: вытягиваютъ изъ-подъ скатерти нѣсколько былинокъ сѣна, и по ихъ длинѣ заключаютъ о томъ, каковъ уродится лёнъ; или выдергиваютъ изъ снопа соломинку, и если она окажется съ полнымъ колосомъ, то наступающій годъ будетъ изобильный, и наоборотъ—пустой колосъ сулитъ неурожай. По остающимся на столѣ травянымъ сѣменамъ дѣлаютъ такое заключеніе: если сѣмянъ будетъ больше черныхъ, то слѣдуетъ ожидать урожая на гречиху, а если желтыхъ, то надо расчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная-же обрядовая трапеза, съ кутьею и узваромъ, бываетъ и на крещенскій сочельникъ, послѣ водосвятія. Наканунѣ Новаго года обмолачиваютъ стоящій въ переднемъ углу снопъ, и полученныя зёрна отдаютъ мальчикамъ-**посыпальщикамъ**, а соломой прикармливаютъ домашній скотъ или употребляютъ ее на обвязку плодовыхъ деревьевъ [1]). Вечеръ 31-го декабря извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ **щедраго**

[1]) Сравни со свѣдѣніями, сообщенными о рождественской соломѣ (julstroh) въ Beiträge zur D. Myth., I, 120—1.

Библиотека "Руниверс"

и богатаго; ибо съ наступленіемъ новаго года нераздѣльна мысль о явленіи возрожденнаго бога, несущаго міру ясное лѣто, изобиліе плодовъ земныхъ и всякое довольство [1]). Хозяйка приготовляетъ къ щедрому вечеру, какъ можно, болѣе пироговъ и кнышей, складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столъ и проситъ мужа исполнить законъ. Этотъ затепливаетъ передъ иконами восковую свѣчу, куритъ по избѣ ладономъ и садится на покутѣ; входятъ домочадцы, молятся Богу, и притворяясь, будто не видятъ отца за накладенными на столѣ пирогами, спрашиваютъ: «дѣ-жъ нашъ батько?»—Хиба-жъ вы мене не бачите? спрашиваетъ отецъ. «Не бачимо, тату!» отвѣчаютъ дѣти.—Дай-же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачылы, т. е. чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе въ яствахъ, какъ въ настоящую минуту. Затѣмъ жена и дѣти садятся за столъ, и отецъ раздѣляетъ между ними пироги [2]). Сходно съ этимъ, въ Герцеговинѣ на Рождественскій праздникъ «узму «двојица чесницу, па је окрећу међу собом и пита један «другога: милам ли се? (т. е. выдался ли я—видѣнъ ли изъ-за «хлѣба?) Онај му одговори: милаш мало. А онај први онда ре- «че: сад мало, а до године ни мало!» т. е. да родится доброе жито и да будетъ чесница такъ велика, чтобы за нею можно было совсѣмъ укрыться [3]). Эти обряды малорусскій и сербскій идутъ изъ отдаленной старины. По свидѣтельству Саксона-грамматика, къ Святовитову празднику, какой ежегодно совершался въ Арконѣ по окончаніи жатвы, приготовляли огромный медовый пирогъ—величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ становился за этимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видятъ ли

[1]) Терещ., VII, 19, 28; Могил. Г. В. 1852, 4, 11; Цебриков., 269; Вѣст. Р. Г. О. 1853, V, 12; VI, 99; Кіев. Г. В. 1850, 16; Херсон. Г. В. 1844, 52; Молодикъ 1844. 98—100; Маякъ, XV, 22; Москв. 1852, VI, 83; Гапушъ, 15. — [2]) Марковичъ, 65; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговъ. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 100—1. — [3]) Срп. рјечник, 356.

Библиотека "Руниверс"

его? и когда ему отвѣчали утвердительно, онъ тотчасъ-же выказывалъ желаніе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а праздничный пирогъ еще больше [1]). На первый день новаго года по всему русскому царству совершается обрядъ засѣванія. Рано поутру, передъ обѣднею, ходятъ по домамъ мальчики, нося въ мѣшкѣ или рукавицѣ хлѣбныя зёрна; при входѣ въ избу они посыпаютъ по ней этими зернами, съ слѣдующими эпическими причитаніями: «на счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито-пшеницу и всякую пашницу!» или: «ужь дай ему Богъ, зароди ему Богъ, чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась, изъ колоса осьмина, изъ полузерна пирогъ — съ топорище долины, съ рукавицу ширины!» Посыпальщику даютъ что-нибудь въ подарокъ, а разбросанныя имъ зёрна тщательно собираютъ, хранятъ до весны и при посѣвѣ яровыхъ смѣшиваютъ съ прочими сѣменами. Когда посыпальныя зерна будутъ собраны,—по роду и количеству ихъ заключаютъ о томъ, какіе именно хлѣба дадутъ на будущее лѣто большій или меньшій урожай. Иногда кормятъ этими зернами куръ, и по ихъ клёву гадаютъ о будущемъ плодородіи нивъ. Обрядъ «посыпанія», совершаемый у насъ на первый день Новаго года, а у сербовъ на Рождество, знаменуетъ весеннее осѣмененіе матери Земли, вступающей въ брачный союзъ съ просвѣтленнымъ Небомъ, при чемъ хлѣбныя зёрна служатъ эмблемою оплодотворяющаго сѣмени дождя (I, 283 — 4, 571 — 2) и солнечныхъ лучей [2]). Замѣтимъ, что на старинныхъ свадьбахъ новобрач-

---

[1]) Срезнев., 88; И. Г. Р. Карамз., I, 100. — [2]) Слово сѣять нерѣдко употребляется въ значеніи свѣтить; такъ хорутанская пѣсня говоритъ о солнцѣ, что оно обсѣваетъ долины (Ч. О. И. и Д. 1865, III, 225), а малорусская загадка выражается объ очахъ: „двома узлами все поле засію“ или „два вузлика все поле освитять“—Сементов., 9, 39.

Библиотека "Руниверс"

ную чету осыпали овсомъ, ячменемъ и пшеницею и укладывали спать на ржаныхъ (необмолоченныхъ) снопахъ, и что донынѣ крестьянки наши гадаютъ о своихъ суженыхъ по хлѣбнымъ сѣменамъ и колосьямъ [1]). Для того, чтобы земля принесла добрый урожай, поселянинъ, отправляясь засѣвать поле, надѣваетъ на себя подвѣнечную сорочку; встрѣтить, при выѣздѣ на посѣвъ, вдовца, вдову, холостаго парня или дѣвушку считается дурною приметою, и наоборотъ—встрѣча съ женатымъ человѣкомъ или замужнею женщиною принимается за счастливый знакъ.

Въ великорусскихъ преданіяхъ уцѣлѣло темное воспоминаніе о миѳическомъ лицѣ Овсеня; обрядовая пѣсня славитъ его пріѣздъ, совпадающій по времени съ наступленіемъ новаго года:

Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень, ой Овсень!

[1]) Терещ., VII, 108 — 9; Шафонск. Описаніе черниговск. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 101; Москв. 1849, IX, 15; Сахаров., II, 2 — 3. По указанію Сахарова, 1-го генваря хозяйка варитъ кашу, и вынимая горшокъ изъ печи, приговариваетъ: „милости просимъ къ намъ во дворъ — со своимъ добромъ!“ Потомъ замѣчаетъ: полонъ ли горшокъ и хорошо ли уварилась каша? Если каша будетъ бѣлая или вылѣзетъ изъ горшка, то предвѣщаетъ голодъ и всякія бѣды; наоборотъ каша красная, изготовленная вровень съ краями горшка, предвѣщаетъ изобиліе и счастіе. — О женихахъ гадаютъ такъ: а) вечеромъ на Святкахъ дѣвица сѣетъ гдѣ-нибудь на дворѣ горсть конопляннаго сѣмени, заволакиваетъ зёрна сорочкою или исподницею и приговариваетъ: „кто мнѣ суженый, тотъ пріѣдетъ со мной конопли брать.“ Послѣ этого суженый непремѣнно явится во снѣ. b) Другое гаданье состоитъ въ томъ, что собравшіяся дѣвицы выдергиваютъ по стеблю соломы, и до этимъ стеблямъ догадываются о своей судьбѣ: если попадется колосъ съ зерномъ—женихъ будетъ богатый, пустой колосъ предвѣщаетъ бѣднаго жениха, а стебель безъ колоса—безбрачную жизнь (Херсон. Г. В. 1846, 4, 10; Ворон. Г. В. 1850, 17; Маякъ, XI, 31 — 32; Совр. 1856, IX, смѣсь, 81).

Библиотека "Руниверс"

Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню
Да Новому году.
Ой Овсень, ой Овсень! [1]).

Имя Овсень (Авсень, Говсень, Усень) можетъ быть возведено къ тому-же санскритскому корню ush, къ которому возводится и вышеобъясненное имя Остары (стр. 700 [2]); согласно съ этимъ производствомъ, Овсень долженъ означать бога, возжигающаго солнечное колесо и дарующаго свѣтъ міру (т. е. приводящаго съ собой утро дня или утро года—весну). Весеннее просвѣтленіе неба постоянно отождествляется и въ языкѣ и въ народныхъ повѣрьяхъ съ утреннимъ разсвѣтомъ; лит. auszra — утренняя зоря, auszti — свѣтàть, pawasaris isz-ausztа—весна свѣтàетъ, т. е. начинается. У нѣмцевъ богиня Остара (зоря) сообщила свое названіе свѣтлому празднику весны; у насъ имя Овсеня сочеталось съ праздникомъ новорожденнаго солнца, такъ какъ свѣтило это возгоралось тогда новымъ пламенемъ и дневной свѣтъ начиналъ побѣждать ночную тьму. По свидѣтельству царской грамоты XVII-го вѣка [3]), въ самой Москвѣ въ навечеріи Рождества Христова многіе люди по улицамъ, переулкамъ и нискимъ слободамъ кликали Коледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни плугу, съ помощію котораго воздѣлываются пашни (I, 563-4). Одна изъ обрядовыхъ пѣсень заставляетъ добраго молодца Овсеня выѣзжать на свиньѣ:

На чóмъ ему ѣхати?
На свиниьной свиньѣ.
Чѣмъ погонять?
Живымъ поросенкомъ [4]).

[1]) Терещ., VII, 124. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1865, II, 21. Сабинск. ausel, втрус. usil — солнце (Ганушъ, 56). — [3]) Сахаров., II, 99. — [4]) Терещ., VII, 118.

Библиотека "Руниверс"

Черта — въ высшей степени знаменательная, ибо она указываетъ на тождество нашего Овсеня съ свѣтоноснымъ богомъ германцевъ — Фрейромъ, который въ періодъ зимняго солнце-поворота выѣзжалъ на небо на златощетинистомъ боровѣ и которому въ это время совершались обильныя жертвоприношенія (I, 778—781). Являясь въ сей міръ, Овсень открываетъ путь новому лѣту (новому году), несетъ изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія, и какъ опредѣлено божественнымъ судомъ — такъ и распредѣляетъ ихъ между смертными: однимъ даетъ много, съ избыткомъ, а другихъ лишаетъ и самаго необходимаго. Бѣлоруссы выражаютъ эту мысль въ слѣдующемъ символическомъ обрядѣ: наканунѣ Новаго года они водятъ по домамъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ, называемый богатою Коледою, бываетъ одѣтъ въ новое, праздничное платье и имѣетъ на головѣ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ; на другаго-же (бѣдную Коледу) надѣваютъ разорванную свитку и вѣнокъ изъ обмолоченной соломы. При входѣ въ избу, обоихъ юношей завѣшиваютъ длинными покрывалами, и заставляютъ хозяина выбирать изъ нихъ любаго; если онъ выберетъ «богатую Коледу», то хоръ поетъ ему пѣсню, предвѣщающую урожай и богатство; наоборотъ если выборъ падетъ на «бѣдную Коледу» — это служитъ предзнаменованіемъ неурожая и бѣдности [1]). Отсюда объясняется и то важное значеніе, какое приписывается сербами положайнику: этотъ первый рождественскій гость, отъ котораго зависитъ все счастіе домохозяина и его семьи въ теченіи цѣлаго года, является таинственнымъ представителемъ самаго божества; по бѣлорусской пословицѣ: «госьць у домъ, Богъ у домъ» (II, 62—64).

На тѣсную связь праздника Коляды съ культомъ громовника указываютъ и многіе другіе святочные обряды и обык-

[1]) Маякъ, XVII, 43—44.

Библиотека "Руниверс"

,,ровенія, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить прежде, а именно: а) обычай наряжаться въ мохнатыя шкуры и принимать на себя звѣриныя подобія, въ каковыхъ воображеніе древняго человѣка олицетворяло дожденосныя тучи (I, 718 — 9 [1]); b) обычай водить по деревнѣ волка или носить змѣю (I, 765); c) воззванія, обращенныя къ Туру, о тождественности котораго съ Фрейромъ замѣчено на 662 стр. 1-го тома; «нѣцін, говоритъ Гизель, памяти того бѣса Коляды «и доселѣ не престаютъ обновляти, наченше отъ самаго Рож«дества Христова, по вся святыя дни собирающеся на бого«мерзкія игралища, пѣсни поютъ, и въ нихъ аще и о рож«дествѣ Христовомъ воспоминаютъ, но здѣ-же без«законно и Коляду, ветхую прелесть діявольскую, много по«вторяюще присовокупляютъ; къ сему на тыхъ-же своихъ за«конопротивныхъ соборищахъ и нѣкоего Тура-сатану и «прочія богомерзкія скареды измышляюще воспоминаютъ». d) Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ наканунѣ Рождества, послѣ обрядовой «вечери», и въ день Крещенія—во время совершаемаго тогда водосвятія, служитъ знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ [2]). e) Съ поворотомъ солнца на лѣто тотчасъ-же возникала мысль о грядущемъ освобожденіи земныхъ и небесныхъ источниковъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, о превращеніи мертвыхъ водъ (=оковавныхъ льдами рѣкъ и озеръ и снѣговыхъ тучъ) въ живые потоки, несущіе землѣ обновленіе и силу плодородія, или выражаясь метафорически: о превращеніи ихъ въ вино = нектаръ. Поэтому на праздникъ Коляды принято было совершать религіозныя омовенія, каковой обрядъ въ христіанскую эпоху пріуроченъ ко дню церковнаго водосвятія (Крещенія). По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ XVI-го столѣтія въ іорданской про-

[1]) Weihnachten in Schleswig-Holstein, 73 — 75. — [2]) Терещ., VII, 64.

Библиотека "Руниверс"

рубя купались и здоровые и больные, послѣдніе—съ надеждою на исцѣленіе. Маржеретъ увѣряетъ, что не только простолюдины, но и бодре и самъ царь погружались въ этотъ день въ воду. Обыкновеніе это и донынѣ удерживается между русскими поселянами и сербами. Вода, почерпнутая въ полночь передъ Крещеніемъ, помогаетъ отъ недуговъ и никогда не портится; этою водою окропляютъ избы, хлѣва и ульи, поятъ больныхъ и домашнюю скотину — для предохраненія ея отъ заразы [1]). f) Какъ праздникъ, посвященный возрожденію творческихъ силъ природы, Коляда всею своею обстановкою указываетъ на тѣ щедрые дары, которые несетъ шествующее изъ дальнихъ странъ Лѣто. Необмолоченный снопъ, поставляемый въ переднемъ углу и величаемый именемъ Дѣда [2]), солома и сѣно, постилаемыя на столѣ и покутѣ, хожденіе по домамъ съ плугомъ (обрядъ, уцѣлѣвшій въ Червонной Руси), посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ, разнообразныя гаданія о будущемъ урожаѣ, семейная трапеза, за которою вкушаютъ праздничный хлѣбъ («боговицу»), кутью, медъ и садовые плоды,— все говоритъ о посѣвѣ, жатвахъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Зерно—символъ зачатія, нарожденія къ новой жизни: брошенное въ землю, оно выростаетъ зеленой былинкою и даетъ колосъ; медовая сыта знаменуетъ амриту. Узваръ и каша донынѣ считаются необходимыми на родинахъ, а медъ и кутья—на похоронахъ и поминкахъ, ибо смерть человѣка по народному воззрѣнію есть вторичное его рожденіе для иной, загробной жизни. Вмѣстѣ съ поворотомъ солнца на лѣто, вся природа призывается къ пробужденію отъ зимняго сна. У чеховъ наканунѣ Рождества, передъ самымъ разсвѣтомъ, семья отправляется въ садъ; отецъ и мать трясутъ плодовыя деревья, приговаривая: «stromečku, vstávej, ovoce dávej! dnes je štědrý

[1]) Ibid., 41 — 42; Срп. рјечник, 33; Илич, 95. — [2]) Малч, XI, 55.

Библиотека "Руниверс"

den» [1])—и бросаютъ на нихъ яблоки и грушы, а дѣти подбираютъ падающіе плоды. Тотъ-же обрядъ исполняется моравами, лужичанами и нѣмцами; послѣдніе произносятъ при этомъ: «bäumchen schlaf nicht, frau Holla kommt!» или: «bäumchen wach auf, Neujahr ist da!» Сербы и малороссы замахиваются на дерево топоромъ (=символъ молніи), съ угрозою срубить его, если оно не родитъ лѣтомъ (II, 320—1 [2]). Во всей Европѣ извѣстенъ обычай приготовлять къ Рождественскимъ Святкамъ елку; это вѣчно-зеленое дерево, убранное зажженными восковыми свѣчами и обвѣшанное яблоками, грушами, золотыми орѣхами и другими лакомствами, напоминаетъ собою то райское древо жизни, на которомъ ростутъ золотые яблоки и орѣхи (см. гл. XVII). На Руси обычай этотъ появился въ недавнее время и заимствованъ отъ нѣмцевъ; нельзя не замѣтить однако, что подобное-же дерево, украшенное искусственными цвѣтами, зеленью и плодами, возили у насъ въ старину въ крестномъ ходѣ на цвѣтоносное или Вербное воскресенье [3]).

Всѣ указанныя нами представленія, какія связывались съ праздникомъ Коляды, засвидѣтельствованы въ святочныхъ пѣсняхъ: колядкахъ и щедривкахъ. Начиная съ вечера 24-го декабря и до Крещенія, ходятъ по дворамъ коледовщики, славятъ праздникъ, т. е. поютъ обрядовыя пѣсни и собираютъ отъ хозяевъ дары разными припасами и деньгами; въ кіевской и волынской губ. половина собранныхъ ими денегъ отдается въ приходскую церковь. По всему вѣроятію, и сборъ припасовъ имѣлъ нѣкогда религіозное назначеніе: жертвенныя приношенія и праздничное пиршество могли совершаться не

---

[1]) Вставай, деревцо, давай намъ плодовъ; нынче вѣдь щедрый день. — [2]) Ганушъ, 31, 117—8; Срп. рјечник, 35; Маякъ, XI, 39; Beiträge zur D. Myth., II, 126; Die Götterwelt, 286. — [3]) Домашній бытъ рус. царей, соч. Забѣлина, I, 327—8.

Библиотека "Руниверс"

только въ каждой отдѣльной семьѣ передъ ея отцовскимъ очагомъ, но и сверхъ того—передъ очагомъ князя, отъ имени всего подвластнаго ему племени, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были устрояться на общій счетъ, въ складчину [1]). Колядки и щедривки сохранили для насъ черты народныхъ воззрѣній, идущія изъ глубочайшей древности; не смотря на цѣлый рядъ вѣковъ, на протяженіи которыхъ пѣсни эти должны были подвергаться постоянной передѣлкѣ, не смотря на то, что повидимому онѣ воспѣваютъ рождество Спасителя,—въ нихъ и донынѣ довольно-явственно выступаютъ преданія и образы, принадлежащіе язычеству. Когда народился младой Богъ, поютъ болгары, то мать искупала его въ золотыхъ котлахъ; сербы въ своей обрядовой пѣснѣ выражаютъ желаніе, да будутъ у нихъ коровы дойныя, да надоятъ имъ полное ведро молока,

да окупам, коледо!
малог Бога, коледо!
и Божића, коледо!

Малорусская же колядка говоритъ о купаньи новорожденнаго Бога въ морѣ:

Божья Мати въ полозѣ лежить,
Въ полозѣ лежить, сынойка родить;
Сына вродила, въ моръ скупала... [2])

Припомнимъ, что по общему индоевропейскому представленію восходящее солнце является изъ морскихъ волнъ, что Солнцева

[1]) Поэтому слово колядовать стало употребляться въ смыслѣ: собирать милостыню, просить хлѣба; коледа—дневной сборъ милостыни нищими; пол. kolęda—подарки на Святки и Новый годъ; въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ „коледа" стала означать славленіе; рус. поговорка: „полно коледу томить" = давай милостыню, не томи бѣднаго—Обл. Сл., 87—88; Терещ., VII, 13; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 131. — [2]) Показалецъ Раковскаго, I, стр. XVI; Времен. О. И. и Д., XXII, 10—11; Срп. рјечник, 285. — [3]) Объ истор. знач. нар. рус. поэз., 15.

Библиотека "Руниверс"

мать (богиня утренней зори), нарождая свѣтоноснаго сына, купаетъ его въ молокѣ небесныхъ коровъ—въ росѣ или весеннихъ дождяхъ (II, 123—9). Такъ какъ рожденіе солнца по другому поэтическому выраженію называлось его воскресеніемъ, то колядки воспѣваютъ не только рождество, но и возстаніе Спасителя изъ мертвыхъ: изъ-за горы изъ-за высокой

Выходить намъ золотый хрестъ,
А подъ тимъ хрестомъ самъ милый Господь;
На немъ сорочка та джунджовая,

т. е. жемчужная. Усмотрѣла жидовская дѣвочка, «же русскій Богъ изъ мертвыхъ уставъ»; сказала про то своему отцу, но еврей возразилъ: «тогда русскій Богъ воскреснетъ, когда жареный пѣтухъ полетитъ!» — и въ туже минуту жареный пѣтухъ полетѣлъ, усѣлся на облако и «красненько запѣлъ» (I, 521 [1]). Пѣтухъ—провозвѣстникъ утра, побѣждающаго ночную тьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель грозоваго пламени, которымъ возжигается солнце, потушенное облачными демонами. Небесные владыки, пробуждаясь отъ зимняго сна, являются въ сей міръ дружелюбными и щедрыми на дары гостями:

Цы дóма бываешь, пане господарь?
Твои рынойки позамѣтаны,
Твои столойки понадкрываны,
За твоимъ столомъ трои гостейки:
Jеденъ гостейко—свѣтле Сонейко,
Другій гостейко—ясенъ Мѣсячокъ,
Третій гостейко—дробенъ Дождейко.
Сонейко говоритъ: „нѣтъ якъ надъ мене,
Якъ я освѣчу горы, долины,
Горы й долины, поля й дубровы!“
Ясенъ Мѣсячокъ: „нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу тѣмну ночейку,

[1]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, нар. пѣсни галицкія и угорской Руси, 6; Объ истор. зн. нар. рус. поэз., 18.

Библиотека "Руниверс"

Возрадуются гости въ дорозѣ,
Гости въ дорозѣ, волойки въ отозѣ".
Дробенъ Дождичко: „нѣтъ яко надъ мене!
Якъ я перейду три разы на яръ,
Три разы на яръ мѣсяця мая —
Возрадуются жита, пшеници,
Жита, пшеници и всѣ яровици". [1])

По другому варіанту Солнце похваляется снять съ рѣкъ и потоковъ ледяные оковы, а Дождь (т. е. дождящій Перунъ) озеленить горы, долины и верховины [2]). Богъ-громовникъ выѣзжаетъ на своемъ златогривомъ конѣ, выбиваетъ изъ облачныхъ скалъ искры=молніи и созидаетъ райскій пресвѣтлый чертогъ или храмъ=весеннее небо, съ окномъ, черезъ которое является очамъ смертныхъ новорожденное солнце:

Ой въ горѣ-въ горѣ (т. е. на небѣ) стоитъ шовковый наметъ,
А въ томъ наметѣ золотый стольчикъ,
На томъ стольчику можный панонько,
Трома яблучки подкидаючи,
Двома орѣшки та цитаючи.
Выцитавъ коня та з-подъ короли,
А въ того коня золота грива,
Золота грива, сребни копыта,
Сребни копыта, шовковый хвостикъ;
Золота грива коника вкрыла,
Сребни подковы кремень лупаютъ,
Кремень лупаютъ, церковь муруютъ,
Муруютъ же ји з' трома верхами,
З' трома верхами, з' двома воконцы:
Въ одно воконце исходитъ сонце,
Въ друге воконце заходитъ сонце,
А въ райски двери Господь входитъ,
Господь входитъ, службоньку служитъ.

[1]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 8—11, 19; Прил. къ Изв. Ак. Н. 1852 г., 29—30; въ черниговской губ. поютъ: застилайте столы коврами, насыпайте кубки винами, да и буде къ вамъ трое гостей: первый гость — ясенъ Мѣсячка, другій гость — ясная Сонейка, третій гость—дробенъ Дожчикъ, и т. дал. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 4.

Библиотека "Руниверс"

Въ другихъ варіантахъ на золотомъ престолѣ возсѣдаетъ самъ Богъ или божье дитя—«красный панычъ», который подбрасываетъ золотыя яблочки и перебираетъ серебреные орѣшки, т. е. играетъ сверкающими молніями (II, 309; 318); пущенная имъ стрѣла несется, какъ громъ по небу. Постройка райскаго чертога есть прочищеніе неба отъ зимнихъ тумановъ и снѣжныхъ облаковъ силою весенней грозы; топоры-молніи ударяютъ по камнямъ-тучамъ, дробятъ ихъ и прорубаютъ для свѣтлыхъ боговъ окна и двери:

Зъ-за той ми горы, зъ-за высокой,
Видны (слышны?) ми тонойкій голосъ,
Тонойкій голосъ, топоры дзвенятъ,
Топоры дзвенятъ, каменья тешутъ,
Каменья тешутъ, церковь муруютъ,
Церковь муруютъ во трои двери,
Во трои двери—во три облаки;
У јединихъ дверехъ иде самъ Господь,
У другихъ дверехъ Матенка Божя,
У третихъ дверехъ святый Петро.
Передъ милымъ Богомъ органы граютъ,
Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣютъ,
Передъ Матенковъ Божовъ ружа проквитатъ,
А з' той ружи пташокъ выникатъ:
Не је то пташокъ, лемъ самъ милый Господь [1]).

Господь означаетъ здѣсь солнце (сравни I, 79), Пречистая Дѣва заступаетъ древнюю Ладу, а св. Петръ—Перуна; звуки органовъ—грозовая музыка, горящія свѣчи—молніи, цвѣтущая ружа—утренняя зоря, при блескѣ которой вылетаетъ на небо свѣтоносная птица-солнце; о небесномъ чертогѣ, его дверяхъ и окнахъ см. т. I, стр. 158-162. Согласно съ древнепоэтическимъ представленіемъ тучи—кораблемъ, яснаго неба — раемъ, молнія—ключемъ, создалась слѣдующая любопытная колядка:

[1]) Ibid., 7, 66; Ж. М. Н. П. 1867, стат. О. Миллера, 626—8.

Библиотека "Руниверс"

На сивомъ морѣ (=небѣ)
Корабель на водѣ,
Въ томъ кораблейку
Трое воротцы:
Въ першихъ воротейкахъ
Мѣсячокъ свѣтитъ,
Въ другихъ воротейкахъ
Сонечко сходитъ,
Въ третехъ воротейкахъ
Самъ Господь ходитъ,
Ключи тримае,
Рай вотмикае [1]).

Не забыты въ колядскихъ пѣсняхъ и другія миѳическія представленія о небесныхъ стадахъ, выгоняемыхъ Перуномъ, о его громовой трубѣ и безсмертномъ напиткѣ:

a) Зачорнѣлася чорна горонька,
Выйшла зъ-за*нея чорна хмаронька,
Чорна хмаронька—овецъ турмонька;
Выйшовъ за ними гордый молодець,
Гордый молодець на передовець,
Запереваься гей ожинкою [2]),
За товъ ожинковъ [3]) двѣ-три трубоньки:
Jедва трубонька та роговая,
Друга трубонька та мѣдяная,
Третя трубонька та зубровая.
Ой якъ затрубивъ та въ роговую—
Пошовъ голосокъ ай по-пидъ лѣсокъ,
Ой якъ затрубивъ та въ мѣдяную—
Пошовъ голосокъ по верхо́винахъ,
Ой якъ затрубивъ та въ зубровую—
Пошли голоса по-пидъ небеса [4]).

b) Зажурилася чорная гора,
Що не зродила жито-пшеницю,
А зродила зелене вино,
Зелене вино, що Богу мило.

---

[1]) Ч. О. И. и Д 1864, I, 157. — [2]) Подпоясался житною соломою. — [3]) За тою ожинкою затканы. — [4]) Ibid., 61.

Библиотека "Руниверс"

Стерегла-жъ его красная панна,
А стерегучи барзо уснула.
Дѣсь ми ся взяли райскія пташки,
Та исхопили зелене вино...

Въ этой пѣснѣ слышится отголосокъ древнѣйшаго мина о похищеніи небеснаго вина (=всеоживляющей дождевой влаги) молніеносными птицами: такъ Индра похищалъ сому, превращаясь въ сокола, а Одинъ, въ образѣ орла, овладѣлъ драгоцѣннымъ медомъ, который сторожила облачная дѣва Гуннлёда (I, 372, 395—6 [1]). Свѣтлые боги, силою которыхъ возвращается лѣто и земля осѣменяется дождемъ, представляются въ колядкахъ воздѣлывающими нивы:

Ей въ полѣ, полѣ, въ чистейкомъ полѣ—
Тамъ-же ми й оре золотый плужокъ,
А за тимъ плужкомъ ходитъ самъ Господь;
Ему погоняетъ та святый Петро;
Матенка Божа насѣнечько (сѣмена) носитъ,
Насѣнья носитъ, пана Бога проситъ:
„Зароди, Боженьку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и врейке житце!
Буде тамъ стебевце саме тростове [2]),
Будутъ колосойки, якъ былинойки,
Будутъ копойки, якъ звѣздойки,
Будутъ стогойки, якъ горойки,
Зберутся возойки, якъ чорны хмаройки,

т. е. будетъ копенъ также много, какъ звѣздъ, стоги станутъ словно горы, а возы пріѣдутъ за хлѣбомъ тучами. По указанію другихъ варіантовъ, плугъ влекутъ волы златорогіе [3]).

---

[1]) Ibid., 93. 614; Терещ., VII, 80. Въ другихъ колядкахъ райскія птицы прилетаютъ на дерево-тучу, обламываютъ съ него вѣтви, золотую кору и рясу и сотрясаютъ жемчужную росу (Поэт. Воз., II, 293; Пѣсни Зѣнкевича, 19 — 20); „золота ряса (т. е. плоды; рясный—изобильный, осыпанный плодами) дуже звенѣла, дуже звенѣла — дѣву збудила.“ — [2]) Стебли, какъ трости. — [3]) Или: „волы въ золотѣ горѣли“—Ч. О. И. и Д. 1864 I, 8, 16—17, 39; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниг. намѣстничества, 29.

Библиотека "Руниверс"

У лужичанъ извѣстно слѣдующее преданіе: бѣдный крестьянинъ сѣялъ ячмень при дорогѣ; проходила мимо Пресв. Марія съ малюткою Христомъ и сказала: «помогай тебѣ Богъ, добрый человѣкъ! какъ только посѣешь, ступай за серпомъ и начинай жать». Только что скрылась она за горою, а жиды уже гонятъ за Пречистою Дѣвою. «Не проходила-ль тутъ женщина съ малымъ ребенкомъ?» спрашиваютъ они у крестьянина.— Недавно прошла—въ ту пору, какъ я ячмень сѣялъ. «Охъ, ты глупой! вѣдь этому будетъ двѣнадцать недѣль» возразили жиды, видя, что ячмень уже поспѣлъ и мужикъ жнетъ его [1]). Малорусская колядка, передавая тоже преданіе, даетъ Пречистой Дѣвѣ вмѣсто младенца-Христа птицу-сокола, что̀ указываетъ на древнее представленіе новорожденнаго (восходящаго) солнца птицею и на суевѣрное смѣшеніе богини Лады (Зори) съ Богородицею: пашетъ убогій селянинъ,

З' јединого ковьця оре, з' другого сѣе,
Лежитъ ми тамъ, лежитъ давно стежейка,
А стежейковъ иде Матенка Божя,
Несе ѣна, ниссе на ручнахъ сокола:
„Богъ помогай вбогій седлячьку!“
—Бодай здорова, Матенька Божя!
„Будутъ ту яти жиды и жидовки,
Не повѣдай-же ты, же я теперь ишла;
Повѣдай-же ты, же я тодя ишла,
Коли ты-й оравъ, пшеничейку сѣявъ!“
Ище Мати Божя пречь гору не прейшла,
Стали ей, стали жидове вгонятя...
„Ци не ишла тоди така бѣлоглава,
Ци не несла ѣна на рукахъ сокола?“
—Ишла ѣна, ишла, коли я ту оравъ,
Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ;
А теперь ужь я пшеничейку зажавъ.

Жиды выслушали отвѣтъ и поворотили назадъ [2]). Между

[1]) Volkslieder der Wenden, I, 275—6. — [2]) Ч. О. И. и. Д. 1864, I, 9—10; Объ истор. зн. народ. рус. позз., 18—19; Семеньск., 18—19; Духъ Христіанина 1861—2, XII, 274.

Библиотека "Руниверс"

памятниками апокрифической литературы имѣется сказаніе о томъ, какъ св. Петръ и другіе апостолы увидѣли въ полѣ «человѣка, орюща волы, и проснша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради; апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу» [1]). По свидѣтельству обрядовыхъ причитаній, произносимыхъ на Новый годъ при посыпаніи зерновымъ хлѣбомъ, Илья-пророкъ носитъ пугу житяную: гдѣ ею махнётъ — тамъ жито ростетъ (I, 283—4). И апостолъ Петръ, и пророкъ Илья являются въ народныхъ повѣрьяхъ съ чертами древняго громовника, богаизводителя дождей, растителя злаковъ и творца урожаевъ [2]).

---

[1]) Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 38; Памят. отречен. рус. литер., I, стр. IV; II, 5—10; сравни Н. Р. Лег., 7. — [2]) Болгары и словенцы называютъ Рождественскія Святки Крачунъ, карпато-руссы — Керечунъ (сочельникъ — Керечунь вечеръ), румуны — Crečiunu; сверхъ того, въ Болгаріи называется Крачуномъ и всякій родившійся 25-го декабря. Названіе это въ старину было извѣстно и на Руси; въ Новгородской лѣтописи подъ 1143 годомъ сказано: „стояше вся осенина дъждева отъ Госпожина дни до Корочюна"—П. С. Р. Л., III, 9; Изв. Ак. Н., II, 289; Ганушъ, 42—43; Каравел., 279; Терещ., VII, 20—21. Слово Корочунъ донынѣ остается необъясненнымъ. Карамзинъ производилъ его отъ коротать (укорачивать) на томъ основаніи, что въ декабрѣ бываютъ самые короткіе дни; но съ половины декабря солнце поворачиваетъ на лѣто и дни начинаютъ удлиняться, что́ и было признано за самый характеристическій признакъ этого мѣсяца, названнаго коложегомъ и просинцемъ. Г. Эрбенъ (Рус. Бес. 1857, IV, 95, 124 — 5) сближаетъ названіе Корочунъ съ именами Къртъ и Кракъ (отъ крѣти); основываясь на глоссахъ Вацерада, въ которыхъ сказано: „Mercurius—Radihost, wnuk Kirtow", онъ признаетъ Кърта славянскимъ Сатурномъ; извѣстно, что празднованіе сатурналій начиналось съ 17-го декабря. По указанію г. Срезневскаго, у хорутанъ и хорватовъ слово къртъ употребляется въ значеніи „огня"; у послѣднихъ существуютъ поговорки: „ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w č'rtowo" (не всѣ пойдемъ къ Курту, иные къ чорту), „wsi gremo w K'rtowo" (всѣ пойдемъ въ Кьртово царство=всѣ помремъ); K'rtowa dežda (Кьрто-

Библиотека "Руниверс"

Все, что раститъ земля, есть даръ небесныхъ боговъ (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согрѣвающихъ ее солнечными лучами и поящихъ лѣса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси говорятъ о хлѣбѣ: «даръ божій» (пол. zboże — жито), «святой хлѣбъ», «снопъ святаго жита»; хлѣбъ-соль принимается за эмблему плодородія, богатства и счастія, служитъ необходимою принадлежностью всяка-

---

ва область)=небо или рай—Ж. М. Н. П. 1846, VII, 50—51. Другое имя славянскаго Сатурна, сообщаемое въ глоссахъ Вацерада, — Sitivrat (Сити-вратъ). По мнѣнію Эрбена (Рус. Бес. 1857, IV, 88), оно обозначаетъ поворотъ свѣта (серб. сит=сјет=свјет—Срп. рјечник, 682); Яковъ же Гриммъ (D. Myth., 227—8) высказалъ догадку, что начальная половина этого имени должна указывать на сито, которое во 1-хъ своею круглвидною формою приравнивается „колесу", а во 2-хъ самымъ названіемъ своимъ возбуждаетъ мысль о посѣвахъ и земномъ плодородіи (обл. ситиво, сѣтево — лукошко для высѣва хлѣбныхъ зеренъ=сѣялка, серб. ситар — сѣятель). Такимъ образомъ Ситивратъ (=коло-вратъ) будетъ богъ, поворачивающій солнечное колесо на лѣто, и вмѣстѣ съ этимъ возвращающій землѣ силу плодородія; выше (I, 571-2) были приведены и объяснены народныя повѣрья, сближающія капли дождя съ хлѣбными сѣменами и утверждающія, что дождь падаетъ съ неба сквозь рѣшето или сито. Финны называютъ сѣялку Ukkonak (коробка бога-громовника Укко). Въ Малороссіи при „посыпаніи" на Новый годъ причитываютъ (Метлинск., 344):

Сито, сито
На нове лито!
Зароды, Боже, жыто-пшеныцю,
Усяку пашныцю.

Нѣмцы, празднуя на Рождественскія Святки возвратъ свѣтлыхъ боговъ, представляютъ это событіе въ драматическомъ обрядѣ, при чемъ лице, играющее роль Одина, держитъ на высокомъ шестѣ сито—Die Götterwelt, 141—2. Память о Ситивратѣ уцѣлѣла въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей: Ситомиръ, Ситиваратевштейнъ = Ситиватовъ камень, и др. — Макушева: Сказан. о бытѣ и нрав. славянъ, 82. — Идея борьбы между лѣтомъ и зимою, жизнью и смертію составляетъ главнѣйшую основу всѣхъ миѳологій. По указанію Зендавесты, Ормуздъ (свѣтъ) постоянно борется

Библиотека "Руниверс"

го семейнаго и общественнаго торжества [1]), предохраняетъ отъ колдовства и нечистой силы [2]); первая пѣснь, при святочныхъ гаданіяхъ, возглашается хлѣбу: «мы хлѣбу пѣснь поемъ,

---

съ Ариманомъ (тьмою), каждый торжествуя въ свою очередь. Египтяне ежегодно весною праздновали возвращеніе къ жизни Озириса (бога свѣта и плодородія), убитаго Тифономъ: явившись на землю въ образѣ человѣка, онъ оказывалъ людямъ благодѣянія и предъ возвратомъ на небо былъ умерщвленъ, но въ опредѣленное время возсталъ для новой жизни. По греческому сказанію, Діонисъ, въ которомъ олицетворялась плодотворящая сила весны и лѣта, странствуя по землѣ, поучалъ людей добру и побѣждалъ зло; былъ убитъ злыми титанами, но потомъ воскресъ и принялъ участіе въ управленіи вселенной; дѣторождныя части этого бога, найденныя послѣ его смерти, послужили залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ. Весенній праздникъ Адонису выражалъ туже мысль; онъ продолжался два дни: въ первый день носили изображеніе (куклу) умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву; въ Александріи изображеніе это выносили на огромномъ катафалкѣ и топили въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обрѣтенія или возстанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіами (I, 783). Сходно съ этимъ, на Украйнѣ въ началѣ весны празднуютъ воскресеніе Костpуба (Рус. Бес. 1856, III, 106—7). Поселяпки водятъ хороводъ и заунывнымъ голосомъ поютъ: „померъ-померъ нашъ Кострубонько!“ Въ срединѣ круга лежитъ на землѣ дѣвица, представляющая мертваго Костpуба; немного погодя, она вскакиваетъ, и въ туже минуту хороводъ измѣняетъ печальный тонъ на веселый и запѣваетъ:

Ожилъ, ожилъ нашъ Кострубонько!
Ожилъ, ожилъ нашъ голубонько!

[1]) Каковы: новоселье, крестины, свадьба, встрѣча почетныхъ гостей; въ мосальскомъ уѣздѣ приносимыя на домъ иконы встрѣчаются всегда съ хлѣбомъ и солью. — [2]) D. Myth., 1056; Этн. Сб., II, 57. Противъ уроковъ и сглаза преимущественно употребляютъ соль четверговую (т. е. пережженную въ чистый четвергъ) — Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 102; Посл. Даля, 429; D. Myth., 1030; Черты литов. нар., 95. Разсыпать соль — дурной знакъ; подавая за столомъ солонку, необходимо положить въ нее кусочикъ хлѣба, т. е. надо подавать не просто соль, а хлѣбъ-соль — Пузин., 8, 164; D. Myth., 1090.

Библиотека "Руниверс"

хлѣбу честь воздаемъ!» [1]) Принимаясь за новую ковригу хлѣба, крестьяне произносятъ: «Господи благослови!» «Сказать на хлѣбъ худое слово» они считаютъ за величайшее беззаконіе; не слѣдуетъ ни сорить хлѣбомъ, ни катать изъ него шариковъ — не то Богъ накажетъ неурожаемъ и голодомъ. Кто, вкушая хлѣбъ, роняетъ крошки наземь, за тѣмъ подбираютъ нечистые духи, и если собранныя ими крошки будутъ вѣсить больше самого человѣка, то душа его, по смерти, достается дьяволу. Напротивъ, кто не брезгаетъ хлѣбомъ, ѣстъ его чорствый и цвѣлый (съ плесенью), тотъ не будетъ бояться грома, не потонетъ въ водѣ, доживетъ до преклонной старости и не извѣдаетъ нищеты. Крестьяне тщательно собираютъ хлѣбныя крошки и кормятъ ими домашнюю птицу, а чорствыя корки бросаютъ въ затопленную печь [2]). Всѣ земледѣльческія работы (посѣвъ, жатва, молотьба и проч.) уже въ глубочайшей древности получили священное значеніе; онѣ обставлялись различными религіозными церемоніями, жертвоприношеніями и призываніемъ боговъ [3]).

Съ приходомъ весны приступаютъ къ удобренію и вспахиванію полей и засѣву яровыхъ хлѣбовъ. Передъ началомъ этихъ работъ, а равно и послѣ—передъ покосомъ и жнитвою, совершается крестный ходъ на поля, при чемъ церковные хоругви и образа бываютъ увиты свѣжею зеленью и цвѣтами; священникъ благословляетъ нивы и кропитъ ихъ святою водою. На Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу; эту свѣчу онъ заботливо хранитъ въ амбарѣ, а при посѣвѣ и зажинкахъ выноситъ ее на собственное поле, какъ эмблему того небеснаго огня, который возжигается богинею Ладою и дѣйствіемъ котораго земля получаетъ силу плодородія. На

[1]) Сахаров., I, 11. — [2]) Херсон. Г. В. 1852, 17; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 40; Громанъ, 102—4; Beiträge zur D. Myth., I, 218. — [3]) Куланжъ, 209

Благовѣщенье и въ чистый четвергъ поселяне освящаютъ просвиры и потомъ привязываютъ ихъ къ сѣялкамъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ просвиры эти высушиваются, стираются въ порошокъ и смѣшиваются съ хлѣбными зернами, предназначенными для посѣва [1]); въ черниговской губ. принято освящать въ церквахъ самыя сѣмена [2]). Засѣвальщики, выступая въ поле, молятся на три стороны: восточную, южную и западную, въ каждую бросаютъ по горсти зёренъ съ низкими поклонами, и затѣмъ уже принимаются за посѣвъ [3]).

Во владимірской губ. уцѣлѣлъ любопытный обрядъ **водить колосокъ**. Около Троицына дня, когда озимая рожь начинаетъ колоситься, бываетъ обрядовое шествіе на засѣянныя ею поля. Молодыя женщины, дѣвушки и юноши, собираясь на окраинѣ селенія, схватываются попарно руками [4]) и установляются въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами; по ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по̀ мосту, идетъ маленькая дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда; такимъ образомъ процессія подвигается до самой нивы. Здѣсь дѣвочку спускаютъ на̀землю; она срываетъ нѣсколько колосьевъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви. Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дикушей [5]), со пшеницею.

---

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 101, 103; Терещ., V, 35. — [2]) Черниг. Г. В. 1855, 20. — [3]) Сахаров., II, 28. — [4]) Это дѣлается такъ, чтобы четыре руки составили квадратъ; каждый сначала беретъ правой рукою свою-же собственную лѣвую, а этой послѣднею схватываетъ около локтя руку того, кто съ нимъ въ парѣ. — [5]) Гречихою.

Библиотека "Руниверс"

Или: Ходитъ колосъ по ярѝ,
По бѣлой пшеницѣ;
Гдѣ царица шла —
Тамъ рожь густа:
Изъ колосу осьмина,
Изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пирогъ.
Родися, родися
Рожь съ овсомъ;
Живите богато
Сынъ съ отцомъ! [1])

Когда рожь, ячмень и пшеница поспѣютъ, хозяйка съ хлѣбомъ-солью и громничною [2]) свѣчею въ рукахъ отправляется зажинать ниву. Первый нажатый ею снопъ называется именинникомъ; хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу у божницы. Впослѣдствіи снопъ этотъ обмолачиваютъ отдѣльно; собранныя отъ него зерна носятъ для освященія въ церковь и частію мѣшаютъ съ сѣменами, оставляемыми для засѣва полей, частію-же берегутъ какъ цѣлебное снадобье—на случай различныхъ недуговъ. Соломою отъ этого снопа кормятъ больную скотину. Въ старину — для того, чтобы умолотъ былъ изобильнѣе и лучше, первый (зажиночный) снопъ относили въ овинъ или на гумно и оставляли тамъ до молотьбы. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ уѣздахъ, зажинъ дѣлается священникомъ. По окончаніи жатвы, жнѝцы обходятъ ниву, собираютъ случайно-несрѣзанные серпомъ колосья и вьютъ изъ нихъ золотистый вѣнокъ [3]), переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами; вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку, и затѣмъ отправляются на хозяйскій или господскій дворъ съ пѣснями.

---

[1]) Москв. 1853, XV, 147-8; Владим. Г. В. 1853, 29. Болгары обвиваютъ первыми колосьями мальчика, подымаютъ его на руки и поютъ пѣсни (сообщено Караведовымъ). — [2]) Срѣтенскою. — [3]) Иногда-же два вѣнка: одинъ изъ ржи, другой изъ пшеницы.

Библиотека "Руниверс"

Впереди идетъ мальчикъ и несетъ украшенный цвѣтами снопъ. Подходя къ воротамъ, поютъ:

Одомкни, пане, новы ворота,
Несемъ вяночекъ з' щираго злота;
Ой выйдзи, пане, хоць на гаечекъ [1]),
Ой выкупь-выкупь злоты вяночекъ,
Бо то вяночекъ з' злота увитый.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ съ хлѣбомъ-солью и угощаетъ ихъ обѣдомъ и горѣлкою. Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ, и снопъ, принесенный мальчикомъ, передаются хозяину со словами: «дай Боже, щобъ и на той годъ уродывся хлибъ!» и до 6-го августа должны оставаться въ переднемъ углу, подъ образами; въ этотъ-же праздничный день носятъ ихъ въ церковь и освящаютъ, вмѣстѣ съ разными первинками, а именно: вмѣстѣ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ новаго жита, сотами, только что вырѣзанными изъ улья, новыми яблоками и грушами. Зёрна отъ этихъ освященныхъ колосьевъ сохраняются для будущаго посѣва. Чтобы узнать, какой посѣвъ будетъ урожайнѣе: ранній, средній или поздній, отрываютъ отъ вѣнка три колоса и закапываютъ ихъ въ землю; одинъ колосъ знаменуетъ ранній посѣвъ, другой — средній, третій — поздній, и смотря по тому, какой изъ трехъ колосьевъ скорѣе и лучше пуститъ ростки, заключаютъ о срокѣ наиболѣе-выгоднома для осѣменія полей [2]). У лужичанъ большой снопъ, перевитый цвѣтами, устанавливается на возу стоймя, поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ, и доставляется въ деревню въ сопровожденіи жницъ, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другіе

[1]) На крылечко. — [2]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 108—110; 1857, IV, 271; Маякъ, VIII, 73; Черниг. Г. В. 1856, 22; Молодикъ 1844, 95; Могилян., 328; Малорос. деревня, соч. Кулжинскаго, 47—50; Вѣст. Евр. 1827, XI, 191; Терещ., V, 105, 109, 128—9; Сахаров., II, 44, 47; Нар. сл. раз., 154.

Библиотека "Руниверс"

держатъ въ рукахъ полевые цвѣты. Въ пензенской и симбирской губерніяхъ послѣдній (дожиночный) снопъ называютъ именинникомъ и наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ; въ смоленской губ. придѣлываютъ къ нему руки и одѣваютъ его въ бѣлую накидку и кичку. Съ пѣснями и плясками несутъ эту куклу на господскій дворъ, гдѣ уже загодя приготовляется для жницъ обильное угощеніе. Во время пиршества именинный снопъ стоитъ на столѣ, а потомъ переносится въ передній уголъ. Существуетъ еще обычай: по снятіи хлѣба, обвязывать серпы житною соломою и полагать ихъ подъ иконами [1]). Праздникъ окончанія жатвы извѣстенъ подъ названіями обжинокъ, дожинокъ и талаки. Послѣднее названіе употребительно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Какъ скоро у какого-нибудь зажиточнаго землевладѣльца назначается окончательная уборка хлѣба, къ нему тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ собираются жницы, готовыя на безплатную работу ради талаки, т. е. собственно ради праздничнаго угощенія [2]). Подъ сумерки, когда дожинаютъ послѣдній загонъ, каждая жница откладываетъ по нѣсколько колосьевъ, изъ которыхъ и связывается общій дожиночный снопъ. Послѣ того дѣвицы-талачейки, для рѣшенія вопроса: кому изъ нихъ нести этотъ снопъ, или (какъ онѣ сами выражаются) кому изъ нихъ быть Талакою, бросаютъ между собой жребій. Указанную жребіемъ Талаку онѣ убираютъ цвѣтами, въ руки ей даютъ дожиночный снопъ, а на голову надѣваютъ ей длинное бѣлое покрывало и вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ колосьевъ, пахучихъ травъ и цвѣтовъ; при этомъ поютъ слѣдующую обрядовую пѣсню:

---

[1]) Терещ., V, 110, 131—4; Рус. прост. праздн., IV, 83—84; Сахаров., II, 49—50; Volkslieder der Wenden, II, 221. — [2]) Въ великорусскихъ областяхъ толока — общинная уборка хлѣба или сѣна, помочь; толокъ — токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ, и нива, оставленная подъ паръ — Обл. Сл., 230.

Библиотека "Руниверс"

Добры вечаръ, Талака!
Да вазьми-жъ адъ насъ, вазьми-но
Гэты збожны [1]) ты снапокъ;
Да надзѣнь-же, надзѣнь-но
З' красками [2]) прыгожъ вѣнокъ!
З' гэтымъ добрымъ пойдземъ же мы
Къ пану да къ гаспадару,
Принесемъ же мы яму
Счасьцечко тваё въ хоромы.
Јонъ той панъ-гаспадарыкъ
Справиць намъ дажыначки...

Затѣмъ жницы выстраиваются въ длинный рядъ—пара за парою, становятъ впереди себя Талаку и отправляются на хозяйскій дворъ съ пѣснею, въ которой приглашаютъ пана-господаря приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Заслышавъ ихъ голоса, хозяинъ и хозяйка выходятъ къ воротамъ, кланяются Талакѣ въ поясъ и подносятъ ей хлѣбъ-соль, а отъ нея принимаютъ дожиночный снопъ; Талаку, какъ самую почетную гостью, они усаживаютъ на покутѣ, подъ образами; всѣ же прочія жницы размѣщаются частію въ избѣ и сѣняхъ, частію на дворѣ. По окончаніи пиршества, за которымъ бываетъ всего вдоволь — и меду, и пива, и саламахи [3]), слѣдуютъ веселыя пляски и пѣсни. Праздникъ заключается тѣмъ, что Талака снимаетъ съ себя вѣнокъ и отдаетъ его хозяину, при чемъ хоръ обращается къ ней съ такою просьбою:

А Талака-жъ ты, Талака,
Да щырая-жъ ты, Талака!
Да нагодуй-же отъ узядъ
Гаспадару таму снапковъ,
Да нарадзи-жъ ты яму
Жытца-жытца сто карабовъ...

Въ гродненской губ. вѣнокъ этотъ надѣваютъ на кіоту; что же касается «дожиночнаго» снопа, то его кропятъ св. водою

[1]) Житный. — [2]) Цвѣтами. — [3]) Напитокъ, приготовляемый изъ водки, меду, сливъ и вишень.

Библиотека "Руниверс"

и ставятъ на покутье, рядомъ съ другимъ — прежде-принесеннымъ ими «зажиночнымъ» снопомъ, гдѣ и остаются они нерѣдко въ продолженіе цѣлаго года [1]). Болгары дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, называемую жътварка-царка (житная царица) или жътварска мома, одѣваютъ ее въ женскую сорочку и носятъ вокругъ села, а потомъ или бросаютъ ее въ рѣку (дабы призвать на посѣвы обильные дожди и рòсы), или сожигаютъ на огнѣ и пепелъ разбрасываютъ по нивамъ. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ куклу эту сберегаютъ до будущей жатвы, и когда случается засуха — носятъ ее въ крестномъ ходѣ, съ мольбами о дождѣ и съ возглашеніемъ обрядовой пѣсни:

Катъ жътварка бѣгаше,
Тихъ вѣтрецъ вѣєше;
Кога мома плачеше,
Ситна роса росеше;
Мома-те са засмѣя,
Ясно слънце огрѣя, и проч.

Того, кто приноситъ житный вѣнокъ съ поля, въ венгерской Сербіи окачиваютъ водою; у насъ-же въ бѣлорусскихъ деревняхъ ведро воды выливается на самый вѣнокъ. Но цѣль обряда и тамъ, и здѣсь одна: это именно — желаніе, чтобы въ будущемъ году не было недостатка въ дождяхъ [2]). Покончивъ жнитво и приступая къ запашкѣ полей подъ озимые посѣвы, великорусскіе крестьяне завариваютъ пиво или брагу и назначаютъ ближайшій праздничный день для служенія общественнаго молебна. Когда наступитъ этотъ день, каждый домохозяинъ приноситъ въ церковь освящать баранье плечо или пѣтуха, и потомъ приготовленными яствами, пивомъ и брагою угощаютъ своихъ сродниковъ и знакомыхъ. Въ нѣкото-

[1]) Прибл. къ Ж. М. Н. П. 1846, 111—120; Описаніе гродненск. губ., I, 840. — [2]) Сообщ. Караваловымъ; Миладин., 524; Археолог. Вѣст. 1867, II, 57.

Библиотека "Руниверс"

рыхъ деревняхъ пиршество отправляется всѣми крестьянами вмѣстѣ: къ назначенному дню они варятъ брагу, пекутъ пироги и заколаютъ барана на мірской счетъ, т. е. въ складчину [1]). Въ старину, по окончаніи жатвы, заколали въ житницѣ козла; кровь его собирали въ чашу и окропляли ею присутствующихъ, а мясо варили и съѣдали за общею трапезой [2]).

Съ сентября-мѣсяца принимаются молотить хлѣбъ. Во многихъ великорусскихъ деревняхъ въ тотъ день, съ котораго начинается эта работа (замолотки), овинъ слываетъ у крестьянъ именинникомъ. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, хозяинъ протапливаетъ овинъ, а на утро созываетъ туда молотильщиковъ и угощаетъ ихъ кашею; послѣ завтрака, приступая къ работѣ, затыкаютъ во всѣ углы гумна или риги по нѣсколько колосьевъ — для того, чтобы умолотъ былъ хорошій изобильный. Молотить обыкновенно начинаютъ съ такъ называемаго «именинника» снопа. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ именины овина справляются въ день окончанія молотьбы и приготовляемая тогда каша называется домолотною [3]). Овинъ, какъ мѣсто, гдѣ просушивается зерновой хлѣбъ, издревле пользовался тѣмъ-же самымъ религіознымъ почетомъ, что и домашній очагъ (см. II, 70). Церковный уставъ св. Владиміра, въ числѣ другихъ остатковъ языческаго суевѣрія, подлежащихъ духовному суду, указываетъ и на моленье подъ овиномъ [4]). Въ словѣ христолюбца встрѣчаемъ подобное-же указаніе: «еже молится огневѣ подъ овиномъ» [5]). Въ орловской губ. и донынѣ рѣжутъ куръ подъ овиномъ 4-го сентября, слѣдовательно при началѣ молотьбы;

---

[1]) Рус. прост. праздн., IV, 82–83; Сахаров., II, 48—49, 54. — [2]) De diis samagitarum, 19–20. — [3]) Сахаров., II, 59; Рус. прост. праздн., IV, 83; Терещ., V, 140–1; Нар. сл. раз., 154. — [4]) Доп. къ Ак. Ист., I, 1: „или кто молиться подъ овиномъ". — [5]) Лѣт. рус. лит. и древн., т. IV, 90, 94; Оп. Румян. муз., 229.

Библиотека "Руниверс"

въ другихъ-же мѣстностяхъ уцѣлѣлъ обычай рѣзать въ овинѣ пѣтуха 1-го ноября [1]). Въ ярославской губ. крестьяне, чувствующіе боль въ поясницѣ, ходятъ въ подлазъ овина, и потираясь спиной объ его стѣну, произносятъ слѣдующія слова: «батюшка овинъ! прости мой уп(т)инъ» [2]). Отсюда объясняется и старинная поговорка: «церкви — не овины, въ нихъ образа всѣ едины» [3]), т. е. все равно, въ какой ни молиться церквѣ — въ своей приходской, или въ чужой; напротивъ, языческій культъ ограничивался исключительнымъ чествованіемъ своего очага, своего овина.

Земные урожаи зависятъ отъ дѣятельности стихійныхъ духовъ. Носясь по воздушнымъ пространствамъ въ буйномъ полетѣ грозовыхъ тучъ и вѣтровъ, духи эти нисходятъ на землю оплодотворяющимъ сѣменемъ дождя, преобразуются въ ея материнскихъ нѣдрахъ въ безсчисленные зародыши и затѣмъ нарождаются разновидными и роскошными злаками. Вообще все растительное царство представлялось древнему человѣку воплощеніемъ стихійныхъ духовъ, которые, соединяя свое бытіе съ деревьями, кустарниками и травами (=облекаясь въ ихъ зеленыя одежды), чрезъ то самое получали характеръ лѣсныхъ, полевыхъ или житныхъ геніевъ. По нѣмецкимъ, славянскимъ и литовскимъ преданіямъ, житные духи [4]) въ лѣтнюю половину года обитаютъ на нивахъ. Когда хлѣбъ поспѣетъ и поселяне начинаютъ жать или косить его, полевикъ бѣжитъ отъ взмаховъ серпа и косы и прячется въ тѣхъ колосьяхъ, которые еще остаются на корню; вмѣстѣ съ послѣд-

[1]) Литовцы, заканчивая молотьбу, убивали чернаго или бѣлаго пѣтуха, съ мольбою, обращенною къ богу, который обитаетъ въ овинѣ и сушитъ зерновой хлѣбъ — De diis samagitarum, 39–40. У нѣмцевъ жатвенное пиршество называется hahnmahlzeit. — [2]) Этн. Сб., I, 164. — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 2-ая полов., 217. — [4]) Славяне даютъ имъ названія: полевой дѣдъ, полевикъ, гречуха, жыцень.

Библиотека "Руниверс"

не-срѣзанными колосьями онъ попадается въ руки жнеца и въ послѣднемъ = дожиночномъ снопу приносится на гумно или въ домъ земледѣльца. Вотъ почему дожиночный снопъ наряжаютъ куклою и ставятъ его на почетномъ мѣстѣ, подъ образами. Въ Германіи erntepuppe помѣщается иногда въ переднемъ углу, иногда у домовой двери или на верхушкѣ кровли, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается тамъ въ продолженіи цѣлаго года—до тѣхъ поръ, пока новая кукла не смѣнитъ прошлогодней. Вѣрятъ, что пребываніе ея въ домѣ приноситъ хозяину, его семьѣ и житницамъ божье благословеніе. Бо́льшею же частію кукла эта сберегается только до времени посѣва: тогда ее обмолачиваютъ и добытыми изъ нея зернами осѣменяютъ поля—съ тою цѣлію, чтобы житный духъ, заключенный въ послѣднемъ снопѣ, могъ возродиться и заявить свою благотворную силу въ новыхъ всходахъ. Дожиночный снопъ одѣваютъ въ мужскіе или женскіе наряды; въ первомъ случаѣ его называютъ: нѣмцы—roggenmann [1]), erntemann, grossvater, славяне — дѣдъ, dziad, dědek; во второмъ случаѣ нѣмцы называютъ его kornmutter, erntemutter, roggenalte, grossmutter, а славяне — баба, żytna baba, żytna (pszeniczna, grochowa) matka. По литовскому повѣрью, послѣдній ударъ, наносимый серпомъ во время жатвы, или цѣпомъ во время молотьбы, падаетъ на житную бабу, и тотъ, кто его наноситъ, называется ея убійцею. Въ Германіи жнецы къ тому изъ своихъ товарищей, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья или связываетъ послѣдній снопъ, обращаются съ слѣдующимъ восклицаніемъ: «du hast den Alten und musst ihn behalten!» Растя хлѣбные злаки и творя урожаи, житные духи приготовляютъ запасы для своего собственнаго пропитанія, подобно тому, какъ пчелы запасаютъ для себя пищу въ медовыхъ сотахъ. Человѣкъ питается плодами ихъ твор-

[1]) Или weizen(gersten, hafer)-mann.

Библиотека "Руниверс"

ческой дѣятельности, но не долженъ забирать всего; часть хлѣба онъ обязанъ оставлять для житныхъ духовъ, дабы они могли прозимовать безъ нужды и заботы. Слѣдуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляютъ на поляхъ нѣсколько несрѣзанныхъ колосьевъ, въ саду нѣсколько несорванныхъ яблокъ, а на току нѣсколько пригоршней обмолоченнаго зерна, и за все это ожидаютъ на будущій годъ богатаго урожая. Кто не исполняетъ этой обязанности, у того житные духи похищаютъ хлѣбъ изъ закромовъ [1]). Западные славяне разсказываютъ, что дѣдко всю зиму сидитъ заключенный въ житницѣ и поѣдаетъ сдѣланные запасы (II, 487 [2]). Какъ существа стихійныя, являющіяся въ бурныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ, житные духи смѣшиваются съ духами дикой охоты и неистоваго воинства. Вмѣстѣ съ этимъ житный дѣдъ сближается съ Одиномъ, а житная баба, kornmutter, съ frau Gode, Гольдою или Бертою. И Одинъ, и frau Gode чествуются, какъ податели земнаго плодородія; и тому, и другой поселяне оставляютъ на лугахъ и нивахъ часть нескошенной травы и несжатаго хлѣба; frau Gode сидитъ въ колосистомъ житѣ и послѣдній

[1]) Въ Германіи насѣкомое, пожирающее зерновой хлѣбъ въ амбарахъ, называется kornwolf; о связи житныхъ духовъ съ миѳическими волками и другими животными сказано было выше (Поэт. Воз., I, 769). Не менѣе любопытны повѣрья, олицетворяющія житнаго духа въ образѣ пѣтуха (getreidehahn). Нѣмцы приготовляютъ изображеніе пѣтуха изъ зрѣлыхъ колосьевъ и ставятъ его на шестѣ, посреди сжатаго поля. Въ Галиціи и Польшѣ поверхъ вѣнка, сплетеннаго изъ цвѣтовъ и колосьевъ и надѣтаго на голову избранной жницы, привязываютъ живаго пѣтуха, и если пѣтухъ начинаетъ клевать колосья—это принимается за предвѣстіе урожая на слѣдующій годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи привязываютъ живаго пѣтуха къ послѣднему снопу, или зарываютъ его на нивѣ въ землю, оставляя свободною одну голову; затѣмъ жнецъ берется за серпъ и срѣзываетъ ему голову. — [2]) Въ Галиціи житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длиннобородыми головами и тремя огненными языками.

Библиотека "Руниверс"

снопъ называется Erntewôd; чтобы Гольда (frau Holle) не поѣдала хлѣба изъ житницъ, для нея оставляютъ на нивѣ три несрѣзанныхъ колоса. Согласно съ двойственнымъ представленіемъ Гольды то свѣтлою, благодѣтельною богинею, то злою, демоническою вѣдьмою, житная баба невсегда даруетъ урожаи; раздраженная на земледѣльца, она палитъ его нивы и пожираетъ его хлѣбъ [1]); славяне отождествляютъ ее съ бабой-ягою, а нѣмцы съ желѣзною Бертою (см. выше стр. 591-3). Описанные нами обряды «водить колосъ», водить «Талаку» и носить наряженный въ женскія платья снопъ знаменуютъ шествіе богини земнаго плодородія. Что̀ уборка хлѣба обставлялась у славянъ различными религіозными церемоніями, на это имѣются положительныя свидѣтельства. По словамъ Ибнъ-Дасты [2]), славяне въ пору жатвы насыпали въ ковшъ просяныя зерна, подымали ихъ къ небу и молились: «Господи—ты который даешь намъ пищу! снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ». Въ Арконѣ жатвенный праздникъ сопровождался мольбою и жертвоприношеніями Святовиту, гаданіями о будущемъ урожаѣ и общественнымъ пиршествомъ (I, 377-8; III, 745-6). Иногда кукла, приготовляемая изъ послѣдняго снопа, представляется ребенкомъ (erntekind, kornkind). Въ зрѣломъ колосистомъ хлѣбѣ древній человѣкъ видѣлъ прекрасное дитя, порожденное плодовитою Землею, (сравни II, 489-490)—дитя, которое въ жатвенную пору отдѣляется отъ ея материнскаго лона. Это воззрѣніе очевидно изъ польскаго обыкновенія кричать тому, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья: «ты отрѣзалъ пуповину!» По народной примѣтѣ, та жница, которая связывала послѣдній снопъ, должна непремѣнно родить въ продолженіи года [3]).

---

[1]) Т. е. производитъ засуху, пускаетъ градъ и посылаетъ истребительныхъ насѣкомыхъ. — [2]) Ж. М. Н. П. 1868, X, стат. Хвольсона, 671. — [3]) Die korndämonen, соч. Маннгардта, 7—32.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ представленныхъ нами изслѣдованій мы въ правѣ сказать, что духовная сторона человѣка, міръ его убѣжденій и вѣрованій, въ глубокой древности не были вполнѣ-свободнымъ дѣломъ, а неизбѣжно подчинялись матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово человѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить свѣтить солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнею природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ человѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь человѣческую тяжелыми цѣпями, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предразсудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

Библиотека "Руниверс"

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

ТОМЪ I.

Стр. 34: Кто упадетъ въ первый день новаго года, тому предстоитъ скорая смерть — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332.

Стр. 38: Свѣжіе слѣды, оставленные воромъ, совѣтуютъ собирать въ мѣшокъ и вѣшать въ дымовую трубу, чтобы онъ высохъ какъ щепка — Beiträge zur D. Myth., I, 240.

Стр. 66: «Zaklinjem te suncem i misecom» — Илічь, 275 (народная пѣсня).

Стр. 73: Во Франціи крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяцъ или вечернюю звѣзду (Венеру), преклоняютъ колѣна и творятъ молитву — Beiträge zur D. Myth., I,252-3.

Стр. 74-76: «Die Ehe ist also die glücklichste, wenn während der Trauung Sonne und Mond zu gleicher Zeit am Himmel stehn, also das himmlische Paar ebenfalls ihre Vereinigung findet. Nach dem Grihyasûtra wurde die indische Hochzeit mit einem Hymnus auf die Hochzeit der Sonne und des Mondes (Sûrya und Soma) eingeleitet» — Громаннъ, 116.

Стр. 80: Луна (luna вмѣсто lucna, lucina, т. е. свѣтящаяся) отъ санкр. ruk — lucco; лат. luc-s, lumen (ви.

Библиотека "Руниверс"

luc-men), гр. λύχνος — leuchte, λευκός — бѣлый, слав. лучь — Курціусъ, 130.

Стр. 86-88: У различныхъ славянскихъ племенъ утренка означаетъ то утреннюю зорю, то звѣзду денницу (krasopani).

Стр. 93: Bělbožice—въ Чехахъ, Bělbožnicja — въ Галиціи (Часопись чешск. муз. 1863, I, 28). Въ «Сборникѣ памятн. нар. творчества въ сѣв.-запад. краѣ» (I, 115—7) напечатаны двѣ пѣсни, записанныя будто-бы въ минской губ., въ которыхъ упоминается про Чернаго бога; но пѣсни эти—не болѣе, какъ неудачная поддѣлка. Г. Котляревскій въ критической статьѣ своей, посвященной I-му т. Поэт. Воз., (стр. 23) доказываетъ, что бамбергскій истуканъ есть просто изображеніе льва, какія ставились въ средніе вѣка у церковныхъ дверей, и не имѣетъ никакого отношенія къ Чернобогу.

Стр. 96: Belenus въ древнихъ надписяхъ сопоставляется рядомъ съ именемъ Аполлона; ирл. beal, beul, bel—солнце —Галлы, соч. Георгіевск., 136-7.

На той-же страницѣ, 9 и 10-ую строки снизу слѣдуетъ читать:«Слова свѣтъ и свитъ если не филологически, то по значенію тождественны; ибо по древнѣйшему убѣжденію святой...» и т. дал. По замѣчанію г. Котляревскаго (Разборъ I т. Поэт. Воз., 30), мысль о сродствѣ означенныхъ словъ не можетъ быть принята, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить несогласуемый переходъ звуковъ: двоегласнаго ѣ=a+i и носоваго а. «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что слова эти различнаго образованія, отъ двухъ корней: çvit и çvam или çvan; оттого въ Ведахъ употребляется cvânta, въ санскр.—çveta, зендъ имѣетъ çpenta и çpâeta, Литва—szwentas и svêtas, славяне—свать и свѣтъ.»

Стр. 119: Οὐρανός нельзя сближать съ ὄρος; такому «сближенію противорѣчитъ разность корней: ὄρος—кор. gir

Библиотека "Руниверс"

(древ. gar), отсюда снкр. giris, зенд. gairi, слав. гора; οὐρανος отъ кор. ϰαρ—покрывать»—Разборъ г. Котляревъ., 30.

Стр. 120: О названіи горы «Anafielas» см. въ Разб. Котляр., 44. Сербы думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху, ибо на томъ свѣтѣ по ногтямъ будутъ судить: что дѣлалъ человѣкъ во время земной своей жизни (Гласник срп. друштва 1867, V, 193). Кашубы совѣтуютъ класть обрѣзанные ногти въ мѣшочекъ и носить на груди; а не то, по смерти, придется искать ихъ. Эти славянскія повѣрья напоминаютъ запретъ Эдды обрѣзывать ногти усопшему (German. Mythen, 630). Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ намъ, что въ одной изъ разрытыхъ имъ могилъ (во владимірской губ.) онъ нашелъ горшокъ съ обрѣзанными ногтями.

Стр. 129: Въ народномъ заклятіи (Рыбник., IV, 246) читаемъ: «ты Небо—отецъ, ты Земля—мать!»

Стр. 133: Въ Угорской Руси уцѣлѣли поговорки: «прабогъ го знае!» «иди до сто прабоговъ», «бѣсъ ти и сто прабозѣ!»—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 692.

Стр. 135-6: Снкр. pâ, наст. пиб-ати—пить и пи-jáти—становиться плодородными, жирѣть, пи́ван, пи́вара—жирный, тучный; сравни лой и лить — Труды Моск. Археол. Общ., I, в. 2 й, 229.

Стр. 138: Brisîṅga-men, санскр. maṇi—gemma, margarita, monile, перс. minu, греч. μάννος, μόννος, лат. monile, рус. монисты—Germ. Mythen, 702.

Стр. 141: Русскіе и чехи смачиваютъ первымъ весеннимъ дождемъ свои головы—для того, чтобы волоса росли также быстро и роскошно, какъ майская трава—Громаннъ, 52.

Стр. 142: «Земля-свята мати» (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 706). Чехи о негодномъ человѣкѣ выражаются: «není hoden, že ho země nosil» (Гануша: Дѣдъ и Баба, 7.) При первомъ

Библиотека "Руниверс"

весеннемъ громѣ они трижды цѣлуютъ землю и думаютъ, что это спасаетъ отъ удара молніи (Громанвъ, 40).

Стр. 146: Авторъ статьи «De diis samagitarum» (14, 40) разсказываетъ, что послѣ сбора жатвы народъ совершалъ жертвоприношеніе и обращался къ землѣ съ такою молитвою: «Haec tibi o Zemiennik deus, gratias agentes offerimus: quòd nos hoc anno incolumes conseruaris, et omnia nobis abundè dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus».

Стр. 147-9: По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 65), латыши для разрѣшенія поземельныхъ споровъ выходили на̀ поле, клали на голову глыбу торфа и произносили слѣдующую клятву: «утверждаю, что земля, на которой я стою, есть земля, данная мнѣ Богомъ; если-же слова мои ложны, то да изсохнемъ, почернѣемъ и пропадемъ, подобно этому торфу, я самъ, моя семья и мой скотъ!»

Ромулъ и его товарищи, оставляя Альбу, взяли съ собой по ко̀му земли, и эту священную для нихъ землю положили въ основаніе Рима—Куланжъ, 178.

Стр. 151: Въ гродненской губ. по окончаніи жатвы поютъ (Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западн. краѣ, 158-9):

Выйди, пане, за ворота,
Выкупь вѣнка з' золота!
Не з' золота вѣнокъ витый,
Да й з' густаго жита...

Стр. 153: Въ сербской пѣснѣ (сборникъ Петрановича, 493) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Што ће меня данак без сунашца, *)
Што ли ће ми лице без очију?

Въ восточной Сибири поселяне говорятъ о солнцѣ: Богъ глядитъ съ неба (Щаповъ, 68).

*) День безъ солнца.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 157: По чешскому повѣрью, кто указываетъ на звѣзды пальцемъ, тому упадетъ звѣзда на очи — и онъ ослѣпнетъ (Громанн, 32).

Стр. 163: Въ польской сказкѣ (Глинск., IV, 44—45) Солнце, воротившись вечеромъ домой, «rozciągnęło się na łożu koralowém» и вскорѣ заснуло.

Стр. 170: Сравни рус. моргать и литов. mirgu, mirgẽti—мерцать, сверкать (Дифенбахъ, II, 764; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 545).

Стр. 175: Народная пѣсня, записанная въ гродненской губ., говоритъ о погибшей дѣвицѣ: «гдѣ ея очки упали, тамъ свѣчки горѣли» (Сбор. памятн. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 244).

Стр. 176: Въ Младшей Эддѣ солнцу дается поэтическое названіе eldr himins ok lopts (feuer des himmels und der luft), и наоборотъ огонь называется sôl hûsanna (die sonne der häuser)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 49.

Стр. 181: «Už se s nim svečeriva» говорятъ чехи объ умирающемъ—Котляр. О погребальн. обычаяхъ, 186. Сербы не совѣтуютъ засыпáть въ то время, когда садится солнце (Гласник срп. друштва 1867, V, 150): повѣрье, возникшее изъ боязни, чтобы умирающее вечеромъ (=отходящее ко сну) солнце не увлекло вслѣдъ за собою въ загробное царство и того, кто при его закатѣ пожелаетъ отдаться безмятежному покою

Стр. 184: По мнѣнію чеховъ, послѣ солнечнаго заката не слѣдуетъ продавать молока; кто нарушитъ это правило, у того коровы не будутъ доиться — Громанн, 138.

Стр. 192: Періодъ возрастанія луны чехи считаютъ самымъ благопріятнымъ временемъ для стрижки волосъ, подрѣзыванія кустовъ, посадки деревьевъ и сѣянія хлѣба — Громанн, 30; болгары увѣряютъ, что хлѣбъ, посѣянный въ пол-

Библиотека "Руниверс"

полуніе, бываетъ крупный, золотистый и полный, какъ луна (сообщ. Караведовымъ). См. также Труды Моск. Археолог. Общ., в. II, ст. Потебни 157.

Стр. 200. Загадка: «мати—товсцюха, дочка—золотуха» означаетъ: печь и огонь—Сбор. памятн. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 295.

Стр. 205: Больныхъ желтухою (gelbsucht) чехи заставляютъ смотрѣть въ золотую чашу или носить на шеѣ золотое кольцо—Громанъ, 154. Къ подобнымъ средствамъ прибѣгали и древніе индусы. Золотая чаша—эмблема солнца (Поэт. Воз., I, 177; у нѣмцевъ употребительно выраженіе «goldne sonne»—Die Symbolik von Sonne und Tag, 30).

Стр. 213: «Свѣти, мѣсячку, свѣти ясно, якъ млынске коло»; «зôйди, мѣсячку, такъ, якъ млынске коло» — воззванія карпато-русинскихъ пѣсень (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 704). Въ чешской сказкѣ (Малый: Narodni bachorky a povĕsti, 180) богатырь, смотря на солнце, говоритъ чорту: «divam se na to kolečko, zdali bych je mohl dolů srazit».

Стр. 214: Польская сказка (Глинск., III, 7) упоминаетъ о перстнѣ-златодавцѣ. — Въ народномъ заговорѣ (Новг. Г. В. 1866, 4) читаемъ: «и всѣ частыя звѣздочки — бѣлинькіе камушки».

Стр. 216—7: Когда солнце, прорѣзывая своими лучами темныя гряды облаковъ, озаряетъ ихъ золотистымъ свѣтомъ,—скандинавскій ратникъ усматривалъ въ этихъ облакахъ воинственныхъ дѣвъ Одина (валькирій), несущихся по воздуху на дикихъ коняхъ и вооруженныхъ копьями и щитомъ — Die Symbolik von Sonne und Tag, 11.

Стр. 219: Старинный хронографъ сообщаетъ слѣдующее повѣрье: «одежда и вѣнецъ царскій на немъ (солнцѣ)... и егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни со-

Библиотека "Руниверс"

влекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господни»—Рыбник, IV, 185.

Стр. 222: Пряжити сближается съ снскр. bradždž—assare (Radic. linguae slov., 66); слово пряжа происходитъ отъ другаго корня.

Стр. 232 Заговоръ, напечатанный въ Ч. О. И. и Д. 1867 г. (IV, смѣсь, 166), замѣняетъ дѣву Зорю св. Анастасіей: на морѣ-на окіанѣ, на островѣ (на Буянѣ) сидятъ въ церкви св. дѣвица Анастасія, «держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ болѣть и крови идти заповѣдываетъ».

Стр. 234: 28-го октября крестьянки шьютъ новый лепъ и приносятъ «первину» въ церковь — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 198.

Стр. 251: Къ Перкуну обращались съ такимъ воззваніемъ: «Perkune dëvaitu! ne muszki unt mana dirvòs, melsu, tavi palti messu»=Perkun Gottchen! schlage nicht auf mein Saatfeld, (darum) werde ich bitten, ich werde dir eine Speckseite hinwerfen. По другому чтенію: «Perkune dewajte! ne muszk und mana: Tiewe meldzio tawi paltu messu»=Perkun Gottchen! schlage nicht auf das Meinige, o Vater, ich bringe dir mit Gebet das Fleisch einer Speckseite dar (De diis samagitarum, 32, 57; см. также Труды Моск. Археол. Общ., I, 47, матер. для словаря).

Стр 253: Тунару соотвѣтствуетъ у галловъ Tanarus; кимр. и армор. taran—громъ, молнія, блудящій огонь (Галлы, соч. Георгіев., 111). Mjölnir означаетъ: «раздробитель» отъ корня mar=mal—растирать, дробить, ломать; слав. молнія, молотъ и млѣть (увядать) относятся къ тому-же корню (М. Мюллеръ, см. Филол. Записки 1868, IV-V, 306).

Русскія няньки унимаютъ капризныхъ дѣтей угрозою: Богъ камушкомъ убьетъ!»

Библиотека "Руниверс"

Стр. 256: Петрей («Истор. о вел. княжествѣ московскомъ», пер. Шемякина, 48) записалъ народное преданіе, будто изъ камня, который держалъ въ своей рукѣ идолъ Перуна, вылетали во время грозы огненныя искры.

Стр. 257-8: У кельтовъ, передъ началомъ войны, вождь собственнымъ мечемъ заколалъ козу и обагрялъ ея кровью обожженную въ огнѣ палку; воины носили эту палку изъ одного селенія въ другое и призывали народъ готовиться къ битвамъ (Оссіанъ, перев. Кострова, I, стр. XXX).

Стр. 265: Когда послышится громъ, литвины говорятъ: «werzajs barrahs!»=старикъ ворчитъ! (Труды Моск. Археол. Общ., I, 48, матер. для словаря.)

Стр. 267: Кто носитъ при себѣ «громовую стрѣлку» или осколокъ дерева, въ которое ударила молнія, тотъ будетъ здоровъ и силенъ—Громанн, 39-40.

Стр. 291: Если на Юрьевъ день (23 апр.) падаетъ крупа (мелкій градъ), то это предвѣщаетъ хорошій урожай гречихи.—Чтобы разогнать собирающуюся грозу, старухи выбрасываютъ за окно пестъ съ этими словами: «иди, гроза, дальше! пестомъ убью» (пошехонск. уѣзда).

Стр. 297: Лужичане лѣчатъ больные глаза водою, собранною утромъ, при восходѣ солнца, изъ брызгъ, летящихъ отъ мельничнаго колеса—Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 327.

Стр. 308: Когда свиститъ дѣвица, то Богородица плачетъ, а чортъ смѣется (Громанн, 224; Beiträge zur D. Myth., I, 237), т. е. свистящіе вихри вызываютъ грозу; слезы Богородицы (Фреи)=дождь, а дьявольскій хохотъ=громъ.

Стр. 320: По поводу названій Pogoda и Pochwist г. Котляревскій (Разб. I-го т. Поэт. Воз., 44-45) высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ. Кажется, что первое имя произошло

Библиотека "Руниверс"

изъ желанія объяснить Подагу Гельмольда; Длугошъ для этого только переставилъ слоги въ выраженіи своего источника. Имя Похвистъ... какъ собственное не древнѣе польскаго хрониста».

Стр. 322: Г. Микуцкій названіе музыкальнаго инструмента домра (дъмна) производитъ отъ снкр. dhaṁ, литов. думти (наст. думю), др.-слав. дути (дъму)—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 580.

Стр. 332: Польскія сказки (Глинск., II, 33; III, 35—37) разсказываютъ о гусляхъ-самограяхъ, что они издаютъ такіе чудные звуки, «że w całym dworze zdrowi w skoczny taniec poszli, chorzy wnet pozdrowieli, smutni śmiać się zaczęli». Въ миніатюрахъ средневѣковыхъ рукописей царь Давидъ изображается играющимъ передъ гробомъ Спасителя, дабы звуками музыки пробудить его изъ мертвыхъ (Гануша: Дѣдъ и Баба, 19).

Стр. 338: Г. Котляревскій (Разб. I т. Поэт. Воз., 45) приписываетъ скоморохамъ (scamari, scamaratores, σκαμάρεις) иноземное происхожденіе.

Стр. 350-1: Чехи называютъ радугу boži duha и думаютъ, что она убиваетъ того, кто станетъ указывать на нее пальцемъ—Громанъ, 40-41.

Стр. 352-3: По мнѣнію г. Микуцкаго, слово радуга первоначально произносилось рай-дуга, т. е. райская, небесная дуга; звукъ й поглощенъ—точно также, какъ въ словѣ поди вмѣсто пойди (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 597). Чешск. oř—конь происходитъ отъ корня ru—sonum edere (ржать), и не можетъ быть сближаемо съ словами: aga, arvan, arelis и пр.—Разб. I т. Поэт. Воз., 31; Дифенбахъ, I, 71.

Стр. 355: Кашубск. tąga=dąga, дуга—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. эти., I, 595.

Стр. 356. Загадка: «крашеное коромысло черезъ рѣку

Библиотека "Руниверс"

свисло» означаетъ радугу — Дѣтск. Пѣсни, собран. Безсоновымъ., 221.

Стр. 363: Чехи не позволяютъ указывать на радугу пальцемъ, ибо на ней, какъ на тронѣ, возсѣдаетъ царица небесная Пресв. Марія (Гануша: Дѣдъ и Баба, 60).

Стр. 374-5: Авторъ статьи «Die Symbolik von Sonne und Tag, 68, предлагаетъ слѣдующее объясненіе мнѣнія объ Одиновомъ глазѣ, сокрытомъ въ источникѣ Мимира: небо имѣетъ одно солнце (свѣтило, называемое въ Младшей Эддѣ eyglóa =augenglanz), и потому Одинъ—одноглазый; другой глазъ его сокрытъ въ источникѣ Мимира, что̀ указываетъ на отраженіе солнца въ водахъ земныхъ потоковъ.

Стр. 378: Обычай пить на здравіе и благополучіе г. Котляревскій объясняетъ изъ древнѣйшаго воззрѣнія на вино, какъ напитокъ, знаменующій амриту (О погреб. обыч., 216).

Стр. 385: Нѣмцы даютъ пчелѣ названія Herrgottsvögel, Marienvögel — Beiträge zur D. Myth., II, 450—1; у чеховъ существуетъ повѣрье, что пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его челѣ потъ—Громанъ, 84.

Стр. 394: Скиѳы, заключая договоръ, наливали въ большую глиняную чашу вино, смѣшивали его съ собственною кровью, которая тутъ-же добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; затѣмъ погружали въ чашу мечь и стрѣлы, и приготовленный такимъ образомъ напитокъ выпивали послѣ произнесенія клятвы—Геродотъ, IV,гл. 70. У арменъ, иверцовъ и другихъ древнихъ народовъ царя, при заключеніи мира и дружественныхъ союзовъ, перевязывали на своихъ рукахъ большіе пальцы, прокалывали ихъ и лизали другъ у друга выступавшую кровь—ibid., I, гл. 74; Annales Тацита, XII, гл. 47. О кровавыхъ роспискахъ, вручаемыхъ чорту, см. Кіевлян. 1865, 57; Громанъ, 27.

Библиотека "Руниверс"

Снкр. cvas (вмѣсто kvas)—spirare, sibilare, stridere, скан. hvasa—шипѣть, чеш. кысати—находиться въ броженіи, киснуть—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 558. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ квасъ употребляется въ значеніи хмѣльнаго напитка, квасникъ—пьяница—Опис. слав. рукоп. моск. синод. библіот., отд. II, в. I, 164, в. II, 264.

Стр. 397: Чтобы вылѣчить больнаго желтухою, чехи совѣтуютъ плюнуть ему неожиданно въ лицо или очи—Громанн, 154; см. также стр. 224. У народовъ античныхъ произнесеніе заговоровъ сопровождалось сплевываніемъ—Куланжъ, 282.

Стр. 426: По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, не измѣняя ни единаго выраженія—онъ непремѣнно сбудется (Иллюстр. 1845, 250). Греки и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формулами; «такая-то молитва, изъ такихъ-то словъ, увѣнчалась тѣмъ «именно успѣхомъ, о какомъ просили; конечно, это оттого, что «богъ ее выслушалъ, что она оказалась сильною, сильнѣе са«мого бога, такъ какъ онъ не смогъ ей воспротивиться. Вотъ «и сберегли въ памяти таинственныя и священныя выраже«нія этой молитвы. Сынъ повторялъ ихъ вслѣдъ за отцемъ. «Какъ скоро научились писать, они были записаны. У каж«дой семьи была книга, содержавшая въ себѣ извѣстныя за«клятія, которыя произносились предками и непремѣнно вы«полнялись богами. Это было оружіе, употребляемое человѣ«комъ противъ непостоянства его боговъ. Только не надо бы«ло измѣнять въ заклятіяхъ ни одного слова, ни одного звука «ни—главное—того ритма, какъ произносились они на рас«пѣвъ; тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги были-бъ «властны ея не выполнить... Напрасно живой языкъ измѣнялся «вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями; слова и ритмъ священныхъ «пѣсней оставались тѣже, и во время празднествъ поющему пѣли ихъ, ничего въ нихъ не понимая»—Куланжъ, 221-3.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 447: См. замѣчанія, высказанныя г. Котляревскимъ въ Разборѣ 1 т. Повѣт. Воз., 41. «Wenn ein frauenzimmer einem manne von ihrem menstrualblut beizubringen weiss, so dass ers im essen oder trinken nimmt, dann hat sie seine liebe für ewig sicher gewonnen»—Beiträge zur D. Myth., I, 210.

Стр. 471, строка 18-я сверху: Неточное выраженіе: «и островъ, и камень—метафоры тучи» слѣдуетъ замѣнить ссылкою на главу XVI.

Стр. 497: Въ славянскихъ сказкахъ упоминается о вѣронахъ, облетающихъ весь свѣтъ и приносящихъ вѣсти старцу, который записываетъ эти вѣсти въ книгу—Гануша: Dĕwa. 19.

Стр. 500: Когда идетъ снѣгъ, чехи говорятъ, что bila paní и ангельчики перестилаютъ свои постели; а въ Моравіи думаютъ, что въ это время Богъ ударяетъ бичемъ и сшибаетъ съ голубей перья — Гануша: Дѣдъ и Баба, 21, 30.

Стр. 501-2: Если вынуть изъ трехъ воронов и трехъ кротовъ сердца, пережечь ихъ въ пепелъ, и потомъ смѣшать этотъ пепелъ съ порохомъ и дробью, то ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадетъ даромъ—Громанн, 208.

Стр. 504: Въ старинныхъ рукописяхъ словомъ ногъ (noh, nog) переводится «грифъ»—Опис. слав. рук. синодальн. библіот., отд. II, в. II, 147.

Стр. 510-511: Полетъ орла предвѣщаетъ побѣду (Воен. Библіот., 132 — Ксенофонта: Отступленіе десяти тысячъ, кн. VI). Когда дерутся галки и щебечутъ сороки, чехи ожидаютъ скорой войны; сову они называютъ smrtonoška: садясь на окно или кровлю дома, птица эта предвѣщаетъ пожаръ и смерть — Громанн, 65—67. Вороны своимъ полетомъ и крикомъ пророчатъ болѣзни и моръ—Beiträge zur D. Myth., I, 250—3.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 512: Когда летитъ Гаруда, отъ удара ея крыльевъ возстаетъ буря—Beiträge zur D. Myth., II, 362.

Стр. 517: Въ старинный хронографъ занесено слѣдующее повѣрье: «и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы, нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крылія свои въ водѣ окіанстей и кропятъ ими солнце, да не попалятъ лучами своими. Отъ огня солнечьнаго тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи... и паки купа(а)ются въ окіанѣ и обновляются»— Рыбн., IV, 185. По замѣчанію г. Миллера (ibid., стр. XXXI), двѣ огненныя птицы, прочищающія дорогу солнцу, напоминаютъ индійскихъ Асвиновъ; «о первоначальномъ значеніи «этихъ послѣднихъ, какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, «см. въ Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. Куна, XIII, 114; «объ Асвинахъ, какъ миѳахъ зори утренней и вечерней, «см. у Петерсена въ его Mythologie der Griechen. Что ка«сается того, что птицы въ нашемъ сказаніи омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, то въ «этомъ, повидимому, сохранилось прекрасное миѳическое ука«заніе на сопряженное съ зорею явленіе росы». Съ своей стороны мы думаемъ, что подробность эта стоитъ въ тѣсной связи съ миѳомъ о купающемся солнцѣ — см. Поэт. Воз., II, 123—130.

Стр. 522-5: Если пѣтухъ остановится посреди двора, и ударя крыльями, издастъ троекратный возгласъ, то ожидаютъ пожара. Тоже предвѣстіе соединяютъ и съ крикомъ краснопероѣ курицы. Въ Богеміи до сихъ поръ на церквахъ, часовняхъ, домахъ и придорожныхъ крестахъ ставятъ красныя или вызолоченыя жестяныя изображенія пѣтуховъ. Пѣтухъ и куры считаются у чеховъ вѣщими птицами, предсказывающими хорошую погоду или ненастье, изобиліе или неурожай. Курица, поющая пѣтухомъ, предзнаменуетъ разоре-

Библиотека "Руниверс"

ніе, пожаръ и близкую кончину кого-либо изъ домашнихъ; чехи совѣтуютъ убивать ее, а словаки — бросать въ воду («čertovi poslat»). Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастіе и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ— Громанн, 75—76, 229.

Стр. 529: Нечистый духъ охотно принимаетъ образъ ворона. У индѣйцевъ воронъ и ворона признавались зловѣщими птицами; по мнѣнію чеховъ, онѣ появленіемъ своимъ и карканьемъ пророчатъ бѣдствія и распри. Коршунъ прилетаетъ къ чародѣямъ, какъ гонецъ, присланный чортомъ — Громанн, 65—66.

Стр. 532: По чешскому повѣрью, если яйцо, снесенное черною курицею въ четвергъ, носить девять дней подъ мышкою, то изъ него вылупится šotek, который станетъ заботиться о счастіи своего хозяина и будетъ исполнять всѣ его желанія—Громанн, 16, 18; Beiträge zur D. Myth., I, 250.

Стр. 534: Когда раздастся сильный, потрясающій ударъ грома, прирейнскіе жители говорятъ въ ужасѣ: do fallen alle nüng! (упали всѣ девять кеглей!) Народная сказка заставляетъ героя Молнію (Blitz) играть въ кегли и бросать шаръ (kugel), который въ быстромъ полетѣ свѣтится яркимъ пламенемъ, и послѣ каждаго удара, подобно Торову молоту, самъ собою возвращается въ руки миѳическаго игрока. Славяне знаютъ Перуновъ шаръ (Paroms gula), поражающій нечестивыхъ и преданныхъ проклятію—Beiträge zur D. Myth., II, 120—1. По мнѣнію чеховъ, молнія есть круглый огненный камень, величиною съ пулю или съ волошскій орѣхъ. Во время лѣтней грозы ангелы, апостолъ Петръ или самъ Господь бросаютъ эти камни и производятъ громовый грохотъ — Громанн, 37, 212.

Стр. 541. Slov. povesti, изд. Škultety a Dobšin., I, 5: сказочный богатырь сражается съ дракономъ, а голуби крыльями своими отмахиваютъ отъ него змѣиный пламень.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 543: Г. Микуцкій сближаетъ слово Guth, God, Got (богъ) съ санскр. guh (вм. gudh) — tegere, occulere, и думаетъ, что первоначально оно означало небо (=кровъ), точно также, какъ литов. дангус—небо отъ денгти—крыть и латыш. юмалс отъ юмт (съ тѣми-же значеніями) — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 591. Говоря о частыхъ и продолжительныхъ дождяхъ, бѣлоруссы употребляютъ выраженіе: «небо продралося»—ibid., 361.

Стр. 552: «Облацы плаваютъ»—Опис. слав. рук. синод. библ., отд. II, в. II, 242.

Стр. 557-8: «Въ Народ. южнорус. сказкахъ» (изд. Рудченко, I, 123) упоминается кабанъ, «що носомъ оре, ушима сіе, а хвостомъ волочить.» Beiträge zur D. Myth., II, 409: «Im symposion sagt Plutarch von dem schwein, dass es rostro terram findens vestigium arationis impresserit ac vomeris opus subministraverit; und Grimm sagt auch: einen grund der heilighaltung des ebers findet man darin, dass er die erde aufwühlt und die menschen von ihm das pflügen gelernt haben.» — Въ Гаргантѣ боги спускаютъ съ неба плугъ, булаву и лукъ—Вѣст. Евр. 1868, II, 654.

Стр. 565-9: Въ Чехахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому, при началѣ весенних посѣвовъ, крестьяне отправляются ночью на̀ поле, вмѣстѣ съ голою дѣвицею и чернымъ котомъ, и тащатъ за собою плугъ; тамъ приготовляютъ они глубокую яму, бросаютъ въ нее чернаго кота и зарываютъ его въ землю. Въ прежніе годы плугъ вывозили на̀ поле три голыя женщины—Громанъ, 143-4.

Стр. 570: Въ бурныя лѣтнія грозы чехи выставляютъ надъ стрѣхою помело, или кладутъ топоръ остріемъ кверху—для того, чтобы предохранить свои нивы отъ града (Громанъ, 38; Гануша: Дѣдъ и Баба, 55).

Библиотека "Руниверс"

Стр. 571: Когда дождь идетъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы говорятъ: «коробоиъ солнце, ситомъ дождь!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 332. По чешскому повѣрью, Мелюзина, осужденная носиться по воздуху въ бурныхъ вихрахъ, держитъ въ рукахъ сито и сыпетъ изъ него градъ и крупу—Громанн, 3.

Стр. 574: На страстную пятницу хозяинъ объѣзжаетъ свои поля верхомъ на помелѣ и втыкаетъ въ землю осиновыя вѣтки; дѣлается это съ тою цѣлію, чтобы кроты не рыли полей и не вредили посѣвамъ—Громанн, 59.

Стр. 579: На берегахъ Рижскаго залива найдены могилы, около которыхъ лежатъ камни, сложенные на подобіе лодокъ; латыши называютъ эти могилы чортовыми лодками — Археолог. Вѣстникъ 1867, I, 33.

Стр. 581: Владиміръ Мономахъ, по его собственному выраженію, писалъ свое поученіе дѣтямъ «сѣдя на санѣхъ», т. е. на смертномъ одрѣ.

Стр. 595: Отголосокъ древняго мина о Фаэтонѣ находимъ въ малорусской сказкѣ (см. сборн. г. Рудченка, I, 93-94). Добрый молодецъ женится на солнцевой дочери, и купаясь въ молокѣ, дѣлается такой «ясній, неначе сонце» (сравни Поэт. Воз., II, 125). Солнце уступаетъ ему свой стулъ (престолъ), на которомъ и выѣзжаетъ онъ погулять по свѣту; всѣ встрѣчные на пути принимаютъ его за праведное Солнце. Во время этого поѣзда добрый молодецъ попалилъ чуть не половину небесныхъ виноградниковъ.

Стр. 600: Малороссійская сказка (Рудченко, I, 138) повѣствуетъ о заключенной подъ землею царевнѣ: «вона вже не одинъ цеберъ наплакала, такъ що слези йиї ажъ на сей свитъ сходять... Якъ тилько сонечко зажевріе, то по всякому дереву и по всякій билини роса и выступае. Оце-жъ не що, якъ тіи слёзи!» Въ литовской пѣснѣ (Юшкевич., 9-10) Соли-

Библиотека "Руниверс"

це, обѣщаясь оплакать убитаго молодца, говоритъ, что оно въ продолженіи девяти дней каждое утро будетъ восходить во мглѣ.

Стр. 601: Если въ день свадьбы идетъ дождь, то невѣста будетъ оплакивать свое замужство (чехи увѣряютъ, что ей прійдется пролить столько-же слезъ, сколько упало въ этотъ день дождевыхъ капель), а если сіяетъ солнце, то будетъ смѣяться, веселиться — Громанъ, 119; Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

Стр. 603: О дождѣ, идущемъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы выражаются: «царевна (=богиня Фрея) плачетъ»—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 460.

Стр. 612. Народная загадка: «сива (вар. билая) кобыла весь лясъ поjила» означаетъ: пламя очага—Сборн. памятн. нар. творч. въ сѣв.-запад. краѣ, I, 298, 300.

Стр. 615: О конѣ Ильи Муромца народная пѣсня (Рыбн., IV, 24) говоритъ:

Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Тутъ становятся колодцы ключевой воды.

Стр. 634: По мнѣнію чеховъ, бѣлые кони приносятъ дому счастіе; если свадебный поѣздъ, ворочаясь изъ церкви, повстрѣчаетъ бѣлую лошадь (или корову) — это знакъ, что Богъ благословитъ молодую чету чадородіемъ; напротивъ встрѣча съ черною лошадью (или быкомъ) сулитъ новобрачнымъ бездѣтство; громкое ржаніе коней предвѣщаетъ войну—Громанъ, 53, 120. Дарій Истаспъ былъ взбранъ на царство по ржанію коня.—Геродотъ, кн. III, гл. 84.

Стр. 637: Священное значеніе конской головы до сихъ поръ имѣетъ силу въ Персіи; личность преступника считается тамъ неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ конюшнѣ или держится за конскую голову — Археол. Вѣстникъ 1867, II, 53.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 640: «Илля насюкавъ въ рѣку» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 317. Если олень валяется на лугу или нивѣ—это служитъ предвѣстіемъ урожая; по болгарскому повѣрью, онъ приноситъ съ собою росу, которая капаетъ изъ его главъ (сообщ. г. Каравеловымъ). По свидѣтельству народной саги, олень, ударяя въ землю копытомъ, выбиваетъ изъ нея водный источникъ—Beiträge zur D. Myth., II, 425.

Стр. 641-2: Заяцъ, пробѣжавшій черезъ деревню, принимается у чеховъ за предвѣстника пожара — Громанъ, 57-58.

Стр. 645: Бѣлоруссы о томъ, кто нечаянно прожжетъ свою одежду, выражаются: «лисицу поймавъ!»—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 404. Финны сѣверное сіяніе называютъ лисьимъ огнемъ — см. Reinhart fuchs Гримма. Г. Микуцкій слова лисъ, лиса производитъ отъ снкр. рѣш —laedere, perdere, interficere (Зап. Р. Г. О. по отдѣлен. этногр., I, 576).

Стр. 646: Стихійные духи, посылающіе на землю дожди, даруютъ людямъ хлѣбъ насущный (урожай). Вотъ почему по южнорусскому повѣрью: когда гремитъ громъ — это Господь ѣздитъ по небу въ своей колесницѣ и возитъ калачи (см. Поэт. Воз., I, 265); въ дѣтской пѣснѣ ворона варитъ кашу (т. е. заваривает въ грозовомъ пламени зёрна дождя; сравни Поэт. Воз., I, стр. 522); наконецъ и лиса приноситъ при началѣ весны вкусные гостинцы.

Стр.648:Трехцвѣтная кошка охраняетъ домъ отъ пожара; когда кошка играетъ съ своимъ хвостомъ — надо ожидать вѣтреной погоды; наканунѣ Рождества Христова или весною чехи ловятъ чернаго кота и зарываютъ его въ полѣ или въ саду подъ деревомъ—для того, чтобы злые духи не вредили урожаямъ (Громанъ, 55-56, 87; Beiträge zur D. Myth., II, 439).

Библиотека "Руниверс"

Стр. 663: Литов. акис — око, глазъ, означаетъ также и водяную жилу, родникъ; у латышей ака — колодезь; въ Карпатахъ и Татрахъ горнымъ озерамъ даютъ названіе: морске око—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 585.

Стр. 667: Чехи во время грозы боятся дотрогиваться до молока, чтобы не убила молнія—Громанн, 38.

Стр. 683: Когда на небѣ видны бѣлыя облачки — это, по словамъ чеховъ, «св. Петръ пасетъ овечекъ» или: «св. Петръ печетъ хлѣбы» (готовитъ урожай)—Громанн, 32.

Стр. 687: Въ Болгаріи, наканунѣ Новаго года, старуха беретъ сухое овечье руно и выставляетъ его на ночь въ сѣни; если по утру руно будетъ влажно (отсырѣетъ), то наступающій годъ обѣщаетъ изобиліе, и наоборотъ: если руно останется сухимъ, то годъ будетъ несчастливый (неурожайный)—Моск. Газета 1866, Каравелова: «Святки у болгаръ».

Стр. 711-2: Въ парохіи Вишневской (говоритъ Иличъ, стр. 144), есть церковь св. Георгія, куда ежегодно на Юрьевъ день приходятъ пастухи и молятся объ охраненіи ихъ стадъ отъ волковъ.

Стр. 721: По мнѣнію г. Микуцкаго (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 606), слова хортъ (хрътъ, литов. куртас)—борзая собака и хрълъ—celer одного корня.

Стр. 727: Для того, чтобы утихла буря, чехи высыпаютъ за окно, на улицу, муку и соль—Громанн, 36.

Стр. 730: На Исполиновыхъ горахъ разсказываютъ о лѣсномъ охотникѣ, который въ извѣстные дни носится по лѣсамъ, сопровождаемый четырьмя огненными собаками. Въ Арнау думаютъ, что дикой охотникъ является вмѣстѣ съ бурею и ломаетъ деревья; кто повстрѣчается съ нимъ въ лѣсу, того ожидаетъ скорая смерть. Разсказываютъ еще, будто дикой охотникъ ѣздитъ въ глухую полночь на безголовомъ козлѣ, а передъ нимъ бѣгутъ двѣ собаки, послушныя его

Библиотека "Руниверс"

громкому свисту. Народная фантазія даетъ ему зеленое платье, длинные охотничьи сапоги, ружье и кортикъ. Когда въ полночь надвинутся черныя тучи — крестьяне думаютъ, что въ нихъ мракѣ скрывается дикой охотникъ, и чтобы прогнать его—совѣтуютъ стрѣлять въ облака (Громанн, 3-4). Въ повѣрьяхъ этихъ нельзя не замѣтить значительнаго вліянія нѣмецкихъ сагъ.

Стр. 732: По чешскому повѣрью, передъ кончиною человѣка является огромная черная собака, обходитъ вокругъ дома, въ которомъ лежитъ умирающій, и располагается гдѣ-нибудь вблизи этого жилища; когда человѣкъ умретъ—собака немедленно исчезаетъ. Точно также въ Вестфаліи разсказываютъ о собакѣ, которая ночью, передъ смертію каждаго изъ членовъ семейства, трижды обѣгаетъ домъ, и затѣмъ немедленно удаляется на церковный дворъ; во время заразительныхъ, повальныхъ болѣзней она бываетъ жирная и тучная. Въ этой собакѣ нетрудно узнать небеснаго пса (Sârameya), который, по индѣйскимъ преданіямъ, являлся къ людямъ, какъ посланникъ Ямы, властителя усопшихъ—Громанн, 187.

Стр. 733: У болгаръ существуетъ примѣта: если собака валяется на засѣянной нивѣ, то этимъ она предвѣщаетъ хорошій урожай (сообщено г. Караведовымъ).

Стр. 736: У чеховъ глазная болѣзнь извѣстна подъ названіемъ nočni mlha или vlčí mlha (мгла)—Громанн, 174.

Стр. 738 и 740: Сканд. vargr—latro, maleficus, lupus г. Микуцкій сближаетъ съ рус. вергать, литов. варгти—быть отвержену, брошену, варгас — нужда, бѣдность, вергас—рабъ; врагъ (ворогъ)—отверженный, извергъ — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 576.

Стр. 739: Сопутствуя богу весенних грозъ, волки-вихри мчатся въ дикой охотѣ, какъ его ловчіе псы, и помогаютъ ему истреблять темныхъ демоновъ. По народному повѣрью,

Библиотека "Руниверс"

чертей столько-бы расплодилось, «що-й свиту-бъ не було, якъ бы іихъ громъ не бивъ та вовки не вяідали!» (Рудченко: Нар. южнорус. сказки, I, 73.)

Стр. 756: «Loki den wolf Fenrir und die schlange Jörmungandr zeugte, gandr aber wiederum wolf bedeutet»—D. Myth., 1049. Въ русскихъ сказкахъ змѣй и желѣзный волкъ выступаютъ съ одинаковымъ демоническимъ характеромъ.

Стр. 766: Въ 1302 году, когда французы снаряжались къ битвѣ и графъ Артуа сталъ надѣвать оружіе, ручной волкъ его бросился на своего господина и принялся срывать съ него воинскіе доспѣхи. Графъ прогналъ волка, вступилъ въ битву, но потерпѣлъ пораженіе—Beiträge zur D. Myth., I, 27.

Стр. 771: Чтобы дѣти не трогали огня, имъ говорятъ: «онъ тебя укуситъ»—Вилен. Сборн., I, 190-1.

Стр. 775: Ильчь (стр. 251) сообщаетъ поговорку: «ike na měsec laje, izpast će mu zubi».

Стр. 782: Встрѣча съ овечьимъ гуртомъ считается добрымъ знакомъ, а встрѣча со стадомъ свиней сулитъ несчастіе—Громаннъ, 220.

Стр. 787: Сѣверные поэты называли солнце свѣтлою невѣстою (heidh brûdhr himins)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

ТОМЪ II.

Стр. 2: Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) называетъ славянъ огнепоклонниками — Ж. М. Н. П. 1868, X, 671.

Стр. 3-4: Названіе радуница г. Котляревскій (О погребал. обычаяхъ, 251) сопоставляетъ съ ведійс. radanh—жертвоприношеніе отъ корня râd—давать, приготовлять, и даетъ ему значеніе обѣта (сер. дати). Но г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 624) замѣчаетъ, что слова radanh не существу-

Библиотека "Руниверс"

етъ. «Авторъ (говоритъ онъ), вѣроятно, хотѣлъ привести зендское râdaṇh, которому въ санскритѣ слѣдуетъ считать соотвѣтствующимъ râdh-as. Но гортанное ṇ передъ h въ зендскомъ языкѣ не имѣетъ ничего общаго по происхожденію со звукомъ *н* въ словообразовательномъ слогѣ *ни* русскаго радуница». Г. Даль производитъ слово «радуница» отъ глагола радовать; соглашаясь съ его мнѣніемъ, г. Лерхъ добавляетъ: «по корню своему и радуница и радовать могутъ быть одного происхожденія съ зенд. râdaṇh и санкр. râdhas, но суффиксы ихъ разные».

Стр. 19: Чтобы избавиться отъ болѣзни, сербы проходятъ промежъ двухъ костровъ, разведенныхъ съ помощію живаго огня— Гласник срп. друштва 1867, V, 167.

Стр. 40: Въ малорусскихъ сказкахъ (Рудченко, I, 83, 86) Солнце и Мѣсяцъ, при посѣщеніи ихъ странствующими героями, говорятъ: «що це таке, що руська кость смердить!»

Стр. 42-43: Въ Ливоніи прежде, чѣмъ семья приступала къ изготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья пивомъ—Ч. О. И. и Д. 1868, II, 62 (Олеарій).

Стр. 55: По свидѣтельству Аристотеля: «забота вѣдать всенародныя жертвоприношенія гражданской общины принадлежала, по религіозному обычаю, не особымъ жрецамъ, но лицамъ, занявшимъ санъ свой отъ огнища, и которыхъ здѣсь называли царями, тамъ пританами, индѣ архонтами». Каждая община имѣла свой государственный очагъ, свое огнище, блюстителемъ котораго былъ царь; неспособный къ жречеству не могъ быть и царемъ. Такъ одинъ изъ древнихъ царей Сикіона былъ низвергнутъ, потому что, осквернивъ руки смертоубійствомъ, уже не могъ приносить жертвъ. «Гомеръ и Виргилій представляютъ намъ царей, безпрерывно-занятыхъ священными обрядами. Мы знаемъ изъ Демосѳена, что древніе цари Атти-

Библиотека "Руниверс"

ки сами совершали всѣ жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины; знаемъ изъ Ксенофонта, что спартанскіе цари были главами лакедемонской религіи... Тоже самое и римскіе цари; преданіе всегда изображаетъ ихъ священниками»—Куланжъ, 230-1, 239.

Стр. 61-62: У древнихъ писателей встрѣчаемъ выраженія: «боги, сидящіе у моего очага; Зевсъ моего огнища; Аполлонъ моихъ праотцевъ». «Умоляю тебя, говоритъ Текмесса Аяксу, именемъ твоего пріочажнаго Зевса»; волшебница Медея говоритъ у Еврипида: «клянусь Гекатою, богиней, обитающей въ святилищѣ моего очага!»—Куланжъ, 160.

Стр. 67: Обычай зажигать на храмовой праздникъ большую восковую свѣчу, покупаемую на общій мірской счетъ, соблюдается во многихъ селахъ. Въ мосальскомъ и жиздренскомъ уѣздахъ такая свѣча въ продолженіи цѣлаго года хранится въ очередной избѣ, и дому этому, какъ хранителю святыни, оказывается особенное уваженіе. За нѣсколько дней передъ наступленіемъ храмоваго праздника со всѣхъ дворовъ собираютъ ржаной солодъ, хмѣль и разные съѣстные припасы, изъ которыхъ варится пиво и готовится обильная трапеза. Въ день праздника поселяне сходятся въ церковь, и послѣ обѣдни подымаютъ чествуемую икону и несутъ въ ту избу, гдѣ стоитъ мірская свѣча. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ икону съ хлѣбомъ-солью становятъ ее на лавкѣ, усыпанной рожью, ячменемъ и овсомъ, и зажигаютъ передъ нею мірскую свѣчу. Затѣмъ совершается молебствіе, и по окончаніи его икона и свѣча переносятся въ слѣдующій очередной домъ, гдѣ также служатъ молебенъ. Послѣ того икону возвращаютъ въ церковь, и праздникъ заключается общественнымъ пиршествомъ. — Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 3-4; Географ. Извѣстія 1850, III, 329; Терещ., V, 150.

Стр. 90: Лат. termo, termen, terminus, греч. τέρμα, τέρμων — граница, рубежъ, межа (in-trare, ex-

Библиотека "Руниверс"

trare, trans=вед. tiras, гот. thairh, др.-в.-нѣм. durh—черезъ)—Курціусъ, 189.

Стр. 92: Перемѣщать межевые знаки съ недобрымъ умысломъ (т. е. ради собственной выгоды) считается у словенцевъ за величайшій грѣхъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи—Književnik, година 3-я, вып. III-IV, 456.

Стр. 94: На Руси принято некрещенныхъ дѣтей хоронить подъ порогомъ дома, а самоубійцъ — на дорогахъ; перекрестки потому и страшны народному воображенію, потому и признаются за мѣста полуночныхъ бѣсовскихъ сборищъ, что они изстари были посвящаемы усопшимъ и состояли подъ охраною родовыхъ эльфовъ (т. е. блуждающихъ душъ предковъ). По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868 г., II, 60), въ Ливоніи некрещенныхъ дѣтей хоронили не на кладбищахъ, а гдѣ-нибудь на дорогѣ, преимущественно на перекресткахъ. Литовцы еще въ XVII в. совершали погребальные обряды среди полей или въ лѣсахъ, и каждый отдѣльный родъ имѣлъ свое собственное огнище—для сожженія своихъ усопшихъ. У Длугоша читаемъ: «Lituani tamen, cum silvarum et nemorum abundarent multitudine habebant speciales sulvas, in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia speciales focos obtinentes decedentium cadavera solebant conflagrare». Онъ же говоритъ о жемантахъ: «In praefatis sylvis habebant focos in familias et domos distinctos, in quibus omnium charorum et familiarum cadavera cum equis sellis et vestimentis potioribus incendebant.» Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками; ežagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus Ežagulis (Ežagullys) — тотъ, кто покоится на межѣ (усопшій) = deus tumuli (Joh. Lasicii Poloni de diis samagitarum libellus, 34-35, 58, 66).

Библиотека "Руниверс"

Стр. 103: Чехъ, замѣчая на своемъ тѣлѣ темныя пятна—какъ-бы отъ ушиба, говоритъ: «umrlý na mne sáhnul v posi»—мертвецъ давилъ меня ночью (Труды Моск. Археолог. Общ., I, вып. II, ст. Потебни, 171).

Стр. 107: Въ костромской губ. вѣшаютъ въ курятникахъ камни (такъ называемые курячьи боги) для того, чтобы кикиморы не давили куръ—Послов. Даля, 1058. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (см. Археол. Вѣстникъ 1867, IV, 186), носитъ на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Стр. 139: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погребал. обыч., 198), «этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень гај (радж), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ Ведахъ... Ирій и вырій только иныя лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того-же корня, только въ иной формѣ агј». Г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 623-4) замѣчаетъ, что въ нашемъ праязыкѣ не могло существовать корня гај; общеиндоевропейскою формою для санскр. гај должно признать arg. М. Мюллеръ, на котораго ссылается г. Котляревскій, говоритъ о санкр. существительномъ rájas (раджас)—первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды множеств. число отъ раджас означаетъ: облачное небо.

Стр. 148-9: Рус. алатырь-камень и греч. ἠλέκτρον восходятъ къ санкр. корню arḱ (=ἀλκ)—блистать, испускать лучи (arḱ-as—лучь, солнце, кристалъ, мѣдь, arḱ-is—блескъ); ἠλέκ-τωρ—солнце, т. е. сіяющее, ἠλέκ-τρον—блестящій металлъ (смѣсь золота и серебра—Курціусъ: Grund-

Библиотека "Руниверс"

züge der griech. etymol., I, 107; Bulletin de l'Academie Imp., т. XII, стат. Куника о нѣкот. славян. названіяхъ пурпура, солнца и янтаря, 40; Вѣст. Евр. 1868, IX, ст. Гильфердинга, 212: латырь = лак-тырь; окончаніе тар, тра означаетъ существо или предметъ, производящіе какое-либо дѣйствіе). Въ азбуковникахъ читаемъ: «илектръ-камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовидѣнъ, убо вкупѣ и сребровидѣнъ... проявляетъ неумаляемую и чистую свѣтлость... и свѣтовидную и небесную зарю» — Сахаров., II, 160. Въ древнѣйшемъ англосаксонскомъ памятникѣ на вопросъ: «что такое солнце?» данъ слѣдующій отвѣтъ: «солнце— горючъ камень»—Миллера: Опытъ ист. обозр. рус. слов., I, 335 (изъ Migne: Dict. des apocryphes).

Стр. 156: Которая рыба прянетъ сама изъ рѣки въ лодку, ту рыбу свари и дай съѣсть женѣ: отъ того жена станетъ дѣтей родить—Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 157.

Стр. 167: Въ старинномъ литовскомъ словарѣ Deivàitis —синонимъ Перкуна; женская форма Deivàite (Dëvàite) означаетъ богиню дождей, а во множественномъ числѣ deivàites, dëvàites — нимфы источниковъ и рѣкъ (первоначально: дождевыхъ потоковъ)—Lituania Шлейхера, 24.

Стр. 177: Сикр. dhê, dhajâmi—bibo, lacteo, dhâtr—nutrix, dhênus—доящаяся корова, milchkuh, зенд. daina—weibchen, греч. θῆσθαι—доить, τιθήνη, τίτθη—кормилица, τίτθος—материнская грудь, гот. daddjan—кормить грудью, швед. dadda—кормилица, мамка, швц. dodô—мать, др.-в.-нѣм. tân—lacto, tila—mamma, сл. дою, доилица—Курціусъ, 217; Дифенбахъ, II, 608. Вѣроятно, къ одному корню съ этими словами относится и сербская додола; если принять такое производство, то подъ именемъ додолы должно разумѣть богиню, изливающую изъ своихъ облачныхъ грудей

Библиотека "Руниверс"

молоко-дождь, производительницу земныхъ урожаевъ и всеобщую кормилицу.

Стр. 183: Чтобы излѣчиться отъ желтухи, сербы берутъ желтоногаго пѣтуха, купаютъ его въ водѣ, и потомъ пьютъ ету воду, какъ лѣкарство—Гласникъ срп. друштва 1867, V, 187.

Стр. 240: Въ олонецкой губ. (Памятн. книжка олон. губ. на 1866 г., 18—19) разсказываютъ, что водяной, переселяясь на другое мѣсто, прорывается ручьемъ и приготовляетъ для себя новое озеро.

Стр. 249: По свидѣтельству Ибнъ-Дасты, руссы приносили въ жертву мущинъ, женщинъ и лошадей. Жрецъ (кудесникъ) накидывалъ на шею обреченнаго человѣка или животнаго петлю, подымалъ его на бревно, и умертвивъ удушеніемъ, восклицалъ: «вотъ это жертва богу!» — Ж. М. Н. П. 1868, XII, ст. Хвольсона, 674.

Стр. 271: У руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста (Ж. М. Н. П. 1868, XII, 674, 769), если обѣ тяжущіяся стороны недовольны приговоромъ вел. князя, то окончательное рѣшеніе дѣла предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. Побѣжденный долженъ смириться и удовлетворить побѣдителя.

Стр. 303: Чтобы предохранить себя отъ зубной боли, чехи берутъ осколокъ дерева, въ которое при первой весенней грозѣ ударила молнія, приготовляютъ изъ этого осколка порошокъ и чистятъ имъ зубы, или: заслышавъ первый весенній громъ, они берутъ кусокъ желѣза и держатъ его въ зубахъ во все время, пока продолжаются небесные раскаты—Громанъ, 40, 169.

Стр. 304: Въ нижегородской губ. раскалываютъ осину и пропихаютъ сквозь нее дѣтей, больныхъ грыжею (Нижегор. Сборн. 1867, I, 179); въ рукописныхъ сборникахъ заговоровъ

Библиотека "Руниверс"

и лѣчебныхъ наставленій предлагается совѣтъ: «сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки ее, да расколи надвое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды» (Рыбник., IV, 250).

Стр. 307: Въ «Кіевлянинѣ» (1865, 52) записано народное преданіе, что крестъ, на которомъ распяли Спасителя, былъ сдѣланъ изъ осины и что въ наказаніе за это Богъ обрекъ означенное дерево на вѣчную дрожь. Въ Германіи увѣряютъ, что дерево, на которое садится маръ (mâr), дрожитъ—хотя бы вовсе не было вѣтра, и вскорѣ потомъ засыхаетъ—Germ. Mythen, 712.

Стр. 321: Ливонцы, самогиты и русскіе чтили духа, пребывающаго въ священныхъ рощáхъ и деревьяхъ; думали, что онъ обитаетъ «sub sambuco» и подъ этимъ деревомъ ставили для него хлѣбъ, пиво и другія приношенія — De diis samagitarum, 20. Въ Ливоніи, по словамъ Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 61), народъ обвязывалъ нѣкоторыя избранныя деревья красными лентами и совершалъ подъ ними суевѣрныя моленія и обѣты.

Стр. 343-4: По разсказамъ гуцуловъ (Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 50), дикія жены живутъ въ пещерахъ, на неприступныхъ мѣстахъ; ночью онѣ собираются толпами, бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, хлопаютъ въ ладоши, и завидя путника, бросаются на него и начинаютъ щекотать. Гуцулы представляютъ ихъ высокими, худощавыми, съ блѣдными лицами и длинными, растрепанными волосами; вмѣсто пояса онѣ обвязываются травою.

Стр. 385: Пàпороть, пàпоротокъ—птичье крыло (Толков. слов., II, 12).

Стр. 396: Стонъ мандрагоры = громъ; сравни стонати, греч. στένω, лат. tonare, tonitru и нѣм. thunar—Археол.

Библиотека "Руниверс"

Вѣст. 1867, IV, 150. Гроза стонетъ: «нощь стонущи ему грозою птичь убуди» (Слово о полку).

Стр. 398: Разрывъ-трава соотвѣтствуетъ камень, приносимый по нѣмецкому повѣрью дятломъ (donnerstein). Если завязать платкомъ гнѣздо сойки, то, по разсказамъ чеховъ, она принесетъ камышекъ, отъ прикосновенія котораго тотчасъ-же распутаются всѣ наложенные узлы. Съ помощію этого камня можно находить сокрытые въ землѣ клады — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 150.

Стр. 415-6: Широколистый, красноцвѣтный чертополохъ обладаетъ великою силою. Чтобы избавиться отъ преслѣдующаго чорта, совѣтуютъ бросать въ него цѣпкими шишками этого растенія. Чертополохъ прогоняетъ, изводитъ червей: повѣрье, относимое первоначально къ демоническимъ змѣямъ. На тоже могучее свойство поражать демоновъ (волка или змѣя-тучу) указываетъ и названіе звѣробой, придаваемое различнымъ травамъ и между прочимъ желтоголовнику (малор. горицвитъ) и купальскому желтоцвѣтному зелью (польск. swiętojańske ziele, нѣм. Johanniskraut) — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 148—150.

Стр. 434: Въ Германіи существуетъ повѣрье: если при поворотѣ солнца выстрѣлить въ него въ самый полдень, то на землю канутъ три капли крови, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, и выростаетъ папоротникъ — Кунъ, 221.

Стр. 491: Слав. рамо, нѣм. arm и лат. ramus — сукъ, вѣтвь, отрасль.

Стр. 514: Греч. τύφω — жгу, τῦφος — дымъ, мракъ, τυφών, τυφώς — вихрь, ср.-в.-нѣм. dimpfen (dampfen) — испускать пары, чадъ, литов. dumpja — раздуваю огонь, санскр. dhûp, dhûpajâmi — suffio, fumo, dhûpikâ — туманъ (Курціусъ, 194).

Библиотека "Руниверс"

Стр. 525. Въ сербскихъ пѣсняхъ Петрановича (стр. 181–2, 187, 190) читаемъ: a) «змај долѐе — код језера у траву пануо, око себе очим' расв'јетлио; онда скиде крила и окриље, крај језера у траву турио, па се купат' стаде у језеру». Юнакъ пускаетъ въ змѣя стрѣлу — тогда змѣй «из' језера у траву скочио, па обуче крила и окриље» и поднялся къ небу подъ облака. b) «Лети змаје као ватра жива... очим' витла, а ватру просипа.» c) «Кад се змаје крила добавно, начйни се гуја шаравита — су шест крила од пламена жива.»

Стр. 533: Когда случится солнечное затмѣніе, въ Краинѣ думаютъ: «да нека аждаја Врколак хо̀е да прогута (проглотить) сунце.» Большіе и малые выбѣгаютъ тогда въ поле и ударяютъ въ котлы, тазы и во все, что̀ только можетъ издавать громкіе звуки, дабы испугать змѣю-оборотня — Гласник срп. друштва 1867, V, 194.

Стр. 557: «Прійихавъ у такій-то городъ, и на ввесь городъ той одна криниця, и въ тій криници сидить змій з' дванадьцятьма головами. И то такъ: якъ идуть вси по воду и ведуть одну душу, то винъ зависть јиј, а вони наберуть соби води, а инакше не можна» (Рудченко, 126). Въ другой сказкѣ упоминается колодецъ съ цѣлющей водою, возлѣ котораго приковано къ столбамъ двѣнадцать огнедышащихъ змѣевъ (ibid., 135).

Стр. 558: Когда бываетъ засуха, сербы думаютъ, что гдѣнибудь въ окрестностяхъ появилась змѣя, ловятъ ее и убиваютъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 95.

Стр 582: Заклинатель, желающій уничтожить жатву въ поляхъ своего недруга, беретъ обѣими руками змѣю, и произнеся заговоръ, выпускаетъ ее въ окно или двери съ этими словами: szmikszt per eszèl (иди черезъ поле). Вслѣдъ затѣмъ жатва будетъ истреблена градомъ и червями. Если-же заклинатель имѣетъ въ виду хлѣбъ, собранный въ амбарахъ,

Библиотека "Руниверс"

то говоритъ змѣѣ: szmikszt per arûda! (ступай въ закромъ)—De diis samagitarum, 37.

Стр. 634: Олеарій (Ч. О. И. и Д. 1869, I, 429), описывая путешествіе свое по Волгѣ, упоминаетъ о двухъ краснопятнастыхъ змѣяхъ, которыя ѣсполэли на корабль. Когда русскіе гребцы увидѣли этихъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что надо ихъ беречь и кормить, что это добрыя змѣи, предвѣщающія попутный вѣтеръ.

Стр. 638: Гр. χαίνω—разверзаться, зѣвать, χάος—пропасть, бездна Курціусъ (стр. 164) сближаетъ съ лат. hisco, hio, hiatus, скан. gin (gähne), слав. зіяти, зѣять, зѣвъ.

Стр. 729: Латинское manes (души усопшихъ предковъ и пенаты) стоитъ въ родствѣ съ инд. manus, нѣм. mann, слав мужъ—Дифенбахъ, II, 32; такимъ образомъ, по буквальному значенію этого слова manes соотвѣтствуютъ лужицкимъ людкамъ.

Стр. 738: Литов. barstukai (barstuccae=парстуки)—гномы, обитающіе въ домахъ и житницахъ; домохозяева чествовали ихъ приношеніями; для этого вечеромъ накрывали столъ въ житницѣ (in horreo), ставили на немъ хлѣбъ, мясо, сыръ, коровье масло и пиво, а по утру на другой день приходили смотрѣть: отъ какихъ именно яствъ вкусили домовые духи? Если это былъ хлѣбъ, то ожидали хорошаго урожая въ поляхъ, а если—мясо, то умноженія стадъ. Другое литовское названіе, присвояемое домовымъ карликамъ—каукы, о которыхъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: «kaukie sunt lemures, quos russi uboże appellant, barbatuli, altitudine unius palmi extensi» т. е. бородатые, величиною съ ладонь — De diis samagitarum, 16, 20; Lituania Шлейхера, 25. У гуцуловъ извѣстенъ домовой геній дидо, дидухъ—самъ величиною съ пядень, но съ старческой, безобразной наружностью, большою головою и сѣдой бородой—Пантеонъ 1855, V, 46.

Библиотека "Руниверс"

ТОМЪ III.

Стр. 47: Въ малорусской сказкѣ Смерть олицетворяется въ женскомъ образѣ: «на дорози въ болоти сидить баба и просить царевича, щобъ винъ јији витягъ з' болота. Що стан не царевичъ пидъјизжати, то кинь такъ харапудинця: хропе да сопе, та низдрями паше... (Наконецъ) царевичъ витягъ ту бабу з' болота. Отъ баба та и каже царевичу: я — не баба, я — Смерть!» Замахнулась на него — и въ туже минуту царевичъ палъ бездыханный (Рудченко, I, 99).

Стр. 91: Въ сербскихъ заговорахъ къ демонамъ болѣзней причисляются: «немитнице, недојенице — виле, вештице и ветрови;» нападая на человѣка, эти злобные духи пьютъ его очами, поѣдаютъ зубами, а зубы у нихъ остры, какъ серпъ. Силою заповѣднаго слова заклинатель изгоняетъ ихъ изъ головы, мозга и другихъ частей тѣла и посылаетъ туда, гдѣ не блеютъ овцы, не ревутъ коровы, не лаютъ псы и не поютъ пѣтухи, гдѣ не палятъ въ храмахъ свѣчей и не поютъ священныхъ пѣсней. Умывая больнаго цѣлебной водой — съ громовой стрѣлки и угольевъ, причитываютъ: «иди, бољо, у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац не нева, где кока не кокоће». Кто заболѣетъ грозницею, тотъ долженъ обойдти вокругъ вербы и прилѣпить къ ней восковую свѣчу, дабы передать свою болѣзнь этому дереву. Отъ костолома прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ калачъ и несутъ къ глоговому дереву, «држећи га на оном месту, где боли»; потомъ этимъ больнымъ мѣстомъ трижды потираютъ о дерево, съ приговоромъ: «у глог улог, а у тело одлог!» Калачъ оставляютъ на деревѣ, а сами уходятъ домой, не оглядываясь назадъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 166, 170, 179, 187, 194.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 157: Въ сербскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Петрановичемъ (стр. 48, 50) читаемъ:

а. Извила се (вила-нагорњња) небу под облаке
И одлеће стрмо низ планину.
b. Ал' се вила кроз облаке вија.

Стр. 164:

Вијају се (вилы) небу под облаке,
Златне стр'јеле носе у рукама,
Те гађају орла под облаком (ibid., 288).

Стр. 165-7, 175-6: Въ пѣснѣ, озаглавленной «Женидба Реље Бошњанина с вилом»:

Како Рел(ь)а танко попијева,
Планина се планини одзива,
А долина долини одзива,
А са горе полијеће лишће.
То зачуле на планини виле,
Јере су се састануле биле,
На ливади коло ухватиле,
Пак окрећу коло наоколо.

Говоритъ имъ «најстарија» вила: дорогія мои сестры!

Која ћете мене послушати —
Да обуче крила позлаћена,
Да изиђе на друм у планину,
Да дочека Рел(ь)у Бошв(ь)анина,
Извади му оба ока црна?

Вила Анѣлија надѣла позлаченныя крылья, вышла на широкое поле, полетѣла и нагнала юнака:

Бирдем н(ь)ему очи помрачила,
Помрачила, па их ископала.

—Не печалься! говоритъ ему Марко-королевичъ; есть у меня два хорта и два сокола: побѣжитъ ли вила по землѣ — хорты ее поймаютъ, полетитъ ли подъ облаками—соколы ее настигнутъ! И вотъ, когда вила была поймана, бросился на нее Марко съ плетью о двѣнадцати концахъ и грозился сжечь ее на

Библиотека "Руниверс"

огнѣ. Вила выпросила себѣ пощаду; она отдала свои крылья королевичу, собрала цѣлебныя травы, вылѣчила Релю и сдѣлалась его вѣрной любою.—Другая пѣсня разсказываетъ про Янка Сибинянина: остановился онъ съ войскомъ на вилиномъ игрищѣ, и провѣщала ему вила изъ облака: удались отсюда! не то—все твое войско изгинетъ и тебя самого возьмутъ турки и замучатъ до смерти;

Кон(ь)'ма ћу ти траву отравати,
На јунаке болест натурити —
Главобол(ь)у, л(ь)уту срдобол(ь)у.

— Не боюсь! отвѣчалъ Янко; въ облакахъ настигнутъ тебя мои стрѣлы, въ дубравахъ—мои соколы, на поляхъ—хорты, а въ морской глубинѣ златокрылая птица. Разгнѣвалась вила,

Па се диже небу по облаке,
Те стрије(ь)а од боја јунаке
Посред паса у јуначко срце.
Док му трипут облећела војску,
Попадаше по пол(ь)у јунаци,
Као да их громови побише.

Янко нагналъ вилу, и побѣжденная она обѣщалась быть ему посестримой, помогать ему въ битвахъ съ турками и оживить его юнаковъ; тотчасъ-же набрала она травъ, приложила ихъ къ ранамъ побитыхъ воиновъ — и чудо великое! всѣ воины поднялись на ноги, начали игры и пѣсни—словно вновь народились къ жизни (Срп. н. пјесме Петрановича, 245-255, 375, 387-390).

Стр. 182: Слово юдо г. Гильфердингъ объясняетъ др.-индійскимъ јâдас — водяное животное (Вѣст. Евр. 1868, IX, 201). О самовилахъ см. статью Верковича въ Моск. Универ. Извѣстіяхъ 1863, III, 255-8.

Стр. 185-6:

Вјетра нема, а планина јекну,
Зелене се повијају јеле,

Библиотека "Руниверс"

Врхови им у тле удараjу,
Док ево ти виле бродарице,
Вила паде код тиха jезера.

Сняла съ себя «крила и окриље», оставила ихъ на берегу и бросилась въ свѣтлыя воды; пока вила купалась, Богданъ Лютичъ, похитилъ ея крылья и тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлаться своею женою. Вскорѣ послѣ того, какъ родился у нихъ сынъ, вздумала вила показать свое искусство въ танцахъ, выпросила у мужа крылья,

Три пута је колом окренула,
Четврти се небу подигнула.

Съ той поры, какъ только начиналъ плакать ребенокъ, Богданъ Лютичъ приносилъ его къ озеру и клалъ у самаго берега; тогда выходила изъ озера вила, кормила ребенка грудью, купала его и повивала пеленками (Срп. н. пjесме Петран., 377-386).

Стр. 196: Польское zwłoki (съвлъкы), равносильное русскому останки, указываетъ на представленіе трупа внѣшнимъ покровомъ, одѣяніемъ, оставленнымъ отлетѣвшею душею — О погреб. обычаяхъ Котляревскаго, 195.

Стр. 207: Завидя падующую звѣзду, приморскіе сербы говорятъ: «чья-нибудь свѣча погасла!» т. е. кто-нибудь умеръ. Чехи утверждаютъ, что каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, и когда наступитъ ея конецъ — večer, звѣзда слетаетъ на землю, а человѣкъ умираетъ и удаляется въ горнія области. По болгарскому повѣрью, звѣзда и нарождается и умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Чтобы погубить человѣка, вѣщица снимаетъ съ неба его звѣзду и гаситъ ее въ колодцѣ—О погребал. обыч., 190-1.

Стр. 216 и 218: Въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—легкая: лака душа. По мнѣнію болгаръ, душа по выходѣ изъ тѣла летитъ въ видѣ птички или бабочки и садится на ближайшее дерево. Въ чешской Алексан-

Библиотека "Руниверс"

дрондѣ души павшихъ въ бою представляются летящими, какъ распущенное стадо. По закатѣ солнца души летаютъ на кладбищахъ, какъ голуби—О погреб. обыч., 189-190.

Стр. 231: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погр. обыч., 21), «передавая греч. παράδεισος словомъ порода, переводчики желали избѣжать употребленія языческаго термина рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ-же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ. Родъ, родьство въ значеніи геены явились: во первыхъ — вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ; во вторыхъ-же — по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: γέεννα и γενεά, γένννησις = родъ, родьство». Мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Трудно доказать, чтобы терминны «родъ» и «родьство» употреблялись нашими переводчиками безсознательно — только вслѣдствіе плохаго знанія греческаго языка и смѣшенія слова γέεννα съ γενεά; что переводчики хорошо понимали различіе означенныхъ словъ — это доказывается тѣмъ, что въ геенѣ они усматривали не просто родъ, но родъ огнь̀нный, родьство огненное или огнь родный, родьствьнный. По древлеязыческимъ представленіямъ, жизнь по смерти была жизнію въ средѣ усопшихъ праотцевъ; «умереть» значило: удалиться въ то загробное царство, гдѣ собираются всѣ отжившіе родичи — и добрые, и злые = «отойдти къ предкамъ», вселиться въ родъ. Когда, съ принятіемъ христіанства, появилась необходимость рѣзко разграничить области посмертнаго пребыванія праведныхъ и грѣшныхъ, то переводчики предназначенную для послѣднихъ геену стали истолковывать «огненнымъ родомъ», а для обозначенія царства блаженныхъ приняли тер-

Библиотека "Руниверс"

минъ «по-рода», на что, можетъ быть, и были наведены случайнымъ созвучіемъ этого слова съ греч. παράδεισος. Терминъ этотъ однако не удержался и смѣнился словомъ рай — вѣроятно потому, что самое названіе рай (цвѣтущій садъ) болѣе соотвѣтствовало понятію библейскаго эдема, тогда какъ «порода» намекала на языческое представленіе о странѣ дѣдовъ. «Удивительно (замѣчаетъ г. Котляревскій), что термины родъ, родьство, порода придуманы разными лицами почти въ одно и тоже время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременныхъ памятникахъ; быть можетъ, они идутъ изъ одной школы (?), отъ одного учителя.» Думаемъ, что такое удивленіе напрасно; употребленіе этихъ терминовъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какое соединялъ съ ними народная рѣчь.

Стр. 237. Душа представлялась малюткою, и потому народъ любитъ называть ее уменьшительными именами: душка, душица, душичка — О погреб. обыч., 190.

Стр. 239: «Vielona (Velonis — deus animarum. cui tum oblatio offertur, cùm mortui pascuntur». Лит. vėlė — мертвецъ, летт. welli (муж.) и weles (жен.)—manes (De diis samagitarum, 13, 35).

Стр. 254: Сербы принимаютъ крикъ гайврановъ за предвѣстіе смерти, и заслышавъ его, говорятъ: «ту ти глас, а за мореи част» (Гласник 1867, V, 195). По чешскому повѣрью, души усопшихъ пасутъ на лугу пѣтушковъ (т. е. стерегутъ въ раю небесные блески=молніи) и съ дикими гусями (миѳическое обозначеніе плывущихъ облаковъ) свѣтъ сторожатъ — О погреб. обыч., 86, 197.

Стр. 261: При полетѣ неистоваго воинства (т. е. во время грозы) раздаются многочисленные голоса плачущихъ дѣтей; вопли ихъ=завываніе бури, слезы = дождь — Roggenwolf und roggenhund, 13.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 262-3: Сербская пѣсня о хожденіи Богородицы по аду и раю (Петранович., 20) говоритъ: отворились врата «рая бѣлаго» — «играју се по росној ливади, играју се све праведне душе». По указанію малорусской сказки (Рудченко, 101-2), добрый молодецъ, спустившись въ глубокій колодезь, очутился на томъ свѣтѣ—среди большаго сада, въ которомъ зрѣли плоды, надѣляющіе богатырскою силою.

Стр. 265: Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребевокъ, до тѣхъ поръ не должны вкушать отъ новыхъ плодовъ, пока не одѣлятъ ими бѣдныхъ сиротъ — въ поминокъ за душу своего дитяти; въ противномъ случаѣ усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько плакаться на своихъ родителей — Гласник срп. друштва 1867, V, 98.

Стр. 276-7: Чехи и мазуры вѣшаютъ на дверяхъ платокъ — для отдохновенія прилетающей души (О погреб. обыч., 207).

Стр. 280. Котляревъ. О погребал. обычаяхъ, 194—5: «Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область... Въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ на далечи пути; по малорус. поговоркѣ: смерть — неминующая дорога; рус. обл. странствовать значитъ: хворать; удорожить — довести кого-нибудь побоями до смерти; въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: ће ћеш, господаре, на том тамо путу далекоме оклено се никад не долази; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцемъ: na dalek mi ti put ode s' kog će peči dopogledat; душа на пути = человѣкъ умираетъ... Въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслѣ смерти (otide k otcem); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ Повѣстѣ врем. лѣтъ: приближитися или приложитися ко отцемъ и дѣ-

Библиотека "Руниверс"

домъ». Къ преданіямъ о переправѣ усопшихъ черезъ воздушное море можно добавить слѣдующее указаніе: въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батенька (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ по трудному пути на тотъ свѣтъ. «Такимъ, кажется, былъ Hii или Hia, о которомъ упоминаетъ Длугошъ: Plutonem cognominabant Niia, quem inferorum et animarum, dum corpore linquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni sedes deduci. Въ лингвистическомъ отношеніи имя Hia или Ныя не представляетъ препятствій къ сближенію съ Нава... Не сюда ли относится и славянскій Наватъ, о которомъ однажды упоминается въ Супрасльской рукописи: ѡ навѣне, чимъ дрѣзнѣвъ отвѣштати хоштеши наватомъ (т. е. смертію) поем'емъ.» Гайкъ указываетъ на старинный обычай класть въ руку усопшаго деньги, назначаемыя для уплаты загробному проводнику—Водцѣ и перевощику черезъ великій потокъ или воздушное море — Плавцѣ (ibidem, 142, 200, 204).

Стр. 284: Болгары даютъ млечному пути названіе влакненъ (волокнистый) мостъ и думаютъ, что по немъ проходятъ души усопшихъ—О погреб. обыч., 203.

Стр. 286: Чехи даютъ мертвому сапоги, которые онъ долженъ износить на пути къ небесному жилищу отцевъ — О погр. обыч., 210.

Стр. 298. Дѣтская пѣсенка (Безсонов., 27):

А и донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ;
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

Библиотека "Руниверс"

. Стр. 299-300: По русскому повѣрью, если женщина будетъ сильно, безутѣшно тосковать по умершему, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя — О погреб. обыч., 190. Въ нижегородской губ. разсказываютъ, будто нѣкогда въ незапамятную старину младенецъ, проклятый матерью, превратился въ лягушку, и потомъ уже отъ этой лягушки произошли всѣ другія. Кадлубекъ въ своей хроникѣ сообщаетъ преданіе о томъ, какъ Попѣлъ младшій отравилъ своихъ дядей, и когда они умерли—отказалъ имъ даже въ погребеніи. За такое нечестивое дѣло жестокій тиранъ былъ постигнутъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло множество мышей, которыя напали на Попѣла и пожрали его, т. е. озлобленныя души усопшихъ, лишенныя погребальной почести и посмертнаго успокоенія, превратились въ мышей и отомстили своему врагу. Подобное преданіе встрѣчается у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и между прочимъ (почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ) у чеховъ — О погреб. обыч., 103–7.

Стр. 371: «Смерть разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова кончина, судъ и судьба, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ)=отрѣзанный предѣлъ, кончина=отрѣзанная нить жизни, судъ же и судьба=развязка, разрѣшеніе, расплетеніе. Первоначальное этимологическое значеніе слова судъ явствуетъ изъ родственныхъ нѣмецкихъ: гот. sundro, др.-в.-н. suntari, нынѣш. sondern, др.-сѣв. sundra—dissecare, discergere, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узы?); значеніе же слова конъ ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить и др. Корень будетъ kan—колоть, рѣзать, прекращать существованіе»—О погреб. обыч., 194.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 396—7: Въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 161-2) Бѣда, встрѣтившись съ богачемъ, говоритъ ему: «чого хочешь, чоловиче, чи за молоду мъясо јисти, а на стàрость кистки гризти, чи за молоду кистки гризти, а на старость мъясо јисти?» Богачъ выбралъ послѣднее — и тотчасъ-же обѣднялъ; снова разжиться удалось ему только къ старости.

Стр. 436: Въ виленской губ., при выгонѣ скота въ поле, знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ дужку замка́, кладетъ замо̀къ и поясъ посреди дороги и перегоняетъ черезъ нихъ стадо, причитывая: «какъ замкнутъ этотъ поясъ, такъ да будутъ замкнуты у звѣрей пасти!» — Вилен. Сборн., I, 192.

Стр. 569, 591: Баба-яга, зàлизна нога, сторожитъ цѣлющую воду — Рудченко, I, 87, 135.

КОНЕЦЪ.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *).

Абудадъ 657.
Авдумла 656, *a* 637—9.
Агни 208, *a* 512—3.
Агни 204, 513, 771, *a* 1, 5—6, 14, 26, 34, 45—46.
Адонисъ 783, *b* 762.
Адскія муки *b* 29—33.
Адскія рѣки *b* 26.
Адъ 182—3, *b* 16—33, 231, 256—7, 263—5, 282—7, 811; см. Геена и пекло.
Аждаја *a* 514.
Алатырка *a* 529.
Алатырь-камень *a* 142—9, 548, *b* 800—1.
Александръ Македонскій *a* 454—7.
Алконостъ *a* 135.
Альвина 329, *a* 727.
Альманахи *b* 608.
Альраунъ *a* 395—6.
Амалтея 684.
Амброзія 367.
Амрита 367, 371—2.
Анастасія св. 232, *b* 782.
Ангелы смерти *b* 54—57.
Ангирасы *b* 230—2.
Андвари *a* 158—9.
Арас *a* 203, *b* 119—120.
Аполлонъ 246, 691, *a* 136.
Апсарасы *a* 205, *b* 119—120, 188.
Арахна *b* 133.
Аргонавты *a* 352.
Аргусъ 157, 172.
Аресъ 270.
Ариманъ *a* 465, 514.
Аристотелевы Врата *b* 606.
Аріана *b* 283.
Артемида *b* 129, 319.
Асвины *b* 788.
Асгардъ *b* 18, 258.

*) Цифры, слѣдующія за буквою *a*, указываютъ на страницы II-го тома, а слѣдующія за буквою *b*—на страницы III-го тома; цифры же, передъ которыми не стоитъ ни той, ни другой буквы, означаютъ страницы I-го тома.

Библиотека "Руниверс"

Асвлепій a 566.
Асуры 262, a 686—7.
Ἄτροκος b 346, 349.
Auszrine 87, 178.
Аѳродита a 125—6.
Ахиллесъ a 521—2.
Аѳина 276, b 129, 133.

Baby (бабы) b 120.
Бабье лѣто b 274.
Баганъ a 72.
Бадній день b 733—8.
Баднякъ b 733—9.
Балда 389, a 746—9, 753.
Бальдуръ 96, a 431—4.
Банный a 69.
Баргавасы a 530.
Бездольный b 415.
Берегиня a 529—530, b 124—5.
Береза a 281, 390.
Берта 564, b 130—1, 188, 252, 259—260, 353, 592, 773—4.
Blasius a 704—8.
Блуждающіе огни b 197—9.
Богатый вечеръ см. щедрый вечеръ.
Боговида b 737.
Богородица 223—6, 234—240, 354—6, 360—1, 456, 480—7, 563, 572, 599—600, a 143—4, 312, 401, 410—5, b 134, 174, 263—5, 274—6, 295, 722, 756—9
Богородицыны слёзки a 415.
Богъ b 376.
Boże dźjeco b 742.
Boże sedleško a 82.
Божичъ b 733, 739—741, 753.
Божіе суды a 194—201 (огнемъ и водою), 270—6 (судебные поединки), b 511 (водою).
Болотникъ a 236.
Большая Медвѣдица (созвѣздіе) 356, 386—7, 563, 609—611, 763, b 284
Болѣзни (ихъ связь съ эльфами и злыми духами и народные лѣчебные обряды) 141 — 3, 203—6, 635—6, a 15—21, 30—31, 181—190, 303—5, 308, 312, 319, 323, 360, 390, 563—6, 729—730, b 58—116, 132, 135, 519—524, 807.
Борисъ св. 560—2.
Боянъ 405—7, 694.
Браги 393.
Брачные обряды 237—8, 378, 460—4, 467, a 34—37, 174, 178, 180, 317, 324—5, b 372—3, 747.
Brebotič a 491.
Bhrgu 371, a 5, b 230.
Брко a 778—9.
Брунгильда a 427, 632.
Βρύκολακας (βουρκόλακας) b 528, 562.
Буря-богатырь a 533—4, 638.
Буянъ-островъ a 131—6, 140—2, 295, 599, b 271.
Быстрозоркой 170, a 710—4.
Бѣлая змѣя a 550—2, 570—5.
Бѣлбогъ 92—96, b 777.
Бѣлоснѣжка a 716, b 546—9.
Бѣлунъ 93—94, a 372, b 594.
Бѣлыя жены и дѣвы (biele panje) a 569, 575, 627—9, b 155, 168, 334.
Бѣда b 396—7, 816.
Бѣдовикъ b 415.
Бѣсъ 116.

Библиотека "Руниверс"

Вавила a 72.
Wakarine 87, 178.
Вакханки 374, a 393.
Вакхъ 373—4, 400, 437, 655, a 354—5, b 762.
Vala (valva, völa, völva) b 351, 426.
Валгалла a 140, 281, b 18.
Валибукъ 295, a 776—7.
Валигора 765, a 776—7.
Валькирія 598, 684, a 314—5, b 53, 189—191, 363—8.
Walpurgisnacht b 474—5.
Вампиръ и вампира см. упыри.
Варуна 63, 543, a 166.
Василискъ 532.
Вейделотки a 7.
Вейнемейненъ 293—5, 325—7, 401—2, 536, 603, a 152—4, 297.
Велесъ см. Волосъ.
Велетви a 650—1, 784.
Великаны 155, 279—280, 292, 318, 352, 502, 582—3, 656—7, 721—4, 739, 784, a 41, 216, 310—1, 330—4, 454—7, 472—7, 522—3, 617—9, 636—9, 642—716, 726—7, 740—6, 765—772, 784.
Велякъ a 651.
Венцелій a 450.
Верба a 389—393, 434, 505.
Werdandi b 349, 356.
Вервея b 328—330.
Вертогоръ (Вершигора)
Вертодубъ (Вершидубъ) 295, 765, a 776—7, b 272—3.
Весна 608, b 661, 676—681, 690—9.
Веста a 8, 14, 26—28, 34—35, 45—46, 113, 338.
Wechselbalg b 305—7.
Вечерница 736, a 124, b 776.
Вечорка a 779.
Вилкомиръ 741.
Вилы 169, 231, 586—7, 622, a 290—1, 295—6, 335, 358, 384, 417, 422—3, 615—7, 733, b 76, 152—186, 239—240, 309—313, 339—342, 361, 366, 420, 464, 718—9, 807—810.
Вильва b 154, 158, 173.
Вильцы 741.
Windsbraut 329, b 120.
Вино=кровь 368—370.
Витъ св. 523.
Вихорево гнѣздо a 275, 432.
Вій 171, 550.
Власій св. 695—8.
Вовкулаки см. волкодлаки, оборотни и упыри.
Вода=кровь 139, a 499; =деготь 788; ея плодородящая, цѣлебная, очистительная и вѣщая силы, поклоненіе водѣ 169, a 179—201, 206—211, 646; см. живая и мертвая вода.
Водовикъ, водяникъ, водяной дѣдъ, водяные духи 140—1, 295, 308, 328, 381—2, 635—6, 662, a 203—6, 234—248, 630, 731—2, 735, 773, b 123, 262, 310, 802; см. Морской Царь.
Водца b 814.
Водяны, водяны, водяницы, voda žona или panna a 213, 239, 620, b 121—3, 126, 355, 469.
Воздушная арфа 323.
Воздушный океанъ b 280—1.
Возлiвія (жертвенныя) a 252—3.
Волкодлаки (вилкодлаци) 736,

Библиотека "Руниверс"

792, a 333, b 527—532, 549—551, 586, 593.
Волоса 36, 117; волоса=трава a 499; коса—символъ дѣвственности 238—9.
Волосова борода 141, 697—8.
Волосожары 222.
Волосъ 401—2, 474, 691—8.
Волотка a 651.
Волоты см. велеты.
Волхвы 343, a 57—61, b 425—6, 430—2, 440, 507—8, 596—605.
Волховникъ b 607.
Волховъ a 225, 557.
Волчій пастырь 710—711, b 529—531.
Волчки см. Вильцы.
Волчьи праздники 745.
Волчья звѣзда 736.
Воробьиная ночь a 377—9.
Воронограй b 607.
Востокъ 181—2, b 24, 277—8.
Времена года b 676—682.
Вритра 262, 561, a 350—1, 437, 512—3, 528—532, 582, 607.
Wunsch b 378.
Выгонъ стадъ на поля b 490—3.
Выдра a 158, 554—5.
Вырій (вирій) a 137—141, 405.
Вѣдогонь (jедогонъ) a 77, 95, b 196, 211, 234—5, 361, 566.
Вѣдовскія сборища b 471—9.
Вѣдувы и вѣдьмы 291, 300, 330, 355, 370, 405—7, 435, 545, 553, 569, 622, 667, 712, 739, 773—4, a 103, 306—7, 407—8, 422, 481—2, 504, 530, 578, 606, b 15, 109, 121, 196, 216, 218, 234—5, 272—3, 281, 311, 354, 422—433, 439—557, 565—571, 575, 582—7, 807, 810.
Вѣкъ золотой и желѣзный a 445—6.
Вѣсы судьбы b 273—4, 279—380.
Vjetrec hólcy 315.
Вѣтрова мать 313.
Вѣтровъ батько 315.
Вѣтры 290, 309—317, 321, 329—331, 365, 418, a 357, 531, 580, 646, b 445—8, 794; =дыханіе божіе 284—7, 310, 397; =дуновеніе мѣховъ 280, 311—2; =помело 275, 291, 569—570, b 456—8, 790; =грабли b 456—8; =стрѣлы 490; =окрыленныя существа 311—2, 539; =хищныя птицы 309, 330, 502—510; =кони 470, 611—6, 628—9; =олени 640, a 280; =собаки 331, 720—8, 732—3; =волки 738, 761—2, 765—7; =свинья 557, 768—9; =великаны a 652—4; =карлы a 727—730, 735; свистъ и завываніе вѣтровъ=дѣтскій плачъ 329, b 812; =змѣиный шипъ a 526; =соловьиный щекотъ 301—2, 306—9, 320; =звуки военныхъ и охотничьихъ роговъ 269, 277, 294—5, 323; =пѣсни и музыка 321—8, 331—6; полетъ вихря=пляска 323, 328.
Вѣшница см. вѣдьмы.
Vieszcy b 560.
Wünschelruthe a 392—5.

Гадинія 632—4, a 192—4, 259—260, 485, b 382—6, 740—1, 744—7.
Had-hospodarik a 540, 552, 562.
Hamingia b 361.
Гандарвы 323, 624—5.

Библиотека "Руниверс"

Ганимедъ 373, 493.
Гаруда 512, b 788.
Гирцуки 506, a 357, 735.
Гвоздезубъ b 592.
Heilrâtinnen b 353—5.
Геймдалль 324, 361, b 285.
Геката b 250.
Helweg b 283.
Гелла 525—7, 732, 756, a 583, b 16—19, 25—26, 112.
Геліосъ 218—9, 690—1, 754, a 123, 288.
Геніи-хранители b 361—3.
Геркулесъ 504, 546—7, 655—6, a 288, 309—310, 516, 521, 554, 587, 736.
Гермесъ 172, 324, 540, 656, a 140, 393, 423, 474, 566, 764, b 53.
Гестія см. Веста.
Гефестъ 276, 280—1, 437, a 5, 356, 696, b 2.
Геи 128, 436.
Гехо b 423.
Гиганты a 515.
Гидра a 515, 554, 736.
Глазъ 164, 172—5;=свѣтильникъ 165, 175;=птица 165;=терновая ягода a 499.
Глѣбъ св. 560—2.
Годъ=дерево 517, начало года и его дѣленіе b 659—660.
Голубиная книга 50—52.
Гольда 545, 657, 683, a 127, 471, 629—630, b 129—130, 133, 252—9, 274, 287, 295, 353, 592, 773—4.
Гоминъ b 111.
Гора - стеклянная, хрустальная 120—4; поклоненіе горамъ и камнямъ a 356—361.
Горгоны 172, a 515.
Горе b 397—407.
Горохъ a 757—760.
Горынинка (баба-горынинка) a 355, 529.
Горынычъ (Горынчище) a 518, 528—530.
Горыня 295, a 529, 666, 706, 776.
Горѣлки 448—9.
Hospodařičky a 77, 113.
Гостепріимство a 62—66.
Gott b 790.
Градъ 319, 365;=крупа 291, b 783.
Гремяцкая недѣля b 701.
Гремячіе (громовые) ключи 168, a 171—2.
Грендель b 563.
Гречухи b 149.
Гриптурсы a 637—9, 660.
Грифъ 503—4.
Гроза=битва 247, 258, 261—271, 274—9, 350, b 173;=мѣдъ неистоваго воинства 324;=дикая охота 324, 724—732;=игра богатырей, игра въ шары (кегли) 534—5, a 652—4, b 789;=добываніе и ковка металловъ 279—282, 296—7, 323, 465—6;=рыбная ловля a 154—5, b 25;=вспахиваніе и засѣвъ 434—5, 622;=молотьба и приготовленіе муки 288—297;=варка пива и вообще хмѣльныхъ напитковъ 370—1, 375, b 459;=доеніе коровъ b 485—9;=взбиваніе масла 665—6, b 489;=стирка бѣлья b 468—9;=щекотанье a 339—340;=спутываніе и расчесы-

Библиотека "Руниверс"

ваніе волосъ a 771—3;=щелканье орѣховъ a 318, b 755—6;=роеніе и жужжаніе пчелъ 382—3;=брачный (любовный) союзъ 435, 448—468;=вѣдовской поѣздъ, пиръ и пляска b 475—9;=всемірный пожаръ и потопъ 760—2; =возженіе очага или жертвеннаго костра 680, b 457;=баня 477.
Громникъ (Громовникъ) b 606.
Громовыя стрѣлки a 367.
Громъ 365;=слово божіе 284—7;=колокольный звонъ 297—301, 383, 443, a 664—5, b 499;=небесная труба (рогъ) 762, b 757;=трещотка (колотушка) 387, 443, 504, 716;=ударъ молота 276—7;=хлопанье бича 282;=стукъ оружія 269, 470; грохотъ колесницы 250, 265, 303, 470, 480, 630;=топотъ и ржаніе коня 612, 618—620;=ревъ быка, мычанье коровы 656, 661;=замѣнный шипъ a 511, 526;=стоны и крики великановъ a 653—4; =хохотъ 778, a 338, b 783; =звукъ поцѣлуя a 435—6;=испусканіе вѣтровъ a 754—5; =шумъ мотовила b 132.
Grochowa matka b 772.
Гуменникъ a 69—70.
Гусли-самогуды 332—3, b 784.
Гусляры 338—9.

Дажьбогъ 65, 131, 193, a 486.
Дананды 582.
Dâsapatni a 607.
Daumesdick a 738.
Дворовый a 89.
Dziewona (Zievonia, Dziwica) см. Дѣвана.
Dziwożony см. дивожоны.
Дзѣдка см. дѣдько.
Дзяды см. дѣды.
Dêvapatni a 607.
Девкаліонъ 353, a 474, 646.
Девы 127, a 465.
Dêdek b 772—3.
Dejwes waldtojes b 330.
Деметра 128, 138.
Демьянъ св. см. Кузьма.
Денница 73—88, 104, 178, 604, b 777.
День 102—6, 596—8, 659.
Деревичи см. Древляне.
Дернъ (дырнъ въскроушь) 147.
Дива (Дивія) 128, 137, 225.
Дивіи люди a 454—7, 525, 618, 651, 655.
Дивлянъ a 700
Дивогорскъ и Дивьи горы a 361.
Дивожоны (dive ženy) a 343—4, b 310—311, 468, 803.
Дивъ 127—134, 260.
Дивы a 616—9, b 424.
Дикая охота 724—732, b 794—5.
Дикій мужичокъ a 331—2.
Дитрихъ фонъ-Бернъ (Dyterbernat) 730.
Діана 137, a 400.
Dlouhy a 710—3.
Дневникъ народный b 670—5.
Дни (часы) легкіе и тяжелые b 332—6, 413—4.
Добрыня a 672—3, 741.
Додола 336, a 172—9, b 801.
Дождь b 754—5;=слезы 167—8, 325—7, 600—4, a 413—5, 653, b 260—1, 783;=слюна 145, 393—400, 507, b 796;=моча

Библиотека "Руниверс"

397, 640, 670—3;=кровь 260, 367, 382, 388, 390—5, 399, 437, 657, 783—5, a 223—4, 306—7, 644—5, b 563—4;= кровь змѣиная 702—4, a 518—521, 565, 568;=змѣиная и волшебная мазь 793, a 548—551, b 458;=молоко 296, 376—8, 621—5, 653—4, 658, 665—9, 671, 764—5, a 288, 296, 306—8, 559—561, b 485—496; =масло 146, 376—7, 665—7;= живая вода 364—7, 433, a 277—8; =медъ, вино 368, 372—382, 395, a 281, b 757—8;=пиво 146, 304—5, 368, 370—1, 375, 400;=вдохновляющій, мудрый напитокъ 391—7, 400—3;= сокъ золотыхъ яблокъ a 309—317;=смола, деготь 265, 788—9, a 299, 382, b 500;=напитокъ a 291;=хлѣбныя сѣмена 136, 571—3, 746—7, 793; =мука 291, a 177—8; плотское сѣмя 135—6, 437, 447—8, 655, a 177—8, b 787;=любовный напитокъ 459—464, a 315;=стрѣлы 490;=перлы, жемчугъ 603;=коровій экскрементъ 389, 672.

Дожинки b 767.

Доля b 376, 392—7, 403—412.

Домовой 303, 390—1, 631, 714—5, 728, a 67—119, 485—7, 724, 730, b 310, 499, 806; см. цмокъ.

Домъ: обряды при закладкѣ и постройкѣ дома, а также при переходѣ на новоселье a 83—86, 109—110, 115—9.

Доваръ 110, 630.

Дорога (перейдти кому дорогу) 37;=полотно, скатерть 40.

Драконъ a 520; см. змѣй.

Drebni (dremni) a 734.

Древляне a 480.

Древо жизни a 311.

Дріады a 346.

Дружичало b 229.

Дубъ 307, a 294—304.

Дубыня 675, a 652, 704—5, 776.

Дугиня a 776.

Дунавки a 239.

Душа=огонь b 197—206; звѣзда b 206—9, 323—4, 810;= дымъ, паръ b 209—210;=вѣтръ b 210—2, 262;=птица b 214—225, 230, 254, 292—4, 810—811; гусеница (червякъ), бабочка, муха, комаръ, сверчокъ, жукъ, пчела b 214—8, 254, 292—8, 300;=грозовый, воздушный духъ b 213—4, 230—2, 237—8, 244—9, 252, 573—4;=русалка, мавка b 228, 240—4;=вѣдогонь b 234—5; =вила b 239—240;=эльфъ, карликъ a 729—731, b 232—7, 585—7, 812;=рыбка b 254; =змѣя, мышь, кошка, ласточка, жаба, лягушка, ящерица b 299—301, 815;=оборотень (корова, собака, конь, боровъ, овца, заяцъ и пр.) b 301—5, 566—9; см. упыри.

Души усопшихъ 120—5, 574—9, 732—3, a 74—87, 99, 102—3, 112, 323—5, 365, 374, 441, 445, 470—2, 479, 494—508, 739, b 18—21, 25—26, 79—81, 195—317, 547—8, 553—4, 580—2, 593, 742, 806, 812—4.

Библиотека "Руниверс"

Дый 128.
Дымъ=чортъ 100,=кудри 116, =покровъ 545.
Дьяволъ a 617.
Дѣвана 730—1.
Дѣвы судьбы b 204, 273, 433 и XXV глава.
Дѣдко см. Дѣдъ.
Дѣдовникъ a 415.
Дѣдъ-Всевѣдъ 180, b 390—1.
Дѣдъ (Дидъ) a 371—2, 487—8, 770, b 21, 739, 772—3.
Дѣды (didky) a 76, b 231, 806.
Дюдюлъ a 176.
Дятелъ a 398.

Егорій Храбрый см. Юрій.
Елена a 776.
Елисейскія поля a 140, b 19.
Engelland b 253, 287, 293—6.
Ἔρεβος a 638, b 26.
Еруславъ 215—7.

Жаба b 450—1.
Žarooky 170.
Жаръ-птица 512—5, a 311.
Желкинѣ (жельне жене) b 334.
Желѣзная баба b 591.
Železomej 295.
Жертвы a 39—50, 230—1, 245—264, b 416—421, 770—1, 797—8, 802.
Жива (Живана) 100, b 49, 686—8.
Живая вода (богатырская, сильная, цѣлющая) 119, 168, 364—7, a 168, 352—4, 551—3, 568.
Живацы b 334.
Живой огонь 257, a 18, b 737—8.
Жировикъ a 89.
Житная баба (Žitnamatka) b 593—3, 772.
Житные духи b 771—4.
Жмурки b 38.
Жолудь a 299—300.
Жребій a 194, 199—201, 212, 260—1, b 382—5.
Жрецы a 51—61, 265.
Жукъ b 684.
Жыкъ a 7—8.
Жыцень b 679—681.
Жѣтварка-царка b 769.

Забидящая (задушная) свѣча b 201.
Загадки 22.
Заговоры 43, 404—431, a 406—7, 563, 576, b 786.
Заинецъ b 765.
Заклятая царевна a 625—633.
Закрутъ или залонъ хлѣбный b 501, 515—6.
Западъ 182—3, b 24.
Затмѣнія солнечное и лунное 112, 742—755, 764, a 532—3, b 805.
Заяцъ b 255, 793.
Заячій богъ 642.
Звѣздочетецъ b 322, 605.
Звѣзды 72—73, 79—82, 163, 193, 417—8, a 131, 561;=очи 153, 156—160, 165, b 780;=окна 161; = оговьки, свѣтильники 176—7;=драгоцѣнные каменья 157, 214—5, b 781;=гвозди 281;=стрѣлы 246;=приколы 609, 611;=золотые клубки 198, 222;=золотыя яблоки a 310;=яйца 533, 536;=горохъ, орѣхи, хлѣбныя зерна a 760—1; =пчелы 385;=стадо овецъ или

Библиотека "Руниверс"

ковъ 691—3; = ноги 608—611; падающая звѣзда = змѣй a 510—1.
Звѣроящера 736, 778—9.
Звѣсъ 64, 97, 128, 171, 373, 400—2, 437, 493, 601, 629—630, 655, 681—4, 739, a 63, 352—6, 492—3, b 379—380.
Зелейныхъ b 607.
Зеленая недѣля b 708.
Зеленый Егоръ 706, b 710.
Зеленыя Святки b 144, 708.
Земля 64, 127—9, 137—150, 653, a 355, 476, 514—5, 638, 677—8, b 778—9.
Зигурдъ a 427, 521—2, 537—8, 566, 573.
Зигфридъ a 521, 537—8.
Зима 108—9, a 399, b 662, 676—661, 690—8; = сонъ a 429; = мачиха 788; = демонъ a 582; = волкъ 744—6, 758; = вепрь 783, 787, a 430; = кузнецъ и строитель мостовъ 583—591.
Зирна b 327.
Зиѳа 230.
Злыдни b 404—9.
Змѣиная дѣва a 624.
Змѣиная мать 561.
Змѣиная травка a 566—9.
Змѣиное ложе = золото a 536.
Змѣиныя горы и царства a 356, 530.
Змѣй 208, 275, 283, 292—6, 299, 307, 363—6, 397—9, 437, 471—2, 481—3, 532—3, 545—8, 559—562, 584—8, 590, 614, 619—620, 647, 666—8, 678—9, 683, 702—4, 749—750, 756, 759, 765, 772—3, 789; a 156, 165—6, 216, 225, 279—285, 290—1, 295, 305—6, 310, 313, 365, 368, 373, 389, 432, 435, 438, 454, 464—5, 505, 509—625, 633—5, 642—3, 736, 751—2, 757—9, 762—3, 766, 770—2, 777, b 178—9, 182, 185, 463, 479, 487, 588—9, 789, 805—6; змѣй penez'ny, žitny i mlokowy a 539, 561—2.
Знахарь b 423.
Зничъ a 7, 29, 46.
Зодій b 605.
Золото 200—3.
Зорька a 779—780.
Заря 82—89, 178, 180, 226, 418, 524, 599, 658, 735, a 125—130, 136, 142—4, 400, 642; ея оружіе 273—4, престолъ 196, 223, и слезы 167, 599—603; = окно 71, 158—162, 197, 205; = розовая ткань 222—6; = червонное платье 788; = кровь, румянецъ 223—4, 669; = розы 601—2, a 370, 414—5; = улыбка неба 601—3; = птица 516—7, 529; = конь 594; = пастырь небесныхъ стадъ 690.
Зюзи b 679—682.

Ивановъ день, Иванова ночь см. Купало.
Игтдразиль 374, a 279—284, 314, 318, 472—3, b 255.
Игоша a 102, b 317.
Идолище нечестивый a 708.
Идолы a 264—8.
Идуна a 310, 314—6, 319.
Изида 554.
Икота b 70, 634.
Ильмариненъ 280—1, 293—4, 494, a 153—4.

Библиотека "Руниверс"

Ильмень-озеро a 211—2, 229—230.
Илья-Муромецъ 302—7, 582, 614, 621, a 667—674, 678—9, 741, 771.
Илья-пророкъ 225, 283, 303, 385, 469—483, 546, 576, 621, 628, 630, 640, 683, 698, 737, 762, a 6, 133, 143—4, 171, 256, 293, 401—2, 461, 464, 516, 582, b 793.
Имиръ 656, 784—5, a 476—7, 637—9, 644, 648, 718.
Иванинный снопъ b 765—7.
Индра 208, 248, 252—3, 262, 282, 349—350, 371—2, 396—7, 491—3, 629, 653—5, 690, 768, a 1, 238, 350—1, 388, 437, 440, 513, 532, 536, 552—3, 686, 702, 717, b 93, 280.
Индра (Индрикъ)-звѣрь a 553—6.
Иппокрена 403.
Ириса 353.
Иродіада 329, b 93—94.
Источники, текущіе мѣдью, серебромъ и золотомъ a 283—294.

Іоаннъ-креститель a 11, 406, 506.
Іуда a 216, 307, 770.
Iörmungandr 756, a 122, 313, 549, 551, 583, 693, 744.
Iötunn a 695.
Jezinka b 588.
Jutry (justroj, jatry) b 700.

Каженникъ b 78.
Казни колдуновъ и вѣдьмъ b 507—513, 523—5.
Калина—эмблема дѣвичьей красоты a 499.
Камни—кости земли 139.
Капища a 268—9.
Караулки 63—64, 603.
Карлики 157, 230, 255, 279—281, 301, 370, 384—5, 395, 548, 554, 564, 578, 740, 795—6, a 78—82, 97—103, 113, 152, 158—9, 204—5, 235, 297, 330—3, 373, 396, 481—3, 716—784, b 806; см. эльфы, дверги, кауки, кикиморы, русалки, мавки, мары, злыдни.
Кауки a 81, b 806.
Квасиръ 394—5.
Кентавры 624—5.
Керечунъ см. Корочунъ.
Керы b 43, 346, 366—7.
Кикиморы a 100—2, b 79, 136—7, 317.
Кириллo-кожемяка 559—560, a 589—591.
Китъ a 151, 160—6.
Кичига 288, 610.
Кій-бій 274—7
Клады 202, a 361—377, 380—5, 392—8, 413, 536—9, 541, 630, 734.
Клечальная недѣля b 708.
Клинуши b 519, 635—7.
Κλωθώ b 346—9.
Клѣцьникъ a 89.
Клятва 431, b 785; клятвы оружіемъ 272—3, землею 147—9, b 779.
Кобольды a 78—80, 98, 106, 541, 562, b 409.
Колдуны 312, 328, 330, 549, 553, 588, 618—9, 794—5, a 306—7, 365, 407—8, 587, 771, b 196, 216, 423—5; см. вѣдьмы.

Библиотека "Руниверс"

Колесо счастія b 413 - 5.
Коляда 211, 300, 378, 607, 663, 765, 778—781, a 367—8, b 470 - 1, 729—733, 738 - 9, 748 —752, 752 - 760.
Колядки b 752—760.
Колядникъ b 607.
Комета (ея хвостъ, метла, борода, мечь и копье) 73—74, 82, 244.
Кони (ихъ чествованіе) 631—7, b 792; кони морскіе 621—4.
Кончина міра a 446—7, b 22—27.
Конюшникъ a 72.
Kornkind b 774.
Коровья Смерть b 47, 115, 523, 574.
Корочунъ (Крачунъ) b 760.
Кострома b 724 - 6.
Коструб̀ъ b 726, 762.
Кошелекъ-самотрёсъ 197, 314.
Кощей a 594—604.
Kravské hody b 491.
Králova nedêle b 710.
Крапива b 497—8.
Красная Горка a 360, b 702—3.
Kresnik, кресови, крѣсъ, крѣсины b 712.
Кресницы b 334.
Крещеніе кукушекъ b 226 - 9.
Кривицы a 219—220, b 128.
Крконоши a 529.
Кролъ (Кракъ) a 529.
Кроносъ 436 - 7.
Кроснята a 81, 734.
Кругъ b 517—8.
Крупеничка a 493—4.
Куга b 82, 108 112—3.
Кудесники b 423—5.
Кузьма св. 560 - 2, 584.
Кукушка b 225—6, 294, 686 - 9.
Купало 212, 744, a 376—7, b 470—1, 710—724, 728.
Купальница b 721—3.
Курентъ 331, a 649—650.
Куроглашенникъ b 607.
Курячій богъ b 800.
Кутья b 743—4, 751.
Къртъ b 760.

Лада 227—9, 439, 483, a 127, 143, 400, 409—410, 414 - 5, 438, b 690, 721—4
Ладо (Ладъ) 228.
Ладонка b 433.
Лазавики a 774 - 5.
Ламія (лямя) 299, 545, a 354, 582, 593, 763, b 588.
Лары a 28, 77—80.
Ласточка 454 - 5, 669, b 685—6, 728.
Лаумы 359 — 360, 648, a 562, 781—3, b 110, 307—8, 331—3, 468.
Λάμια b 346, 349.
Лебединая пѣсни b 191.
Лебединыя дѣвы a 204 — 5, 217—8, 314—5, 568, 765, b 160, 162, 186 - 193.
Леда 536.
Лѣля a 488.
Лемминкейненъ a 714.
Летавица b 209.
Лизунъ 728.
Лихо a 698—700, 396, 404, 591.
Лихоплеси (lichoplezi) b 342.
Лихорадки b 81—96.
Локи 756—7, a 5, 154—5, 310, 319, 431, 453—4, 661, 688 - 9, 743—4, b 2, 7—8.
Лоскоталка b 125.
Лоухи 293—5, 569.

Библиотека "Руниверс"

Лукавый b 4.
Лукъ (растеніе) a 569–571.
Луна 66, 72–84, 111, 163, 189–193, 385, 417–8, 426, 641–2, 775, a 41, 130, 400, 581, b 249–252, 272–5, 488, 754–7, 776, 780–1, 796–7; = око 102, 153, 157–160; = окно 161–2; = свѣтильникъ 176–7; = сосудъ a 287; = золотое сокровище 198; = драгоцѣнный камень 214–5, = запонка 63, 215; = колесо 213, b 781; = лысая голова 116; = ликъ 218; = кругъ сыра b 488; = краюха (хлѣба) 190; = гвоздь 611; молодой мѣсяцъ = серпъ и мечь 244, 437; = рога 199, 660; = ладья a 130–1; = конь и олень 597–8, 608; = быкъ, боровъ, баранъ, козелъ 660, 666; = пастырь стадъ 691–3; лунный свѣтъ = молоко a 287–8.
Лутоня a 480.
Лучи солнечные = золотые волосы и зрѣлые колосья 138, 220–1, 230, 288; = нити 221–3; = вожжи 594; = спицы колеса 220; = стрѣлы и копья 245–6; = вѣнецъ, нимбъ 218–220; = руки 71, 199, 221; = ноги 788; = кровь 749
Лыбедь a 218.
Лысая гора 116, b 469–472, 478–9.
Лысый бѣсъ 116.
Лѣвая сторона 185–7.
Лѣса (повлоненіе имъ) a 320–5; лѣса мѣдные, серебреные и золотые a 283–5, 294.
Лѣсовики a 776.
Лѣсунки (лѣшачихи) a 343–9, b 120, 146.
Лѣтницы (Letnice) 664.
Лѣто b 661, 676–681, 691–4.
Лѣчебные обряды см. болѣзни и наузы.
Лѣшіе 140, 711, 715, a 235, 243, 325–349, 718, 722, b 78, 309–313, 803.
Любуша (княжна) 559, a 197, b 371, 441
Людіи 301, a 733, 762.
Лягушка b 450–1.
Лядьникъ, b 679.
Ляля b 679–681.

Маваи b 124, 145, 149, 228, 241–2, 263, 367, 567.
Mávra (mávriza) b 284.
Maibaum b 709.
Maibrant b 709.
Maikönig и maikönigin b 708–9.
Майя b 710.
Малая Медвѣдица 609, 763.
Мальчикъ-съ пальчикъ a 297, 738–9.
Мандрагора a 396, 412, 421, b 803.
Manes b 806.
Ману (Маннъ) a 476, 486, 637, 647–8.
Марана (Морена, Морана, Marzana, Мара) 101, 300, b 35–36, 49, 205, 692–6, 703–4.
Марена (купальское дерево) b 720–3.
Марко-королевичъ a 668, 680, b 162–172, 176, 184.
Марсъ 260, 270.
Мартолой b 605.

Библиотека "Руниверс"

Маруты 321, 372, 629, 654, 771, b 230—2, 280.
Марухи см. мары.
Мары (моры) a 81, 100—3, 113, 432, 721, b 35, 79, 136—7, 218, 232, 235, 305, 309, 446, 567—8, 803.
Масленица 556, b 696—8.
Медвѣдко (Меѣдовичъ) 389—390, a 776—780.
Медвѣдь 386—391, 464—5.
Медуза 172.
Мерекъ b 35.
Мертвая вода a 420, 551—3.
Мертвецы 42—43, b 37—38, 800; см. упыри.
Метаніе, Метаньеницъ b 383, 608.
Метницы b 344—5.
Метеоръ=змѣй a 510—1.
Мечь-самосѣкъ, мечь-кладенецъ 275.
Мизинчикъ a 738.
Микула Селяниновичъ 559, a 679—682.
Милошъ b 166—7.
Миміръ 374—5, 403.
Михаилъ-архангелъ 576—7, 585 762, a 7, 407, 418, 462—4, 593, b 55—57.
Midhgardhsormr см. Iörmungandr.
Mjölnir 253, b 782.
Млечный путь 291, 595, a 288, b 282—5;=мостъ b 814.
Можжевельникъ a 389.
Мойры b 345—351, 367.
Мокошь a 266—7.
Молнинъ (Молніинкъ) b 606.
Молнія=огненныя искры, свѣчи 179, 205—6, 254—6, b 499, =огниво b 496—7;=пожигающіе глаза 170—4; кошачьи и рысьи глаза 647;=волоса, нити 231, 312, 327, a 769—771; =возжи, узда 740;=рука 199, a 701;=палецъ 259, a 701, 735—7, 747;=хромая нога 621, a 665, 686, b 2—6;=фаллюсъ 137, 435—8, 447; =буравъ 395—6;=веретено b 495—6; мотовило a 519;=зубъ 156, 324, 728, 734, 772;=зубъ мышиный, крысій, бѣличій, волчій 396, 771—8, b 505;=зубъ и щетина кабана 771, 783—6; =зубъ дракона 276, 559, 656; = рогъ 679—680, a 347; = языкъ 286, 728—9;=шишцы b 541, 544;=стрѣла, копье 245, 250—1, 265—6;=молотъ, топоръ, камень 247—256, 264, 268, 275—6, a 297—8, b 444, 494—8, 782—3, 790, 804;= золотыя и серебреная пуля 278;=шаръ, клубокъ, золотое яблоко или яйцо 533—9, a 154, 309, b 789, 755—6;= мечь 216—7, 260—1, 366, 439; =искры отъ удара мечей 269; =ножъ 261, 289, 330, b 494—6;=дубинка, палица 248, 256—8, 314, b 783;=сухое дерево, сукъ 258—260;=головешка, кочерга 329, b 457—8, 496; =осиновый и терновый колъ a 306—8, b 475—581;=тирсъ 373.=трезубецъ a 393;=молотильный цѣпъ 288—9, 296, 314;=пестъ 291, b 783;=кирка-саморойка a 298;=золотой ремень, бичь, плеть 282—4,

Библиотека "Руниверс"

b 555—6;=прутъ, вѣтка, вѣникъ a 388—395, 422—3, 566, b 444, 457—8, 491—3, 498, 555—6:=верба 706—7; трава и огненный или золотой цвѣтокъ 375, 744, a 370, 375—388, 395—9, 409—422, 492, b 804;=роза, піонъ, a 387—8; =разрывъ-трава 496, a 397—9, 546;=омела a 431—4;=игла 786—7;=птичій клювъ, коготь и перо 123, 501, 504, a 386—7, 394—5:=ключь 355, 388, 421—2, a 401—412;=пчела 373, 381—4, 403;=червь a 718—9;=змѣя 357, 374, 395, 400—1, 740—1, 786, a 510—512, 528, 547, 561, 707, b 462—4;=змѣй smok a 435—6; =змѣиное жало a 526—8;=змѣиный языкъ a 275, 520—2; =змѣиный рогъ a 544—5, 555—6; =змѣиная трава a 566—9;=птица (орелъ, соколъ, воронъ, дятелъ, аистъ, пѣтухъ и др.) 372, 396, 489—502, 510—532, 540—1, 590, a 280, 286, 295;=заяцъ, бѣлка, кротъ, мышь, крысе 641—5, a 280, 318; =конь 281, 611—3, 618, b 792; =лошадиный и коровій пометъ 636, 672—3;=дьявольскій пометъ 264; = кость-невидимка 650,=зерно, горохъ a 757—9; =дитя, парникъ a 717—720, 738—745;=мальчикъ-съ пальчикъ 549—550, 626, 740, a 738.

Морная корова b 115.

Моровая дѣва b 109—110, 369.

Моровая язва 565—8, b 522—4; см. Моровая дѣва.

Морозъ 109, 312—8, 318;=кузнецъ 584—5; Морозъ-Трескунъ (Пердунъ) 318—9, a 703—4, 708, 755.

Морская панна (morska dĕvica) a 124—9, b 155.

Морская Пучина a 145—6.

Морской Царь 91, 292, 624, 785, a 167, 202, 211—9, 290—1, 594.

Морины a 239, 246—8, b 122; см. морская панна.

Мраченка b 120.

Мужичокъ-съ ноготокъ, борода съ локотокъ a 774, 779—780.

Музы 328, 402—3.

Музыка 339—344.

Murony b 562.

Muspellsheimr a 637—8, b 27.

Мысленникъ b 607.

Мышь b 505—6.

Мѣсицы 178—9, 586, b 266—270, 663—670, 682—3.

Nav b 263.

Навать b 814.

Навы (навь, навье) 578, b 80, 235—6, 278—9, 309.

Навьскій великъ день b 278, 290—1.

Навякъ b 240.

Напитокъ забвенія a 420, 436.

Naraka b 16.

Наряженица b 343.

Natio b 319.

Наузы a 563—5, b 429—439, 514—8, 552—5, 816.

Nachtvolk b 244—5.

Небо 62—64, 126—9, 417;=риза Господня 63;=покровъ a 760—1, b 790;=гора (стеклянная, лысая) 119—126, a 133

Библиотека "Руниверс"

—4, 356, b 270, 469—472;= куполъ (сводъ), теремъ, храмъ 79, 114—5, 160—2;=черепъ 115;=воздушный океанъ a 120—6, 130—1, 166—7;=островъ a 131—6;=мостъ 692;=поле 691—2;=гумно b 469.
Недоля b 396, 403—4.
Недѣлька 241—2, 360, a 615—6, b 131, 530.
Нежитъ (нежить) b 96—98.
Нектаръ 367, 373, 393—5.
Немушти језик a 573.
Неразмѣнный червонецъ 197.
Несмѣяна-царевна 602.
Несрећа b 411.
Неумойка a 372, 773—4.
Нечистая сила 91—92, 99—102, 108—112, 208, 261—8, 299, 309, 328—340, 379—381, 471—3, 478, 481, 523, 529, 533, 624, 715, 718, 743, 749, 751, 754, 778, 789, a 215—6, 236, 327—8, 365, 373—6, 380—2, 418, 428, 430, 581—4, 659—665, 668, 726, 736, b гл. XXII, 445—8, 460, 471—482, 486; см. сатана и черти.
Николай св. 475—6, 576, 698, a 214—5, 293, 408, b 373—4.
Нимсы a 203—5, 731—2, b 147, 188, 305, 354.
Нимфы 327—9, b 120.
Нички (Ночки) b 137.
Ній (Ніи) b 814.
Niflheimr 732, a 538, 637, b 17—19, 26.
Nirrti b 16, 282.
Новый годъ a 390—1, b 732—3, 744, 749.
Ногай-птица 505, b 787.
Новоть a 775.
Норны 374, a 279, b 349—357, 360, 365—6, 420.
Nöschen b 95.
Ночь 102—6, 180, a 638, 643—4; = слѣпота 168; = покровъ 544;=шапка-невидимка 544;= птица 526, 544;=конь 596—8; =корова 659—660;=овца 683; =волкъ 735—6, b 795.
Нуша b 403.

Обжинки см. дожинки.
Обида b 191, 367.
Облако см. туча.
Облакопрогонники b 442.
Облачныя дѣвы 703, a 581, 587, 709, b гл. XXIII.
Оборотни 792—6, a 332—3, 621—5, b 302, 485—7, 525—556, 562.
Объѣдало a 703, 707—8.
Овсень b 747—9.
Овинъ b 770—1.
Огненная рѣка b 22—25.
Огнищанинъ a 25, 51.
Огонь 65, 166, 193—4, 204—6, a 1—51, 66, b 796—8;=золото и серебро 200—2, b 781; =глазъ 194;=зубъ 771, b 796; =языкъ 728; птица, преимущественно пѣтухъ 502, 513, 522—3;=заяцъ 641;=лиса b 793;=быкъ 661;=конь b 792; =златощетинистая свинка 771; =змѣй a 520; трескъ огня= хохотъ a 338; добываніе огня треніемъ=соитіе a 470; горячіе уголья=золотыя яйца 533.
Одеревь 149.
Одинъ 153—4, 215—6, 268—9,

Библиотека "Руниверс"

374—5, 392—403, 424, 493, 496—7, 575, 596, 630, 698—9, 724—9, 739, 746—7, 783—5, a 122—3, 140, 202—3, 345, 427, 441—5, 448, 473, 707, b 247, 279—285, 301, 364—5, 377—9, 773—4, 785.
Одолень-трава a 415—7.
Озеро, источникъ=глазъ 663, b 794.
Океанъ a 201, 215.
Окрутники 300, 336, 717—9, b 526, 750.
Ологъ 786, a 579.
Олимпъ 121.
Омела a 431—4.
Опахиванье 300, 565—574, b 790—1.
Опивало a 703, 706—8.
Описницы b 183, 343—4.
Оріонъ (созвѣздіе) 288, 563, 610.
Ормуздъ a 465.
Орфей 323.
Орѣхъ a 310—1, 318—320, 388, 392—3.
Осень 608, b 662, 676—681.
Осина a 305—8, b 802—3.
Остара b 700.
Острова блаженные, макарійскіе 575, a 134—6, 140.
Острологъ, Острономія b 605.
Отреченныя книги b 605—610.
Оферушъ 722—3, a 741.
Очагъ a 23—48, 61—62, 66; см. домовой.

Паликопъ 479—481.
Palčik a 738, 741—2, 756, 761, 767.
Панъ 695.
Папоротникъ a 375—389, 759, b 804.
Parjanya 136, 248, 264, 312, 655, a 169.
Парки b 114, 345—8.
Patom см. Перунъ.
Пастухи a 738, 774, b 806.
Пасха см. Святая недѣля.
Паукъ b 132—5.
Пегасъ 621.
Педичовѣкъ-лакѣтъбрада (pedinjelovec-laketbrada) a 774.
Пекло a 583, 733, b 16, 20—22.
Пенаты a 28, 77—78.
Пепелюга a 177, 484.
Пеперуга (ареперуга) a 176—7.
Перата (Перхта) см. Берта.
Перекрестокъ 37, b 799.
Перелетъ-трава a 385—7, 393.
Perkuna tete (Perkunija) 484, a 126.
Перкунъ 75, 190, 197, 248—9, 256, 359, 432, 493, a 6—7, 46, 206, 299—300, 355, 502, b 782.
Перуновъ цвѣтъ a 376.
Перунъ 90—91, 110—2, 128—136, 171, 179, 189, 247—251, 257, 272—6, 291, 303, 351, 364—5, 432—9, 469—483, 506, 559, 579, 589, 628, 662, 655, 676—9, 695, 701—3, 707, 737, 771, a 46, 143, 167, 174, 225, 298—9, 354—8, 401, 405—411, 439, 464, 467, 488, 534, 559, 621, 769, 781—3, b 739, 783, 789, 801.
Песьеголовцы 721, 724, a 655.
Pesta b 113.
Петръ-апостолъ 639—640, a 146—7, 255, 403—4, 411—2, 460, 464, b 725, 756—8, 760, 789.
Пигмеи a 738.
Pikuljk a 733, b 20—21.

Библиотека "Руниверс"

Pirchunis 130.
Piris b 18—19, 230—2.
Плавца b 814.
Плакунъ-трава a 413—5.
Plevnik (plivnik) a 555, 651.
Плеяды 221—2, 288, 533, a 404, 761.
Plon см. plevnik.
Плутонъ b 2.
Пляски 339—345.
Повороты солнца b 710, 717—9, 724, 729—731.
Погода 320, b 783—4.
Погребальные обряды 121, 182, 577—581, a 22, 325, b 281—3, 791, 799, 813—4.
Подводные города и храмы a 629—631.
Подонной царь см. Морской Царь.
Подмѣнышъ b 305—313.
Подовинникъ a 69.
Покатигорошекъ a 491—2, 757, 761—3.
Pokole b 20.
Поле см. судебные поединки.
Полевикъ b 771.
Полисунъ 711, b 529.
Полифемъ a 696—7.
Полканъ 625.
Половайники a 454.
Положайникъ (полозникъ) b 734, 749.
Поленики a 651.
Полудницы 329, b 76—77, 136—9, 311.
Полуночка a 779.
Полуночницы b 77.
Полунощники b 248.
Полярная звѣзда 609.
Поминки усопшихъ 378, b 288—292
Pomlázka b 491—2.
Понедѣльникъ b 252.
Popeluška см. пепелюга.
Popelvar см. Попяловъ.
Попяловъ a 483—4, 586.
Поревитъ a 524.
Порогъ дома a 113—5, b 799.
Порода b 231, 811—2.
Посейдонъ a 167, 201.
Посолонь 181.
Постриги b 420.
Потокъ-богатырь a 218, 567—9.
Потопъ 362, a 165, 477, 644—650.
Похвистъ (Посвистъ) 320, b 783—4.
Поэзія=даръ боговъ 393—7, 401—4, 413.
Прабогъ 133, b 778.
Правая сторона 185—7.
Праздники b 683—774.
Пражницасъ a 474, 645—6, b 386.
Превращенія см. оборотни.
Промыслъ 559, 634, 676.
Прибоги 133.
Приворъ и приносъ см. сглазъ.
Приметы 27.
Притоны a 27.
Priccolitsch b 562.
Pripolnica b 138.
Прія 137—8, 227—8.
Проводы русалокъ b 150—1.
Проклятіе 427—431, b 201.
Проклятые b 314—7.
Прометей 212, 756—7, a 5, 7, 454, 471.
Прове 301.
Прострѣлъ-трава 267, a 418.
Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ b 596, 610—658.

Библиотека "Руниверс"

Прпац, приоруше a 175—8.
Психея b 217.
Птицникъ b 607.
Путникъ b 607.
Пчела 385, b 785.
Pszeniczna matka b 772.
Пыжики a 784.
Пѣтухъ 42, 299, 467—8, 518—525, a 106—7, 117—8, 295, b 465, 788—9, 802.
Πυρπηρούνα a 177.
Пятница св. (Пятинка) 231—242, a 219—220, b 131.

Радиго(а)стъ 270—2, 712, a 2—4.
Радо(у)ница a 3, b 796—7.
Радуга a 646, 653;=лукъ, дуга, арка 349—353, b 784;=серпъ 352;=кольцо 358, 363;=поясъ, головная повязка 358—363;=мостъ, дорога въ небесное царство 361—3, 732, b 282—6;=престолъ 363, b 785;=труба, насосъ 354—5; =коромысло 356, b 784—5; воздушная розга 352;=змѣй 356—8.
Разинъ Стенька a 451—4.
Разрывъ-трава 496, a 397—9, 410, 546.
Разумникъ b 607.
Рай 181—3, a 133—142, 150, 294, 312, 401—5, 440, 445, b 231, 253—281, 287, 741—2, 752, 757, 800, 811—3.
Райскія птицы a 135.
Ракшасы a 695.
Расковникъ a 397.
Растенія=волосаземли 138—141, 147, 226, b 778.
Рафля b 605—6.
Рахманы a 141, b 278.
Рябу (ribhus) 280, 323, b 230—2.
Roggenmann (Kornmann) b 772—3.
Roggenmuhme (Kornmutter) b 139, 307, 592—3, 772—3.
Rodowestec (rodowestnik) b 326.
Родословіе b 322.
Родословное древо a 479.
Родство (родъ) b 231, 811—2.
Родъ b 319—320, 368, 386—9, 416—9.
Рожа(е)ницы b 318—328, 333—340, 368, 388—9, 416—420.
Рожденникъ b 322, 368.
Рождество (рожденіе) см. родословіе.
Розгомечецъ b 383, 608.
Роса 168—9, 604, a 279—280; =слезы 167—8, 599—603, a 499, b 791—3;=медъ, живая вода 374, a 277, 281;=молоко b 490—5;=пѣна съ удилъ солнечнаго коня 596—8;=алмазы, жемчугъ 601—3, a 293—4.
Рота 431.
Рудра 768, a 768.
Руевитъ 270—1, 443, a 524.
Руны 411, 424.
Русалки 140—1, 578, a 217, 239, 244—8, 331, 339—340, 506, 718, 733, 773, b 76, 78, 122—8, 139—152, 164, 181, 188, 197, 218, 228, 240—4, 250, 281, 309—310, 486.
Русальи b 141—4.
Русальная недѣля b 141, 290.
Русальный (русальчинъ) великъ день b 141, 278.
Рыгъ (Ерыгъ) a 266.
Рѣки a 169—170, 201—3, 213—234;=кони 622—4.

Библиотека "Руниверс"

Рябина a 377, 388—9, 392, b 803.
Рябиновыя ночи a 377.
Ряженье см. окрутники.

Сага 402—3.
Садко a 211—5, 229.
Самовилы b 104, 182—6.
Самодивы b 104, 182—8, 240.
Самно 293—4, 325.
Сарайникъ a 72.
Сатана (Сатанаилъ) 311, 457, 585, 757—8, a 458—464, 476—8, 604—5.
Сатиры a 238, 326, 348.
Сварогъ 64—65, 129—134.
Сварожичъ 65, 91, 131, 193, 270—1, 771, a 2.
Свинья=плугъ b 790.
Světlonosi b 6.
Свѣтозоръ a 779.
Свѣтъ=влага, жидкость a 267—8.
Святая недѣля (Свѣтло-Христово Воскресенье) b 698—703.
Святовитъ (Свѣтовитъ) 95, 133—5, 270—1, 377—8, 523, 631—2, 684, a 170, b 745, 774.
Святогоръ 303, 582—3, a 631—2, 668—674, 679—680, 741.
Святополкъ a 451.
Сглазъ 172—5.
Saelde b 411—3.
Селена 74, 596—7, 660.
Семикъ b 144, 291, 704—5, 706.
Семилѣтокъ a 151—2, 155.
Серебро 200—3.
Сива 137—8, 230—1, 234.
Сила царевичъ 588—9, a 607—8.
Сильены b 258.
Ситиврать b 8, 761.
Skalimëj 295—6.
Скоморохи 300, 338—9, 342—8, b 784.
Скороходъ a 703—4, 709.
Scret (šcrjtek, schrat) a 332—3.
Skuld b 349, 352, 356.
Слуга-невидимка a 783—4.
Слѣдъ 37—41, b 776.
Smeia b 20.
Смертная недѣля b 695.
Smertnica (Smrtna žena) b 106.
Sm(e)rtonoška b 35, 787.
Смерть 564—8, a 365, b 33—68, 103—9, 112, 201—5, 244, 272—4, 335—9, 363, 586, 807, 815;=птица 528—9;=корова 660;см. Моровая дѣва, моровая язва, Коровья Смерть.
Смерчъ a 514.
Смокъ a 70—71, 333, 435, 539—541, 559—562, 633—5.
Сновидецъ (Сносудецъ) b 607.
Снѣгурка (Снѣжевиночка) a 497—8, 639—641.
Снѣгъ 240, 318, a 660;=покровъ, саванъ 239;=мука 290;=пухъ, перья 500, b 787.
Соботка b 712.
Созданіе міра и человѣка a 458—488.
Солнце 65—83, 106—112, 180—9, 193, 235, 312—3, 415, 599, 615, 744, a 40—41, 122—130, 134, 137, 376, 435, 486—7, 604—5, b 389—390, 413—4, 730—2, 753—7, 776, 791—2, 796—7;=огонь b 780;=око 102—3, 151—163, 166, 175, 213, 236, 374, b 779—780, 785;=небесный страхъ a 400;=окно 161—2;=зеркало 160;=свѣтильникъ 87—88, 176—9;

Библиотека "Руниверс"

=чаша, блюдо 198, a 288, b 781;=колесо 207—213, b 739; =кольцо 178, 205—7, 213—4, 776—7, a 368, 715, b 740, 781; =щитъ 163, 215—7, b 781;= шаръ 207—213;=лякъ божій 178, 218;=золото, червонецъ 194—6, a 361—2, 367—373;= драгоцѣнный камень 214—5, a 142, 541—4, 548, b 800—1; =вѣнецъ, корона 218—9, a 541—4, b 781;=царь 96, 218—9;=прялка 222—3, 226;=дѣва, невѣста 237, a 710, 714—6;= Несмѣяна-царевна 601—2;= птица 515—520, 542, b 756, 759;=яйцо 529—536;=корова 658—660;=олень 638—640;= пастырь стадъ 691; = жолчь 216—8;=желудь, a 715; солнцевы кони и колесница 103, 592—8, 604—8, 612, дворецъ, престолъ и ложе 163, 198—9.

Солнцова мать 177, 180, a 40—41, 124—6, 129, b 390.

Солнцево царство a 135—8.

Солнцевы дѣвы или сестры 82—86, 111, b 272—4.

Солнцевы источники a 288—9.

Солнышко (божья коровка) b 285—8.

Соловей-разбойникъ 302, 306—9, 514.

Сома 371—2, 393.

Сонное (или окаменѣлое) царство a 422—435.

Сонное воинство a 441—457.

Сонъ b 36—42, 54.

Сонъ-трава a 419—422, 433.

Сорока a 604—6.

Сосна-богатырь a 707, 777.

Šotek b 789.

Spánek a 433.

Спрыгъ (прыгунъ, скакунъ)-трава a 397.

Среда 242—3.

Срѣча b 409—411.

Sserpyschyja b 138, 592.

Стожары 611.

Страна вѣчной юности (страна безсмертія) a 314, b 258, 271—3.

Стратимъ (Страхиль)-птица 505, 520.

Страшило (strašidla, strashnik, pristrachy) a 99.

Стрибогъ 91, 320.

Стрига и strigoń b 535.

Стрѣла=птица 490—1.

Стрѣлокъ a 703—4, 709.

Стрѣлы (болѣзнь) b 70, 75.

Студенецъ 318, a 703.

Судебные поединки a 270—6, b 801.

Судицы, судички b 334, 339, 371, 420.

Судьба 161, 411, 428, a 233—4, 422—4, 572, 632, b 338, 346, 368—392, 410, 414, 815.

Сумеицы см. судицы.

Суртуръ 759—760, a 447, b 27.

Сусѣдко a 78.

Çushna 208, a 513.

Счастіе b 376, 393—4.

Счастливая сорочка b 359—361.

Счастливцы b 415—6.

Сѣверное сіяніе a 652.

Сѣверъ 183, b 25—28.

Tabiti a 24, 28—29.

Табунникъ a 72.

Талака b 767—8.

Библиотека "Руниверс"

Таласамъ a 84.
Θανατος b 54.
Тартаръ a 514, b 19—20, 28.
Татошъ (конь) 619—620.
Тельпушокъ см. Лутоня.
Тирличъ b 458, 461.
Титаны 436—7, a 677—8, 687.
Тифонъ a 514—5.
Товарича Смерть b 115.
Топоръ-саморубъ 274, 277.
Торъ 248, 252—5, 375, 387, 434, 465, 630, 647, 685, 759, a 354, 357, 670, 677, 681—694, 702, 740—5, 768, b 93, 379.
Требища a 268—9.
Трепетникъ b 607.
Триглавъ a 524, 643.
Троицкій праздникъ b 704—9.
Троянъ a 641—4, 723.
Тугаринъ Зміевичъ a 519, 523—6, 555.
Туманъ=покровъ, ткань, пряжа 545;=потъ a 476—7, 639; =сопли a 372;=свинья 768.
Турица b 163.
Турицы (Туры) 664.
Турсы a 695.
Туръ 662—3, b 750.
Туча=кудель, пряжа, ткань a 517, b 128—136, 154, 276, 354—5, 467—8, 492—3;=пряжа, руно a 73—74, 102—5;=руно, шерсть, шкура, одѣяніе 201, 680—1, 687—690, 711—2, 793, b 794;=волоса, брови, рѣсницы, усы, борода 115—7, 167, 170—1, a 763—773, b 154; =одежда, покровъ, плащъ, фата 221, 237, 313, 542—6, a 723—4, b 460;=пламенная рубашка 179;=щитъ 681—2;=шапка-невидимка 547—8, 743;=повязка на глаза 170—1;=слѣпота 168;=саванъ b 564; =перчатка 548;=поверъ-самолетъ (летучій плащъ) 313, 547;=скатерть-самобранка 314, 547, 550—1;=рогъ изобилія 674, 684, a 170;=сапоги-скороходы 540;=парусъ 289, 605; =корабль, ладья 277, 325—6, 552—6, 578;=коробъ 582;=гробъ 179, 574—583, 588;=плугъ 555—565, 569—573;=сито, сѣялка 570—2, b 791; =мельничный снарядъ, жерновъ, ступа 289—297;=мѣшокъ, сумка 197, 277, 282, 291, 299, 311—4, 355;=разувательный мѣхъ 280, 311—2, b 444—5;=кузница 279—282, 296—7;=источникъ (колодецъ, рѣка, море) 357, 376, a 120—1, 126—7, 134, 145, 171—2, 291, 394, b 444, 489, 589;=огненный, кипучій потокъ 367, 576—7, b 22—25;=дьявольскіе омуты 379;=сосудъ, котелъ, ведро, бочка, застольный кубокъ (рогъ) 277, 377—8, 581—2, 587—9, 623, a 169—170, 291, 369, 692—4, 702, b 443, 449—455, 459;=гора, скала, камень, пещера, подземелье 171, 179, 254—5, 275, 280, 291, 323, 395, 619—620, a 143—6, 350—7, 394, 440—2, 464, 528—530, 585—6, 655—8, 666—670;=подземное царство a 356;=пещера, погребъ, могильный холмъ a

Библиотека "Руниверс"

361—374, 382; =темница a 439; =городъ, замокъ, дворецъ 171, 277, 323—4, a 436—441, 530—2, 585—6, 659—665; =изба на курьихъ ножкахъ a 531; =очагъ, печь b 457; =дерево 323—6, 371, 620, a 277—286, 292—320, b 494—6; =рыба 325—6, 421—2, a 151—166; =птица 294—5, 491—532, 539—542; =пернатая сорочка 540, 545; =конь, кобылица 314, 324, 381—4, 598, 605, 611—631, 786, b 464, 485—496; =колесница 286, 628—631; =олень 637—640, b 464, 793; =быкъ, корова 276, 372, 375, 382—4, 389, 559, 561, 653—8, 660—8, 672—9, 707, 712—7, b 485—496; =коровій хлѣвъ a 351, 532; =козелъ, баранъ, овца 314, 481, 586, 682—9, 714—7, 761, b 757, 794; =свинья 561, 768—771, 778, 782—3, 786, 790—2, b 462—3; =лиса 643—6; =рысь, кошка 266, 647—651, b 462—3, 793; =собака 266, 728—9, 732—4; =волкъ 171, 709—711, 736—743, 746, 755—767, b 462—3; =медвѣдь 793, b 462—3; =змѣй 357, a 511—528; =клубъ (шаръ), голова 276, a 156—7; =мозгъ 115, 118—9; =кисель a 134—5; грудь, вымя 359, 655, 671, a 343, b 117—9; =дѣва и жена 327—330, 395, 400, 435, a 217, 224, b 119—121; =нечистая сила 108—9, 309; =великаны (см. подъ этимъ словомъ); полетъ облаковъ и тучъ =пляска 323, 328, 332—6.

Тѣло=одежда души b 196, 359—363, 547—8, 553—4, 810.

Тѣни усопшихъ b 212—4.

Углы дома 39, a 111—3.

Ужъ a 305—6, 633—4.

Узольникъ (наузникъ) b 432.

Ухо 254—6, 260, 351, 375, a 202, 489.

Ундины a 203—5, b 148.

Упиръ, упирица (упирja, упирина) см. упыри.

Упыри a 306—7, 408, 498, b 38, 138—9, 471, 557—587.

Уранъ 128, 436—7.

Urdharbrunnen 374, a 279, b 255.

Urdhr b 349, 356—7.

Урисницы см. орисницы.

Усови (болѣзнь) b 101—2.

Усуд b 410.

Усыни a 776—9.

Утгардъ a 743.

Фараоны a 248.

Fatum b 347.

Фаэтонъ 548, a 521, 537, 566, 573.

Фаэтонъ 219, 595, b 796.

Фен a 728, b 193, 347—8, 369, 421.

Фениксъ 514—5.

Фенриръ 755—760, b 796.

Фильгіи. b 361—2.

Фрейръ 269, 438—9, 554, 682, 778—9.

Фрея 141, 226—7, 230, 269, 439, 540, 555, 603, 647, 729—730, 778, a 661—2, 688—690, b 129, 366.

Фрингга 226—9, a 355.

Forniotr a 2, 660.

Библиотека "Руниверс"

Хвосъ a 638, b 806.
Хлѣбъ b 761—3.
Хлѣвникъ a 72.
Ховала 550.
Холера b 114.
Хороводъ 337.
Хорсъ 128, 250, b 538.
Храмы a 264—270.
Христофоръ св. 721—4, a 653, 667, 741, 770.
Хромой бѣсъ b 6.

Царь Горохъ см. горохъ.
Царь Градъ см. градъ.
Царь-дѣвица 228, a 124—8, 314—5.
Царь-змѣй a 541—550, 559, 572.
Царь Огненный Щитъ 215—7, 630.
Царьки лѣсовые, съ волотыми рожками, a 332, 335.
Цверги a 721—6, 730—2, 743, 760, 772.
Церберъ 732, b 282.
Цеця b 679—681.
Циклопическія постройки a 659.
Циклопы 155, 280, a 454, 696—701.
Цмокъ см. смокъ.
Crnojević Ivan a 451.

Чара 411—2.
Чаровникъ, чародѣй b 423,608.
Червонныя Святки b 701.
Черная книга b 609.
Чернобогъ 92—93, b 777.
Чернобыль a 574—5.
Черный день b 325.
Черти 435, 585, a 682—3, 686, 747—756, 781—3, b 313—7, 795—6;=кузнецы 296—301; =мельники 295;=волки 609, 735, 740—2, 763;=псы 733, 763—4;=свиньи 768, 781—2; воронъ b 789.
Чертовки b 14.
Чертополохъ a 415—6, b 804.
Чесница b 735, 745.
Чеснокъ a 569—571.
Четвергъ 248, 263; чистый четвергъ b 699.
Чороje b 163.
Чортова бабка (мать, жена) b 14—15.
Чортова свадьба 330, 435.
Чохъ a 338.
Чудо, Чудо-Юдо a 215, 290—1, 581, 618.
Чума b 103—116.
Чуръ a 89—94, b 798—9.
Чуткой a 703—4, 710—4.

Шестодневецъ b 605.
Широкій a 710—3.
Шишимора см. кикиморы.
Щедрики см. колядки.
Щедрый вечеръ b 744—5.
Щука a 151—161.
Щядъ a 618.

Эгиръ a 202, 537.
Эльфы a 217—8, 242, 331, 346—7, 420, 630, 720—733, 772, b 71—82, 132—5, 232—5, 250, 258—260, 281, 287, 305—8, 459, 476—8, 495.
Эодъ 312, a 357.
Эосъ 163, 199, 594.
Эросъ 461.
Эхидна a 515.
Эхо=отликъ лѣшаго a 339.
Эя a 136.

Библиотека "Руниверс"

Югъ 183.
Юды b 182, 185, 809.
Юнона 137.
Юпитеръ 128, 248, 670, a 300.
Юрата a 205—6, b 123.
Юрій св. 699—711, 763, a 175, 254—5, 402—3, 517—9, 535, 591—3, 633, 676—7, b 794.
Юрьевъ день b 491—2.

Яблоко-золотое, молодильное 125, a 308—317, 370; наводящее сонъ a 420, 433.
Яворъ a 306.
Яга-баба (jądza, jędza, jenżi, enzi, jeżi-baba) 217, 291, 333, 363, 384, 569, 573, 597, 622, 775, a 531, 595, 780, 783, b 540—1, 586—595, 816
Язонъ 276.
Язя b 588.
Яйцо 537.
Яма (Уапа) a 141, 471, b 18—19, 253, 282—3.
Янтарь a 148—9
Янусъ a 400—1.
Ярило 137, 336, 432, 438—446, 662, b 713, 724—8.
Яровитъ 270—1, 443.
Ясень a 279—283.
Ясонь (Хасонь) 444.

Ѳедоръ Тиронъ a 592—3.

Библиотека "Руниверс"

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
3	3 снизу	I, 685)	(I, 685)
5	2 сверху	вельтскихъ	кельтскихъ
27	9 снизу	выводитъ вмѣсто Суртура-	выводитъ, вмѣсто Суртура,
33	3 сверху	ѣ псяихъ	пѣсяихъ
65	12 —	Селу	Сему
88	9 —	Предтечи	Предтечѣ
92	19 —	заговора,	заговора;
140	3 снизу	Веетиславъ	Бретиславъ
156	17 сверху	yilu	vilu
158	2 —	пристаништа	пристаништа,
164	17 —	n poteru	u poteru
171	8 снизу	говорила чтобы,	говорила, чтобы
174	1 —	лѣзеленымъ сомъ	зеленымъ лѣсомъ
192	9 сверху	шкуры,	шкуры;
199	2 —	slepogeni	slep ogeni
206	1 —	агонія	агонія,
216	3 снизу	некакая	некакав
337	8 сверху	тетка	тетка,
345	15 —	римрать	умирать
376	14 —	часть,	часть.
410	3 —	Добыть	добыть
411	12 снизу	ђевојке	ђевојке!
442	10 сверху	доемія,	доемія
448	4 снизу	Канцлеръ,	Канцлеръ
457	11 сверху	6)	b)
460	11 снизу	dir hinter die	die hinter dir
504	10 сверху	турдовъ	трудовъ

Библиотека "Руниверс"

531	14 —	съ туреннимъ	съ утреннимъ
—	7 снизу	wolfhemd	wolfhemd)
554	4 сверху	преобразить	преобразиться
605	5 —	записывались	записывались
622	7 —	отозвася	отозвался
642	9 снизу	рубашки	рубашки;
650	4 —	далѣе:	далѣе;
690	5 сверху	медомъ	медомъ,
734	2 —	горячія	горячіе
769	2 —	ями	яли
773	9 снизу	но годову	на годову
798	10 —	солью	солью,
799	11 —	sulvas	sylvas

Въ I-мъ томѣ:

146	14 сверху	вина	пива
177	7 —	страны тумановъ	страны, противоположной царству тумановъ
412	6 —	XIII в.	X в.
480	14 —	у стријеле	и стријеле
671	5	стоитъ	стоитъ Спасъ

Во II-мъ томѣ:

67	5 сверху	гл. XXVIII	т. III, 798.
102	2 снизу	198	298.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"